

ЛУЧШИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ РАССКАЗЫ
В ЖАНРЕ ХОРРОРА ПО ВЕРСИИ ЧИТАТЕЛЕЙ

САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА

Самая страшная книга

М. С. Парфенов

Самая страшная книга 2020

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Парфенов М. С.

Самая страшная книга 2020 / М. С. Парфенов — «Издательство АСТ», 2019 — (Самая страшная книга)

ISBN 978-5-17-118943-3

Ужасное... оно повсюду. Выглядывает из темного леса, караулит под дверью, едет с тобой в одном вагоне. Ужасное... оно всегда. В эпоху царей и во время Первой мировой, в «лихие» девяностые и в наши дни. В прошлом, настоящем, будущем. Ужасное... оно во всем. Пялит безумные зенки сектанта, проливается с небес кровавым дождем, шепчет из жерла старой стиральной машины, звонит по домофону, доставляется курьером на дом. Ужасное уже здесь. В твоих руках! На страницах антологии «Самая страшная книга 2020».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-118943-3

© Парфенов М. С., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Привет читатель!	6
Максим Кабир	8
Парфенов М. С.	29
Иван Белов	40
Юлия Лихачёва	57
Станислав Романов	70
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Самая страшная книга 2020

Сборник рассказов

© Авторы, текст, 2019

© А. А. Прокопович, составление, 2019

© Е. Эллер, иллюстрация на обложке, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Привет читатель! Я хочу сыграть с тобой в игру

Это звучит как описание фильма ужасов вроде «Пилы» или «13 заданий», но это не выдумка. Это реальность.

Каждый год группа незнакомцев собирается в одном месте и в одно время. Люди разного пола, возраста, профессий. Из разных городов и даже стран... Что их объединяет?

Желание испытать страх.

По большому счету это объединяет всех нас, поклонников хоррор-литературы, испокон веков. Еще в 1805 году князь Шаликов писал о том, какое удовольствие доставляют ему «... привидения, пещеры, кладбища» в готических романах – «потому что пугают, а страх сего рода заключает в себе что-то приятное». О том же твердили читатели – современники Брэма Стокера (среди которых мы найдем и русских поэтов Валерия Брюсова и Александра Блока), восхищавшиеся его «Дракулой». Про то же самое «наслаждение страхом» пишет один из столпов жанра, Г. Ф. Лавкрафт, в своем эссе «Сверхъестественный ужас в литературе».

Сегодня к этому хору воспевающих ужас голосов присоединяются авторы, исследователи и читатели русского хоррора.

В том числе и те два-три десятка читателей-незнакомцев, которые участвуют в создании ежегодных антологий «Самая страшная книга».

Любая литература не может существовать без читателей, и литература ужасов тоже. Но в случае с ежегодниками «Самая страшная книга» эта взаимосвязь находит себе наиболее уникальное и осязаемое применение.

Каждый год многие авторы, желающие пробиться в нашу антологию, присылают сотни текстов, многие из которых ужасны в самом худшем смысле этого слова, но всякий раз находятся среди них и такие истории, от которых мурашки бегут по коже и кровь стынет там, где она обычно стынет.

Благодаря желающим испытать страх незнакомцам эти истории издаются, эти рассказы читают тысячи людей.

И каждый год мы говорим спасибо нашим незнакомцам, но обычно где-то на последних страницах антологии.

В этот раз мне захотелось прервать традицию и назвать их всех поименно уже в самом начале:

Анастасия Добрынина (Москва)
Мария Семенова (Томск)
Оксана Андреева (Краснодар)
Дмитрий Иванов (Республика Марий Эл)
Лидия Балабан (Калининград)
Анастасия Колокольчикова (Домодедово)
Дмитрий Иванов (Нижний Новгород)
Сергей Филиппов (Тюмень)
Мария Никитина (Балашиха)
Татьяна Хаданович (Минск, Белоруссия)
Ксения Бахметьева (Самара)

Дмитрий Прокофьев (Санкт-Петербург)
Татьяна Иванова (Тюмень)
Анастасия Асмаловская (Краснодар)
Дмитрий Карманов (Санкт-Петербург)
Евгения Зобнина (Москва)
Татьяна Рыбалко (Санкт-Петербург)
Николай Чекмарев (пос. Хвойная, Новгородская обл.)
Сергей Никонов (Кишинев, Молдавия)
Павел Орловский (Домодедово)
Елена Немчинова (Миасс)

Все они заслужили наши благодарности своим трудом – они и другие, те, кто участвовал в создании предыдущих «страшных книг».

Некоторые из этих замечательных людей помогают нам уже не первый год. Кого-то мы уже знаем лично – виделись на одной из встреч с читателями – или скоро узнаем – например, на Самом страшном фестивале, что с недавних пор устраиваем на Хеллоуин. Некоторые из наших незнакомцев заглядывают к нам на сайт horrorbook.ru или в нашу группу Вконтакте (она так и называется – «Самая страшная книга»).

Но знаете что?

Мы всегда открыты для новых читателей! Всегда рады новобранцам в нашей «армии тьмы».

Так что заходите на наши ресурсы, пишите нам – если хотите испытать старый добрый страх.

И пусть это звучит, как слоган фильма ужасов, – в конце концов так и должно быть.

Слышишь, читатель?..

Я, «Самая страшная книга», хочу сыграть с тобой в игру.

Максим Кабир

Исцеление

Кухня была крошечной, под стать хозяйке, и такой же захудалой и неухоженной. Отслоившаяся побелка, паутина в углах, рыжий таракан, обосновавшийся на допотопной газовой колонке. Журналистка оперлась о стол, но сразу убрала руки: ладони липли к клеенке. И куда бы гостя ни смещала взор, всюду бросались в глаза признаки упадка, хвори: пятна, сигаретные метки, прусаки, венозные ноги хозяйки, дырявые тапочки.

Пахло подгоревшей едой, кошачьей мочой и окурками. Алле Вольновой хотелось выйти на улицу, глотнуть декабрьского воздуха, но она напомнила себе о цели визита. Выдавила вежливую улыбку.

На столе шелестел пленкой кассетный диктофон. За окнами перемещались снежные массы, словно кто-то размахивал белым полотнищем, и вырисовывались коптящие трубы комбината.

Катерина Тюрина прижала к животу фотографию в рамке, как щитом огородилась. Единственный достоверный портрет Соломона Волкова, зернистый снимок, иллюстрировавший статью трехлетней давности «Мессия или лжепророк?».

– Может, все-таки чаю? – снова предложила Тюрина.

Выстроившиеся у мойки стаканы были черны от налета. Алла тактично отказалась.

– О чем бишь я? – Тюрина потеряла нить повествования.

– О врачах, – помогла гостя.

– Врачи, – глаза женщины затуманились, – врачи давали нам от силы год. Говорили в Москву езжать, но откуда у нас деньги на Москву? Муж ушел, пропойца. Я милостыню просила возле универмага, час просила, другой, потом так стыдно стало, хоть режь меня. Эх, – она вытерла со щеки слезинку. – Острый лимфобластный лейкоз. В костном мозге живет, и по крови, по крови распространяется, органы кушает.

Алла зацепилась мыслями за предыдущую фразу Тюриной, про мужа. Слегка мотнула головой, стряхивая неприятные образы.

– Доктор сказал, – продолжала Тюрина, – эта болезнь составляет тридцать процентов всех случаев онкологических диагнозов. Вы представляете, сколько деток она забрала? Сколько матерей через ад прошли?

Тюрина посмотрела на фотографию, и взгляд немедленно потеплел. Так верующие смотрят на иконы.

– Волков был нашим последним шансом.

– А как вы узнали про него? – спросила Алла.

– Добрые люди сообщили. Мир слухами полнится, верно? Лешка мой в школу уже не ходил, не мог. Синий был весь, синяки по телу ни от чего. Кровь из носа... Ну и поехали мы, оно же недалеко, рукой подать. Взяли и поехали.

Женщина, как младенца, баюкала черно-белое фото, вырезанное из спекулятивной, канувшей в небытие газетенки, любовно обрамленное дешевенькими пластмассовыми планочками.

Порывы ветра заставляли стекла дребезжать. Тараканы курсировали по сальным бокам холодильника.

– Волков лично разговаривал с вами?

– Он не разговаривал. Только улыбнулся Лешке – знаете, как вот замерзнуть сильно-сильно, а дома в горячую воду залезть – вот так сделалось от его улыбки. И я поверила – сразу, – что все истина.

– Что – истина? – вскинула бровь Алла.

– У вас самой дети есть?

Вопрос не ранил. Почти. И полуправда далась легко, заученно.

– Дочь.

– Вы понимаете, каково это – мысленно хоронить свое дитя?

Алла почувствовала головокружение раньше, чем мозг изобразил черную прожорливую яму среди крестов и надгробий. Рука легла на грязную клеенку, удержаться, не рухнуть с колченогого стула. Но приступ миновал; так волна окатывает берег и отступает, чтобы обязательно вернуться вскоре.

Тюрина ничего не заметила. Выудив из мятой пачки сигарету, она прикуривала от зажженной конфорки.

– Пять лет прошло, а будто вчера было. Палаты, лекарства. Каждую ночь вскакивала, подносила зеркальце к его носику: не умер ли? – Она затаилась, выпустила дым в облесный потолок. – Со мной на остров женщина плыла, разыщите ее. Нина Рогачевская, ей диагноз поставили: деформация матки, бесплодие. Мы обменялись адресами, она мне письмо написала через три месяца, что ляльку ждет. – Тюрина сбила пепел в мойку. – Мы потом говорили, на обратном пути. Я спросила: а он действительно... действительно ли Волков светился, или мне померещилось в дыму? И Нина подтвердила: светился.

– В каком смысле? – Алла прищурилась.

– В волшебном, – сказала Тюрина.

Перебивая, хлопнула дверь, сквозняк вторгся в квартиру, затрепетали занавески.

– Привет, мам, – на пороге появился высокий подросток с открытым привлекательным лицом. Алла подивилась, как у невзрачной Тюриной родился такой рослый и симпатичный мальчик. – Здравствуйте, – подросток кивнул госте.

– Это журналистка, – пояснила Тюрина, – из «Сибирского полудня».

– Очень приятно, – Алла пожала протянутую ладонь.

Перед ней стояло живое доказательство чуда... или доказательство чудовищной ошибки провинциальных медиков. Алла склонялась ко второму варианту.

– Леша, – Тюрина повернула фотографию так, чтобы черно-белый Соломон Волков посмотрел на ее сына рыбьими глазами. – Кто это, а?

– Это Боженька, – без запинки ответил мальчик.

Автобус катил мимо фабричных фасадов, серых сугробов и пустых остановок. Редкие пешеходы плутали во мгле; фонари мерцали из выюги. Автобус перевозил желтый свет, слащавую музыку и трех-четырех пассажиров. Иисус взирал с календаря за спиной водителя. Играл «Ласковый май». Почему-то вспомнилось, что в детстве, услышав от бабушки о казни Христа, Алла плакала навзрыд. Как Господь допустил, что добрый, ни в чем не повинный Христос страдал на кресте, а вредная мерзопакостная Ритка из третьего «А» живет припеваючи?

Простое объяснение явилось гораздо позже. Нет ни Бога, ни справедливости. Сколько ни пичкай себя христианскими сказками, после смерти тебя съедят черви в могиле.

А как же Леша Тюрин? – поинтересовался внутренний голос, тот, что подвергал скептицизму даже сам скептицизм. Голос, незаменимый для лучшего, по словам главреда, пера «Сибирского полудня». Врачи, повторно обследовавшие Лешу, были ошарашены. Рак исцелен.

И кем? Человеком, считающим себя новым Мессией, пророком, окопавшимся в изолированной деревеньке... – так по крайней мере считала мать мальчика.

Катерина Тюрина наверняка оскорбится, увидев будущую статью Вольновой. Что ж. Жизнь порой жестоко тычет нас рыльцем в наши заблуждения.

И нет в тайге человека, лечащего рак. А есть те, кто способен наживаться на убитых горем родителях.

Чудо в другом, размышляла, трясаясь в ЛАЗе, Алла. Почему наивные россияне, несущие к телевизорам банки с водой, безоговорочно верящие мошенникам вроде Чумака и Кашпировского, не прут сюда массово? Нет тысяч паломников, нет шумихи в падкой до сенсаций прессе, и весь выхлоп ограничивается статьей девяносто седьмого года, написанной неким Р. Карповым?

Мистика...

На Пролетарской в автобус ввалилась шумная троица. Пахнуло спиртным. Крашеная деваха отрывисто хохотала, дружок тискал ее ручищей в синих тюремных наколках. Третий, расхристанный, шапка набекрень, сосал «Балтику» из бутылки. Алла узнала его, втянула голову в плечи, решила выскользнуть на следующей остановке, пешком дойти...

Но мужик уже заприметил ее, пьяная ухмылка завяла. Он поплелся в хвост салона, пристроился на сиденье перед Аллой, вполоборота. Андрюшка – толстое брюшко, бывший ее муж.

– Ну, привет, Алл.

– Привет.

Противно было смотреть на подбитый глаз Андрея, дышать его перегаром, видеть седину в короткостриженных волосах. Тот парень, остроумный и робкий студент педагогического, в которого она влюбилась и за которого вышла замуж, давно испарился. На нее таращился мутными бельмами ходячий мертвец, напяливший восковую маску, дурную копию некогда любимого лица. Очередной минус обитания в маленьком городке – старых знакомых встречаешь чаще, чем хотелось бы.

– Как ты? Как живешь?

– Живу.

– Хорошо. – ЛАЗ подпрыгнул на колдобине, Андрей оплескал себя пивом, но не обратил внимания. Он так всматривался в бывшую жену, будто пытался разглядеть упорхнувшее счастье. Собрать из кусочков фотографию, где Вольновы наряжают елку и смеются. Подмывало плюнуть в него. – А мы день рождения празднуем, – сообщил Андрей, словно оправдывался за запах, за затрапезный вид, – я ж на работу устроился.

– Поздравляю, – холодно сказала Алла. Андрей лгал. Друзья докладывали, он промышлял кражей канализационных люков, получил условный срок.

Игла скакала по заезженной пластинке неловкой беседы.

– А ты как, Алл?

– Нормально.

За окном заблестели огни микрорайона, Алла поднялась.

– Малышка...

Будто бритвой по сердцу. Какая я малышка тебе, мудака?

– Я был на кладбище.

Не надо, пожалуйста.

– Красивый ты крест заказала.

Что ответить? «Спасибо»? «Ага»?

А крест и вправду красивый, гранитный. Под ним холмик, внизу, в мерзлом черноземе, дочурка их.

– Андрон, – окликнул собутыльник, – давай к нам, с бабой своей.

Нужно есть снег, чтобы смыть с языка горечь.

– Пока, малышка, – сказал грустно мертвец.
Алла опрометью выскочила из автобуса.

В тусклом солнечном свете кружились пылинки. Пепельное небо нахохлилось над рубероидом крыш. Коллега Вольновой строчила статью о миллениуме, кроме них двоих, никого не было в офисе «Полудня». Главред слег с пневмонией, дистанционно, из больницы, руководил процессом.

Алла сгорбилась на подоконнике, теребила телефонный провод и наблюдала, как детвора за окнами лепит кособокого снеговика. Виски ломило. Среди ночи опять кто-то звонил и молчал в трубку, она подозревала, что это Шорин наяривает, человек, чей автомобиль оборвал жизнь ее трехлетней дочурки. Два года пролетело, а он не уставал напоминать о себе. Словно мало Алле воспоминаний, комковатых, как падающая на крышку гроба земля.

Алла родилась под взрывы салютов в первые минуты семидесятого года. Через пару недель ей стукнет тридцать. В новое столетие шагнет одинокая измотанная, истерзанная тетка. И чудеса ей – что скаалка безногому инвалиду.

Палец сорвался с диска: снаружи первоклашка поскользнулась, распласталась на льду. Но сердобольная мама ринулась спасать ребенка, и Алла выдохнула. Повторно набрала номер.

– Квартира! – оповестил женский голос.

– Доброе утро, – Алла чиркнула в блокноте карандашом, обвела предоставленный Тюриной номер. – Я ищу Нину Рогачевскую.

На заднем плане лепетал ребенок. Женщина спросила после продолжительной паузы.

– А вы кем будете Нине?

– Никем. Я журналистка, издание «Сибирский полдень».

– Читаем, читаем, – сказала женщина и шикнула в сторону: – Нельзя, кака!

– Так вот, – кашлянула Алла, – я хочу задать Нине несколько вопросов.

– Хватит. Брось сейчас же, не то убью, – в трубке зашелестело. – Простите, это я не вам.

Нина была моей соседкой, у нас телефон на блокираторе.

– Была?

– Не стало ее весной.

Алла прикусила кончик карандаша.

– Соболезную.

– Я тебя умоляю. Прекрати этот цирк, – в динамике грохнуло так, что Алла поморщилась. – Извините, – сказала женщина, – дети шалят. Что вы говорили?

– Как мне связаться с мужем Нины?

– Развелись они. Сыночек родился, и муж сразу ушел.

Перед внутренним взором встал Андрей в заляпанной пивом дубленке.

– С кем же ребенок остался? – забеспокоилась Алла.

В трубке повисло молчание. Потом женщина заговорила, осторожно нащупывая слова.

– Там, милочка, такая история... страшная. Нина после родов ходила сама не своя. Боялась всего. Блазились ей разные. В марте она покончила с собой, в прорубь бросилась. Да не одна, а с сыночком своим долгожданным.

Покинув журналистику, Роберт Карпов переквалифицировался в частные предприниматели. Открыл химчистку. Контора его занимала гараж в запутанных лабиринтах кооператива.

Автор статей о йети и НЛО стоял на четвереньках, тощей задницей к Алле, щеткой драил пестрый ковер. Полупромышленный пылесос ревел, как разгневанный зверь. Гости пришлось трижды стучать в металлическую створку ворот.

– Ах, это вы! – Карпов выключил махину. Тряпкой вытер красные ладони.

– Не помешаю?

– Ни в коем! Давайте прогуляемся.

Они брели по извивающимся туннелям между кирпичными коробками. Была суббота, у гаражей работяги жарили шашлыки. Запах мяса смешивался с вонью горящей поодаль свалки. Пламя шуршало над мангалами.

– Значит, про волковскую коммуну пишете? – Карпов покрутил седой ус.

– Пишу, и к вам за информацией пришла. Ваше расследование девяносто седьмого года чуть ли не единственное, что можно разыскать о Волкове.

– Да какое расследование! – отмахнулся Карпов. – Заметка, не больше. Собрал сплетни оттуда, отсюда. Фото товарищи накопили. Тогда Волков еще был на слуху, это теперь про него забыли совсем.

– Правда, что он из наших краев?

– Из Назаровки родом. Деревня это на востоке области. А у нас он в интернате пребывал, для детей-инвалидов, с семьдесят девятого по восемьдесят третий. Здание интерната сгорело дотла в перестройку, архив сгорел. Из бывших сотрудников ни один Соломона Волкова не вспомнил.

– А из бывших воспитанников?

– Какой с них толк? Малахольные.

Ощетинившийся пес выскочил на тропинку, залаял. Карпов топнул ногой, швырнул в собаку снежком. Животина ретировалась за обледеневшие кусты.

– Коммуна, – сказал автор «Мессии или лжепророка», – образовалась в девяносто третьем.

– Соломону было...

– Двадцать шесть. Они поселились на крошечном острове посреди таежной реки. Какой-то приток Оби. Медвежий угол, глухие места – хрен доберешься. Да я со своей копеечной зарплатой и не пытался.

– А кто – они? – спросила Алла.

– Сперва Соломон с матерью, позже у них последователи появились, кто Соломона за святого почитал.

– Почему же он при живой матери в интернат попал?

– Мамаша его ненормальная. В психушку загребела в Красноярске, но, видно, там плохо лечили. Как выписали ее, так она сына забрала и в бега подалась, в тайгу.

«Красноярск», – поставила галочку Алла.

– Чем они занимаются на острове?

– А черт знает. Молятся. Рыбачат. Люди доверчивые опять-таки еду им несут. Но они не всех принимают еще. Паломники на берегу, бывает, неделями ждут. Кто-то из волковцев на плоту подплывает, выбирает: тебе аудиенцию предоставим и тебе, а вы – вон ступайте. Вы встречались уже с Тюриной?

Алла подтвердила.

– Мозги они ей промыли знатно. Когда горе такое у человека приключилось, им манипулировать проще простого.

Алла подумала о Нине Рогачевской, ныряющей в прорубь со своим малышом. По спине побежали мурашки.

– Но сын Тюриной выздоровел.

– Угу. Онкологи говорят, такое бывает, пускай редко. Известны случаи самоизлечения даже от меланомы. Правда, бывает, что опухоль возвращается, и в еще худшей форме. Современная наука несовершенна...

– Выходит, славы волковцы не жаждут?

– А вы бы их лично спросили, тем паче ехать далеко не нужно. У меня дома адресок завалялся парня, он два месяца в общине прожил. Затребовал деньги за интервью. Я бы заплатил, да начальство урезало вдвое мою писанину. Один черт, не вместились бы все.

Они намотали круг по кооперативу. Возле химчистки Карпов задумчиво произнес:

– Вы – милая девушка, Алла. Я вам вот что скажу, но вы не смейтесь. Моя бабка покойная преподавала рисование в школе. А на пенсии гаданиями увлеклась. Были у нее карты Таро, не помню, где раздобыла. Самодельные, цыганские. Ни разу не соврали, клянусь. Я в эту хиромантию не верю, но то, что они правду говорили, факт. Со временем истрепались карты, и бабушка – художница же! – решила их перерисовать. Нарезала прямоугольники из лакированного картона. Краски взяла. Полколоды нарисовала, а как дошло до карты с Сатаной, – Карпов выдержал театральную паузу, – бабушка рассказывала, окна в квартире распахнулись настежь, хотя погода была безветренная, и словно кто-то ей руку на плечо положил: тяжелую, когтистую. Положил, и шепчет на ухо: «Рисуй меня!»

Алла слушала доселе рационального Карпова, с трудом маскируя удивление.

– Бабка колоду порвала и не гадала больше.

– Вы к чему клоните? – спросила журналистка вежливо.

– К тому, что статья «Мессия или лжепророк» была для меня точно эта бабкина карта. Я когда материал собирал... происходило всякое. Странное. Плохое, – карие глаза Карпова заблестели. – Мне сны снились. И наяву...

– Что – наяву?

– Ничего, – бывший журналист сплюнул. – Будьте осторожны. Есть затерянная в тайге фигня, и эта фигня должна оставаться в тайге.

Счастье было душистым и мягким, как Дашина щека. Оно грызло печенье, сжимая двумя лапками, не любило каши, сидело в колготках у телевизора (отодвинься от кинескопа!), пело, перевирая, песенку из заставки мультсериала «Чудеса на виражах». Сонное счастье теребило косички, путало приснившееся и реальное, хотело дружить со всеми на детской площадке, особенно со взрослыми девочками, которым было неинтересно маленькое счастье.

Счастье оказалось хрупким, как Дашины кости, соприкоснувшиеся с бампером шоринского жигуля.

И, точно после опустошающей войны, Алла проснулась посреди чуждого выморочного мира.

Придя домой из церкви, она набрала ванну. Разделась, изучила себя в зеркале. За два года она похудела на десять килограммов. Кожа истончилась, под ней ветвились синие вены. Грудь, как полупустые мешочки. Шрам сизым шнурком над зарослями лобковых волос – рубец от кесарева сечения, отсюда вышла Даша, мокрая, похожая на жабку, и Алла выдохнула с нежностью: «Какая страшненькая!», а санитарка сказала: «Сами вы страшненькие».

Запас слез иссяк, но без них стало еще хуже.

Алла отправилась в постель, чтобы видеть во сне дочь, чтобы целовать ее и ловить, смеющуюся, среди коряг и сосен.

По неопрятности жилище Гнездова оставляло далеко позади хрущевку Тюриной. Настоящие авгиевы конюшни, провонявшие ацетоном. Нагромождение хлама, мешков, ящиков. Мебель отодвинута от стен, пыльная лампочка цедит слабый свет.

Гнездов плюхнулся на продавленный диван. Алла, занявшая место в подозрительно пахнущем кресле, подумала, что скаредный шеф мог бы поднять ей зарплату. Раз уж она бродит по бомжатникам, хорошо бы получать за это приличные деньги.

Гнездов, прыщавый, несуразный доходяга лет двадцати пяти, уточнил, что «затеял ремонт». Но если кто и сделает здесь ремонт, то следующие жильцы, когда продезинфицируют нору хлоркой.

Алла посмотрела тоскливо на закупоренные фанерой окна. Вручила Гнездову оговоренную сумму, он жадно пересчитал купюры, сунул за пазуху.

– Как вы попали в коммуну?

– Молод был, глуп. Занимался разным, – Гнездов поскоблил впалую щеку ногтями, – наркотики...

– Вы узнали, что Волков лечит наркозависимых?

– Как бы да. Как бы мать моя узнала и спровадила меня. Я там на берегу сутки торчал, под перевернутой лодкой ночевал. Слышал, как они поют. А наутро приплыл паром. Двоих бедолаг, что со мной куковали, попросили сдymить. А меня, ишь ты, взяли на остров.

– Какое впечатление произвела на вас община?

– Ну какое... стремное. Ни телика, ни карт, ни бухнины. Знай паши, дрова руби, рыбу лови, – Гнездов запустил пятерню под футболку с логотипом «Денди», почесал живот. – Потом артиллерия эта злодремучая.

– Артиллерия?

– Ну, вши. Волковцы живут как монахи. Мрачные, мля. Ни побазарить, ни анекдот потравить.

– Но вы остались?

– А у меня варикоз не было. Тут мусора прессовали, тюрьма светила прожектором. А на острове... ну там спокойно было. Я как-то втянулся. Даже приколовся. Природа, вся херня.

– В общине царит строгая дисциплина, верно?

– Строже, чем на красной зоне. Ни пернуть без указки. Спим, работаем, жрем. К парому подойти без спросу – выпорют! Но до суши вплавь – два пальца обоссать.

– Выпорют? – переспросила Алла. – Вы видели, как членов общины бьют?

– Дай подумать, – Гнездов сощурился. – Раз пять видел.

– За что?

– А мало ли за что? Подумал о чем грешном. Или лишний кусок хлеба умыкнул. Или волянил на лесоповале. Это, считай, единственное развлечение и было – смотреть, как Волкова наказывает кого-то.

– Мать Соломона Волкова?

– Да, Мария. Бандерша их. Всегда лично порола, плетью с тремя хвостами. Она там за главную, шкуру снимет, если что.

– Волкова за главную? Не Соломон?

– Я тебя умоляю, – прыснул Гнездов, – Соломон – дурачок. Его мать использует, мол, ай, живой бог, чудеса творит. А он два плюс два не сложит на калькуляторе. Мы в шараге таких чморили.

– Вы часто видели Соломона Волкова?

– Не. Один раз всего, вот как меня на остров привезли. Там изба, и поджигают траву, чтобы, значит, дым был, ну шоу, мля, отвечаю. И он, мля, в дыму, лыбится, трогает меня, шваль. Лечит, значит.

– Вылечил?

– Та не. Меня больше природа вылечила, труд физический.

– То есть в чудеса Волкова вы не верите?

– Малая...

«Малышка», – шепнул в черепной коробке Андрей.

– ...Я доношенный так-то. После этого цирка я попросился у них потырловаться, и Волкова разрешила, но близко меня не подпускали, зыряли подозрительно. Были у них ночные тусовки, туда чужим ни-ни. Боялись, что я их девок попорчу, а у меня б на таких страшилищ не встал, – Гнездов осклабился мерзко. – Но кой-чего я видел. Видел, как привезли сразу пятерых, лечить, значит. Была там слепая баба. Ну, абракадабра, аллилуйя, баба прозрела. Только я-то знал, что она местная, из волковских, и никакая не слепая. Развод для лохов. Такие, мля, чудеса.

– Почему вы покинули коммуны?

Гнездов пожал плечами:

– Скучно стало. И стремно. От скуки, видать, кукушка съехала, стало мне мерещиться. А свалил, полегчало.

– Что мерещилось? – Алла сканировала Гнездова пристальным взором и сама не понимала, зачем ей знать детали наркоманского бреда.

– Что Соломон ко мне в кровать залезает, – Гнездов поежился. – Кладет мне руки на физию, а у него дыры в ладонях. Еще снилось, что я червей ем, как это... ну у попов, хлеб и кагор...

– Причастие.

– Короче, вассер. Ну я вспомнил за нафталин и смылся.

– А много было таких, как вы? Живших в коммуне.

– Левых? Пару тел. А местных... точно не скажу. Типа рыл двадцать, но, когда они ночами заводили свою шарманку с молитвами, казалось, что гораздо больше.

Интервью длилось полчаса. Уходя, Алла заметила еще одного человека в комнате: мужчину, который сидел в кресле лицом к стене. Косматый и неподвижный, не странно ли, что он все время был там, за этажеркой, и не издал ни единого звука?

Шеф кашлял в трубку, плохо, надсадно. Алла, как положено, поохала о его здоровье.

– До свадьбы заживет, – просипел редактор, – как статья, пишется?

Алла похлопала по блокноту:

– Это бомба, Саныч. Я позвонила в Красноярск, нашла психиатра, помнившего Марию Волкову. Никакая она не Мария, кстати, а Оксана. Мария, наверное, по аналогии с Божьей Матерью.

– Классное самомнение, – прокомментировал редактор.

– Дело меняет оборот. Оксана Волкова – больной и опасный человек с садистскими наклонностями. И опасна она в первую очередь для собственного сына. Я-то думала, что Соломон Волков – жулик с комплексом Наполеона, но чем глубже копаю, тем сильнее убеждаюсь, что он – несчастный мальчик и заложник сумасшедшей матери.

– Ты мое сокровище, – Алла представила шефа, потирающего руки в больничном коридоре. – Как считаешь, громыхнем мы на всю область с разоблачением?

– Бери выше. На всю Сибирь, – Алла понизила голос, словно в пустой редакции ее могли подслушать. По радио объявили чрезвычайное положение, коллеги сбегали домой, куда ходит транспорт. За окнами падал снег, бушевала метель. – Мне надо уехать на пару дней. По работе.

– В коммуны? – насторожился редактор. – Одну я тебя не пушу.

«Поглядим», – пронеслось в голове.

– Нет, поближе. Назаровка, село, откуда Волковы родом.

– Знаю, тмутаракань. Где ты машину возьмешь? Рейсовые автобусы туда если ездят, то тридцатого февраля.

– Найду машину, – заверила Алла, ощущая себя в редакции, как в сундуке, несущемся по разъяренным волнам океана.

...Ветер лупил наотмашь, норовил спихнуть в кювет. Алла брела, ссутулившись, по белому полю, расчерченному колеями и трещинами. Кряхтела наледь. Буран заключил горсть девятиэтажек в кольцо, понастроил баррикад. Фонари искрились бенгальскими огнями. Панельные здания выплескивали в бушующую темень синий и желтый оконный свет. Там, в коробках, жены стряпали ужин, мужья отдыхали у телевизоров, смеялись дети.

Алла зажмурилась – от ветра, от ледяного крошева. Представила, что Даша рядом, семенил по снежку. Почти ощутила ее руку в околеченных пальцах. Через месяц после похорон Алла начала разговаривать с дочкой. Ловила себя на том, что болтает в маршрутке, спрашивает о разном, кивает, представляя ответы. Пассажиры косились, хмыкали. Алла поняла, что соскальзывает в безумие, и волевым усилием прекратила беседы с призраком. Но сейчас, продрогшая, издерганная стихией, она прошептала:

– Скоро будем в тепле, я спагетти сварю, хорошо же?

Она чувствовала себя истоптанным, изорванным ковром: горе въелось в ворс, никакая химчистка не спасет. Сапог поехал по льду. Ослепла, дура, чуть не сверзилась в сугроб.

Алла помассировала веки.

Впереди на аллее, огибающей котельную и детский садик, маячил мужчина в синем пуховике. Спина к Алле, на голове – капюшон, не узнать, даже если это ее сосед. Выгуливает собаку, наверное, – Алла осмотрелась, но лишь белые смерчи гуляли по пустырям и окрестным огородам. В окнах моргали праздничные гирлянды. Облепили стекла елки и снежинки, вырезанные детьми из фольги.

Алла поправила воротник.

Расстояние между ней и синей курточкой сокращалось. Мужчина разворачивался медленно, будто ветер сам его разворачивал. Вот-вот покажется лицо.

Но лица у мужчины не было. Вместо головы – пустая пещера капюшона. Как безмолвно кричащая пасть, отороченная мохнатыми губами искусственного меха.

Руки Алла держала в карманах и теперь ущипнула себя сквозь подкладку и кофту, чтобы зловещая фигура исчезла или чтобы в капюшоне появилось лицо.

Но ни того, ни другого не произошло.

Огородное пугало возвышалось над ней, шурша синтепоном (так пленка шуршит в диктофоне).

Потому что...

«Потому что, – подсказал рассудок, – это подросток дурачится, шугает прохожих, натянув куртку на макушку, и голова его вон, где грудь, за молнией».

– Очень смешно, – скривилась Алла, проходя мимо. К подъезду, к свету, к голосам телевизионных дикторов.

А шутник так и остался стоять на пустыре, в метели.

Аппетит пропал. Алла посчитала до ста, до пятидесяти, снова до ста и набрала номер из старой записной книжки: трижды перечеркнутый, подписанный зелеными чернилами: «СМЕРТЬ».

– Вы сможете отвезти меня в тайгу на выходных?

Человек, раздавивший ее дочь, кажется, обрадовался.

– Да, конечно. Положитесь на меня.

Алла грохнула трубкой по рычажкам.

Ночью приснился жигуль, несущийся из мрака, но за рулем сидел не Шорин, а безголовый. Во сне капюшон синей куртки оброс клыками, похожими на сосульки. Он чавкал алчно. Тормоза визжали.

К субботе погода устаканилась, вышло солнце, позолотило просторы.

Шорин прибыл на болотного цвета «Ниве». Жигуль он продал.

Сергей Шорин был высоким, атлетического строения брюнетом. За два года в курчавых волосах завелась седина, под свитером крупной вязки очертилось брюшко. Говорили, он пьет так, что невеста бросила, но к Алле приехал свежим, трезвым, бодрым.

Иногда, напившись, Шорин Алле звонил. Хныкал пьяно или вовсе молчал. Вина, как многотонная плита, расплющила сильного и веселого тридцатипятилетнего мужчину. То роковое утро снилось ему не реже, чем Алле, и он платил, расплачивался, ковырял рану. Нет бы забыть – он, в конце концов, ничего не нарушил. Гнал на зеленый свет, а когда Даша выскочила под колеса, пытался свернуть.

Просто резиновый мячик выпал из Дашиных пальцев... Рывок на проезжую часть. И Алла, секунду назад державшая дочь за запястье, оборачивается, кричит истошно.

Хлоп!

– Куда едем?

Шорин нервничал, волновался. Должно быть, он давно ждал возможности чем-то помочь Алле. Много раз предлагал услуги; деньги предлагать стеснялся.

Алла его не ненавидела. Но в жизни и так было достаточно напоминок.

– Назаровка, – она указала точку на карте.

С Шориным она вела себя сдержанно, прохладно. Обхватила руками плечи. «Нива» миновала микрорайоны и фабрики. Неслась по трассе, вдоль подлеска, густеющего до темных дебрей, вдоль взмывающих к небу реликтовых сосен, грейферных погрузчиков, узкоколеек. Ветер тягостно вздыхал в осиннике.

На заправке Шорин купил два стаканчика кофе, себе и спутнице. У него были добрые глаза, – мысль проникла в голову, хоть Алла и очень старалась не оценивать *этого человека*.

– У тебя в Назаровке родня живет?

«Нет у меня больше родни», – подумала Алла, а вслух сказала:

– Это по работе. Я статью пишу. Слышал про коммуну Волкова?

– А то!

– Вот как? И что слышал?

– Не просто слышал, а видел их остров.

Алла уставилась на Шорина.

За окнами переливался снег. Ели и кедры предупредительно махали лапами с взгорья. Сосняк перемежался с высоковольтными столбами.

– Году в девяносто седьмом, – сказал Шорин. – Я охотился в этих краях, на зайцев, на куропаток. Джефф, овчарка моя, за барсуком побежал и пропал. Он и раньше терялся – на три дня, бывало, полевых мышей ел, горемыка. Ну я – искать. Вдоль реки пошел, к Абакану. Долго шел, ни души не встретил. И вдруг – люди на берегу, человек пять. Караулят, а на реке остров, махонький совсем, с гулькин нос. Я расспрашивать стал, и женщина мне рассказала, что на острове целитель живет, а они как бы паломники. Заинтересовало меня, я уже в городе статью прочел, про таежного Христа Волкова и его апостолов.

– Далеко остров? – спросила Алла.

– Часа полтора езды. Но потом пешком надо еще минут сорок.

«Нива» свернула с трассы, завихляла боками на проселочной дороге, охраняемой корявыми березками.

– Нашел пса?

– Джеффа? – Шорин улыбнулся тепло. – Нашел! Видеокамерой снял, как он мне радуется.

Назаровка была компактной, в три улицы деревней, скоплением потемневших строгих срубов с нахлобученными снежными шапками, выплывшими голубыми наличниками и ставнями. По расчищенным тропкам, печному дымку угадывалось, где обитают люди. Половина селян съехала – в город или на кладбище. Экскаватор деловито пыхтел у церквушки.

Алла вынырнула из машины, потопала к сельмагу. Шорин – за ней.

Надпись на дверях гласила: «Хлеб под заказ, по нечетным числам». За прилавком листала глянцевого журнала нескладная девочка лет четырнадцати. Ассортимент магазина был скуден, но разнообразен: марля, йод, черпак, махровый халат, газета с кроссвордами, сахар, чай, грильяж и ирис, игрушечный револьвер, китайский пластилин, пластиковый чайник. И ни сникерсов тебе, ни водки-пива.

Алла поздоровалась с юной продавщицей, расспросила, с кем поговорить можно о жившей тут семье. У девочки были черные зубы, будто выкрашенные гуашью, и до странного большая грудь. Словно не подросток, а карлица – морщины в уголках бегающих глаз усилили сомнения.

Продавщица флегматично отослала в дом напротив.

– Если хочешь, – сказала Алла возле забора, – в машине посиди.

– Что ты. Мне самому любопытно.

Она решила не спорить. Парадоксально, однако присутствие человека, сбившего Дашу, как-то успокаивало. Выравнивало – точнее определения не подберешь.

Дверь отворил плечистый мужичок в камуфляжной куртке охранника. Пустил за порог без объяснений. В сенях гости представились. Мужичка звали Игорем. Узнав, что Алла готовит материал про Волковых, он хохотнул:

– Как же, как же! Дева Мария, ети!

– Прикуси язык! – гаркнуло из горницы.

У печи сидела старуха, морщинистая и белоглазая от катаракты.

– Шучу я, мам.

– За такие шутки чорты в пекле жарят, – проворчала женщина.

– Не обращайтесь внимания, – шепнул Игорь, – проходите, располагайтесь. Кормить вас чем? А! Вареники вчерашние есть.

Визитеры отнекивались хором. Игорь поманил в комнатку за печью, прошитую солнечными лучами и хмурыми взорами святых. Иконы украшали помещенные за стекло цветы из ситца.

– Так вы помните Волкову?

– Конечно. Одногодки мы, сорок девятого року.

Алла щелкнула клавишей диктофона. Шорин тихо сидел в углу. Напарник, чтоб его.

Игорь говорил, оглаживая бороду:

– Оксана Волкова чудной была, но безвредной. Бедно они жили очень. Одно платье, одни черевички. Но тогда мало кто жировал. Мой батька ее частенько в сельскую школу подвозил, мы на бричке вместе ездили, а она ни словом не обмолвилась за все разы. Забитая такая, мабуть издевались над ней одноклассники. Я вообще думал поначалу, что она немая. Псалтырь везде с собой носила, хотя родители ее не были особо набожными. В тайге гуляла, с соснами и чозениями разговляла.

– Ни с какими не с соснами, – крикнула из горницы мать Игоря, – с кикиморами балакала она, с лешаками.

– Ни черта не баче, – прокомментировал Игорь, – а слух отличный. Короче, чудная была, я ж кажу. Как школу закончила, так и осиротела. Хата ее сгорела, родители погибли в пожери. И был у нас хлопец, Антон. Плотник от бога, и собой хорош, токмо инвалид, на лесопилке пошкодыв позвоночник и в коляску сел. Приглянулась ему Оксана – хоч с прибабахом, но молодая. Не страшная лицом. Ей шестнадцать, ему – тридцать. Позвал под венец.

«Плотник, – подумала Алла, – из Назаровки. Какая евангельская прелесть».

– А как-то, – продолжал Игорь, – побачив мой батька: Антон у себя на подвирьи жену бьет. Палкой бьет, она в будку собачью залезла. Непорядок! Забрал батька Антона в хату, ругает, что ж ты при соседях руки распускаешь, негоже. А он – злой как черт – каже: «Як же мне, Василий Петрович, руки не распускать, если Оксана моя пузатая». Батька – ему: «Так веселись! Дитятко будет! Мы, соседи, поможем, поставим на ноги». А Антон отвечает: «Не весело мне, я ж, говорит, по инвалидности своей ни разу с женой не спал». Ее, говорит, спрашиваю: «Откуда ж пузо?» А она ему: «Ночью солнце взошло, и ангелы в светлицу прилетели».

– О, – саркастично вставил Шорин, – непорочное зачатие.

Алла пресекла шуточки властным взглядом. Шорин извинился жестом, чиркнул пальцем у губ, застегнул невидимую молнию.

– Антон смирился. Притворялся, что не слышит, как над ним соседи потешаются. Молодежь злая бывает. Сплетни пошли, байки. Что бачили Оксану в тайге, голую, с животом огромным. Что в овраге оленья туша гнила, и Оксана на нее легла и дохлятину ела. – Шорин перекрестился быстро. – Я добре помню день, колы Соломон родился. Бо утром столкнулся с Антоном, он сидел в коляске и плакал, подвывал аж. Я ему: «Дядь Антон, случилось что?» А он посмотрел на меня такими светлыми, майже прозрачными очами, и каже: «Ночью волхвы приходили».

Невинная фраза заставила Аллу поежиться; мурашки поползли по коже. Отчего-то вспомнились искупавшаяся в студеной воде Нина Рогачевская и безглавое чучело на пустыре.

– Антон удавился через год, – печально сказал Игорь, – ремень к дверной ручке приладил, и баста. Оксана сама ребенка растила. Она и до родов соседей чуралась, но тогда чуралась молчанием, а теперь руганью. Шипела змеей, дверью хлопала, по малышне камнями швырялась.

– А где они деньги брали? – спросил Шорин, на этот раз проигнорировав грозную мимику Аллы.

– Так государство пособие давало. Соломон слабоумным родился.

– Насколько слабоумным? – Алла пододвинулась к рассказчику. – Он разговаривал? Обслуживал сам себя?

– Это да. Повзрослев, и дрова рубил, и воду таскал из колодца. Крестом прохожих осенял – мамаша науськала. Заговорил лет в шесть, залаял тобто. Бедная дытына... что он пережил?

– Волкова била его?

От мысли, что мать способна ударить неполноценного (нет, любого!) ребенка, делалось тошно. Где вы были, чопорные святые, хоронились в киотах?

– До той ночи – нет.

В горле запершило.

– Опишите, что произошло.

Бородатое лицо Игоря осунулось.

– Неладное почуял батька. Рыжик наш до утра брехал на волковскую хату. Шумело там, Оксана причитала страшным голосом. Радио играло громко – хор пел какой-то, гэдээровский мабудь, майже завывал. На зоре соседи собрались, решили проверить. Стучали без толку. Кто-то в окно подывылся, заорал: выбивайте дверь! Выбили...

Игорь подцепил пальцем воротник, глубоко вздохнул.

– Оксана крест смастерила двухметровый. Он у печи стоймя стоял. Двенадцатилетнего сына она железнодорожными костылями приколотила к кресту. В ладошки, в ноженьки. Вместо тернового венца – венок из колючей проволоки нацепила. Уксусом пахло – я до сих пор запах уксуса не выношу. Оксана на коленях молилась перед крестом. Сколько он часов там висел? Не знаю. Но когда он на нас посмотрел... Боже, личико в крови все, а глаза... я таких глаз больше не бачил. Как ягненок, как собака битая, как Иисус – как все сразу он смотрел, я не объясню. И улыбался.

Больше Игорь не видел ни безумную Оксану (ее забрала милиция, позже перепоручив мозгоправам), ни отосланного в интернат искалеченного Соломона. А хата загорелась вскоре, и никто не потушил пожар. Место то обрело у селян статус проклятого. Игорь, стесняясь, поведал, что старики видели что-то в окнах заколоченного сруба, блажь, понятно.

Огорошенные историей гости покидали дом. В горнице старуха (артритные пальцы ползают суетливо по бедрам, желтыми ногтями скребут) сказала ворчливо:

– Не пиши про Волкова. Про него и думать – душе во вред. Почему так мало людей о нем слышали? Потому что Бог построил стену вокруг острова их и хранит душечки от скверны. Наши святые через мучения к Господу возносились, в муках видели рай. А Соломон пекло увидал. И пекло теперь с ним всюду. Не пиши о нем, не думай о нем, забудь.

Над деревней каркали вороны. Продавщица – не то карлица, не то подросток – вышла из магазина, наблюдала, как отчаливает «Нива».

– У меня к тебе еще одна просьба будет, – сказала Алла. И поняла, что заранее догадывалась, чем закончится путешествие в Назаровку, недаром надевала удобную обувь, толстый комбинезон и термобелье. – Отвези меня к острову. Обрато я как-нибудь доберусь, попутками.

– Не вопрос, – кивнул Шорин, – только вряд ли волковцы гостеприимны.

– Придется привыкать, – сквозь сжатые зубы процедила журналистка, – скоро к ним гости нагрянут, в погонах.

– Подкрепимся перед дорогой.

На заправке они заказали хот-доги и чай. Обедали за столиками, вперившись в пустынную трассу, чтобы не смотреть друг на друга.

– Мне снилось, что мы едем куда-то, – сказал Шорин, – вдвоем, долго-долго едем.

– Это необязательно.

– Что?

– Светские разговорчики. Мы не друзья и не приятели.

Шорин замолчал, но через минуту отставил недоеденный хот-дог. Морщины расклекли его лоб крестом.

– Ты в Бога веришь?

– Нет. Ни в Бога, ни в Деда Мороза, ни в инопланетян.

– Когда я учился в первом классе, мою маму сбил насмерть пьяный водитель.

Алла перестала жевать.

– Бабушка сказала, что Бог забрал ее к себе, потому что мама была очень красивой. Я воспринял это буквально. Что есть замок Бога, и мама там теперь живет. Расстраивался, что в замке нет телефона. Но мама писала мне письма из рая – бабушка писала за нее. Позже я узнал, кто такие атеисты, и злился на них. Не верить в Бога – то же самое, что не верить в мою маму, так? Но это допущение, что Бога может не быть, оно прокралось в меня и подтачивало. Пока я правду не принял. Я возненавидел того пьяного водителя, мечтал найти его и убить.

Шорин усмехнулся печально.

– Ты не виновен в Дашиной смерти, – произнесла Алла. – Я должна была ее держать за руку.

– А ты не думала, что все предрешиено? Моя мать и твоя дочь. Даже то, что Джефф сбежал и я наткнулся на паломников – а нынче везу туда тебя?

– Если так, – Алла смяла бумажный стаканчик, – тот, кто эту жизнь сочинил, – мерзавец.

«Ниву» припарковали у границы кедровника. Цивилизация осталась позади. В распадках ждал иной мир, где лешие, кикиморы, слабоумный бог и Волкова плетью наказывает паству. Шли по колено в снегу, перелезая через поваленные стволы. Смерч выкорчевал могучие сосны, застелил иголками поляны. Вывороченные корневища, лапы со жменями торфа и камешков норовили схватить за одежду. Алла, сперва отказывавшаяся от помощи, висла на спутнике; однажды он взял ее на руки, чтобы пересечь ложбину. В овраге ручей проморозило до дна. Ветра не было, не было и солнца в пасмурном небе.

Тропа пролегла по белым камням. Справа – сопки, сугробы и выдувы, слева – замураванная в лед река. Стесанные скалы из разноцветных пластин, ольховник на том берегу. Шорин показывал лосиные следы, оленьи катышки. Травил охотничьи байки. Просека уперлась в тупик – вернулись в горловину, обогнули ольховник. Пахло эфирными маслами и хвоей. За кедром в три обхвата скользнула, хрустнув настом, тень. Зачирикала лесная птичка.

Алла веровала бы, поблагодарила бы Бога за крепкое плечо Шорина. Даже днем тайга навевала подспудную тревогу, если не сказать жуть. Казалось, кто-то следует за ними по рыхлому снегу, по отпечаткам копыт. Шуршит сыпкой щебенкой.

– Чувствуешь? – шепнула Алла, озираясь, – будто на нас смотрят.

– Так бывает в тайге.

«Ночью волхвы приходили», – мысль обдала холодком. Ураган ли сложил крестами сучковатые палки, или тут постарался человек?

– Вот он, голубчик, – Шорин мотнул головой.

Остров напоминал медведя, прикорнувшего на льду в двухстах метрах от берега. «Спина» поросла чахлыми кустами стланика и сухой травой. Остров, размером с небольшой теплоход, окуривал печной дымок. Виднелся высокий частокол.

Опушку у припая окольцевали сосны, обкромсанные бурей. Единственными паломниками сегодня были сороки, оккупировавшие дырявую лодку. Стоянку занесло снегом, на нем отпечатались свежие следы ботинок.

– Дальше я сама.

– Фигушки. После всего, что я слышал про эту бешеную суку?

Алла поблагодарила взглядом. Волковцы, возможно, и были безобидными аферистами, но от частокола, от острова (приготовившегося напасть медведя) веяло угрозой.

«Я, – сказал бывший журналист Карпов, – когда материал собирал, происходило всякое».

Наледь, белая, местами желтоватая, заставляла вспомнить Нину Рогачевскую, пришедшую к Волкову лечить бесплодие и исцелившуюся, чтобы прыгнуть в прорубь с ребенком.

– Идем, – сказала негромко Алла.

Они двинулись по реке и через минуту обнаружили дохлую белку во льду. Рядом – оскаленную лису. Замороженную оленью тушу. Барсука и снова белок. Как насекомые в янтаре, дохлые звери таранились изо льда испуганными глазами, провожая гостей к острову.

Алла очнулась на грязном занозистом полу. Воняло старой кровью – от стен, от темных пятен, измаравших бревна сруба. Горечь во рту – привкус того травяного пойла, которое

их вынудили выпить члены общины. Она попробовала пошевелиться, убрать с глаз прядь и совершила первое продравшее ужасом открытие. Она была связана. Пеньковая веревка оплела щиколотки, запястья закинутых за спину рук. Спину холодило дерево. Ее приковали к столбу, к поддерживающей потолок опоре. Голую – это второе открытие заставило заскулить. Сквозняк гулял по комнате, жадно поглаживал нагие бедра. Соски болели, словно их жевали зубами: покосившись вниз, Алла увидела красные пятна на груди и животе. Ссадины, она предположила, что ее волокли сюда по настилу, нежная кожа поранилась о струганные доски.

Она закричала. Задергалась, но путы держали крепко, веревки впились в мясо.

Нет, нет, нет.

Алла забилась, как глупая рыба на крючке рыбака. Заколотила ступнями в пол. Здесь словно зарезали свинью. Потеки, кляксы, зловещие разводы вокруг. Десяток свечей, воткнутых меж грубых паркетин, озарял узкое помещение. Язычки танцевали на сквозняке, уменьшались и вновь вспыхивали. Тени мрачно вздымались, водили хоровод, будто дикари, наслаждающиеся агонией жертвы.

Алла поджала ноги. Встала на колени с трудом. Накренилась вперед, тщетно пытаюсь освободиться, хоть немного ослабить давление. Но добилась обратного: канат вгрызся в руки. Слезы заволокли обзор.

– Помогите!

Жалкий сип вместо крика. Она откашлялась.

– На помощь!

Бревна поглощали звук.

Алла разрыдалась. От отчаяния она стучала затылком в столб. Нити слюны повисли на подбородке, слезы и сопли смешались.

Нелепые потуги высвободиться отняли последние силы. Тяжело дыша, Алла привалилась к опоре.

«Успокойся», – велел внутренний голос.

Успокоиться?!

«Осмотри».

Взгляд заскакал по комнате. Кровь (она вспомнила животных во льду, полосу из трупов, обозначившую путь к проклятому острову). Свечи, населившие темницу нетерпеливо елозящими фантомами. Дверь напротив, на полотне из досок-сороковок в ласточкин хвост намалевано черное распятие. Края креста выходят за грань дверной коробки. Краска лоснится.

Сердце затрепыхалось от страха.

«Тише, девочка. Думай, думай!»

За озерцом свечных огоньков пленница различила бочку, полную камней. Вторая такая же бочка стояла справа и, вероятно, служила котлом. Потрепанные березовые веники у дверей, ржавый таз... баня! Ее заперли в бане, скорее всего в той приземистой избе среди бараков.

Перед глазами возник образ отворившего ворота мужичка. В телогрейке и ушанке, с плоским непроницаемым лицом, он молча впустил визитеров за частокол. Алла не могла отделаться от подозрения, что их ждали, что отшельники откуда-то прознали об их приезде.

Поселок был крошечным. Избы, вросшие по подоконники в землю, рядом новые сараи и казенного вида постройки без окон. Всего дюжина зданий. Из полутьмы наблюдали люди. Бородатые мужчины, бледные женщины в платках.

Алла сказала, что больна раком и ищет встречи с Волковым. Мужичок (немой, что ли?) жестом пригласил в барак. Там тоже горели свечи. Грубо сколоченные ящики оказались койками, устеленными соломой. Изможденная женщина принесла травяной отвар в алюминиевых чашках.

– Надо, – сказала она. – Пейте.

Они подчинились, морщась, глотали горькое пойло. Мужичок снял ушанку, под ней была лыжная шапочка. Нет! Мужичок поднял огарок, и Алла поняла: у члена волковского культа выше бровей отсутствует кожа. С него сняли скальп. За что?

«Мало ли за что? Подумал о чем грешном. Или лишний кусок хлеба умыкнул».

Блеклые глаза ощупывали гостей. Солома шуршала в ящиках-койках. Стало тепло. Жарко. Силуэты сектантов двоились.

– Ах вы суки, – Шорин выронил чашку, она покатилась по бревенчатому полу, дребезжа. Шорин шагнул к волковцам, ноги его подкосились, он повалился плашмя. Тьма напознала со всех сторон, напшиговывала череп ватой.

«Нас опоили, – подумала Алла. – Раздели меня, обездвижили. Зачем?»

«Затем, – сказал голос, – что они психи и командует ими садистка, распявшая собственного сына».

Алла забилась на столбе пуще прежнего. У бочки с камнями поблескивала в свете огарков кочерга, но было проще укунить себя за нос, чем дотянуться до нее.

– Сергей! – завопила она. – Сергей, я тут!

«А вдруг»...

Нет, не думай об этом!

«Вдруг Шорин мертв, и ты – следующая?»

Баня была сложена из чурбаков, с двухскатной крышей в лапу. Под потолком – бойницы, отдушины для дыма. Но неба не разглядеть. Алла отлепила ягодички от настила. Встала на колени, медленно выпрямилась. Опора гладкая, а руки сведены вместе. Перетереть путы невозможно.

Поток мыслей оборвал лязг замка. Дверь, протяжно заскрипев, отворилась. В баню вошла коренастая женщина. Кривоногая, грузная, в шерстяной юбке и засаленном тулупе, седые кудри острижены под горшок. У Аллы не возникло сомнений, кто перед ней.

Мать Соломона Волкова приблизилась. В свете огарков властное лицо отливало мертвенной желтизной. Выпученные глаза пылали. Одутловатые щеки и дряблый подбородок поросли светлым, до омерзения нежным пушком.

Взор Аллы скользнул на заткнутую за пояс Волковой рукоять. Хлыст с тремя хвостами.

Оксана Волкова была монстром. Злобным и беспощадным. А взгляд ее, ошпаривший Аллу, был взглядом концлагерной надзирательницы.

– Развяжите меня, – потребовала пленница. Чудом, не иначе, ей удавалось заставить свой голос звучать настойчиво и почти грозно. – А то у вас будут проблемы.

Губы Волковой разъехались в сардонической ухмылке, демонстрируя пеньки сгнивших зубов.

– Да ну?

– В моем кармане лежит удостоверение. Я журналист, а вы препятствуете журналистской деятельности. Мое начальство знает, где я нахожусь. В данный момент сюда направляется милицкий вертолет.

Слова не впечатлили Волкову.

– Мерзость перед Господом – уста лживые.

– Выпустите меня! – Алла брызнула слюной.

И увидела с ужасом, что Волкова вынимает из-за пояса плетень. Это не укладывалось в голове. Чушь, блеф. Никто не мог ударить ее, тридцатилетнюю женщину. Никто!

– Ты – больна, девочка, – мягкий тон заворочил. Жуткие, увенчанные узлами отростки болтались в воздухе. – Но у нас есть лекарство.

Плетень стегнула наотмашь. Изумление и гнев были сильнее боли. Но когда хвосты повторно прошли через груди, ярость уступила место жалкому визгу. Словно когти полос-

нули Аллу, словно кипяток обварил тело. Один из узлов хлестнул по ореолу. Показалось, что в сосок вогнали иглу.

Садистка отступила, наслаждаясь результатом. На Аллиной коже вспухали багровые борозды.

– Помогите! – завывала Алла, глотая слезы.

– Никто не услышит тебя, – сказала Волкова тихо, – кроме Бога.

И удалилась, виляя бедрами, оставив Аллу рыдать на загаженном полу.

Ей приснилась дочь. В кофточке с изображением куклы Барби, в колготках и балетной пачке, Даша спешила навстречу по коридору, несла матери плюшевого слона, улыбку и объятия.

Алла подхватила малышку, ткнулась носом в волосы, вдохнула запах мочи и крови.

Она расклеила веки. Комната подрагивала во мгле. Горло пересохло, его будто исцарапало пустынными колючками. Судя по тому, как укоротились восковые столбики, она проспала не меньше часа.

В темнице. В этом аду.

Мышцы саднило. Плечевые суставы ныли. Опухшая грудь горела огнем. Правый сосок был больше левого в два раза. От холода кожа приняла голубоватый оттенок, мурашки покрыли бедра.

Алла стонала, разгибаясь.

Отчаянно хотелось жить.

Выбраться с острова и сделать все, чтобы Волкова ответила по закону.

Выпрямившись, Алла поерзала.

Руки поднялись на уровень лопаток. Андрей поражался ее гибкости. Что это у нас? Сучок? Гвоздь! Большие пальцы коснулись шляпки вбитого в столб гвоздя. Слишком высоко...

Алла подтянулась. Зацепилась фалангой за штырек. Надо накинуть на него веревку. Распилить волокна. Надо...

В углу кто-то был. За бочками, вне светового пятна. Человек с острыми плечами, с длинными лапищами до колен. Алла прижалась к опоре, словно тщила раствориться в дереве. Он стоял там и раньше, этот безмолвный соглядатай. Не шелохнувшись, наблюдал, любовался. Когда она плакала. Когда дремала. Не абрис на бревнах, как она понадеялась сперва. Вот же тень падает к ногам.

– Эй... – язык еле ворочался.

На человеке был плащ. Странный кожистый плащ, ниспадающий перепончатыми крылами. Серая кожа. Маска из угольной тьмы. Он дышал в такт с миганием свечных огоньков, а Алла забыла, как вообще дышать. С каждым движением грудной клетки соглядатай становился ближе, наплывал. Саван темноты соскальзывал с человека... с существа... обнажая костистую морду, пасть глубоководной рыбы и крысиные зубы в алом зеве.

Алла лишилась чувств.

Ее разбудил шум, будто десяток людей столпился в бане, гомоня. Но, открыв глаза, она увидела лишь Волкову.

– Зачем вы это делаете?

– Делаю – что? – у Волковой отсутствовали брови, а то бы она задрала их озадаченно. Ни волоска на выпуклых мясистых дугах над глазками дикой свиньи.

– Зачем вы мучаете меня?

– Потому, – сказала садистка, – что твоя болезнь не лечится иным путем.

– Я не больна.

– Ошибаешься. Ты больна неверием. А это страшнее рака.

– Я – верю, – Алла думала о гвозде на тыльной стороне столба. О монстре, таившемся в углу, демоне, который был, несомненно, порождением фантазии. – Верю в то, о чем пишу.

Волкова внимала, поигрывая плетью.

«Ты хитрее, умнее ее, действуй!»

– Я могу написать о вашем сыне. Стать вашей евангелисткой. Прославить его на весь мир. Волкова пожевала губу. Хвосты плети подметали пол.

«Сработало, – сердце забилося быстрее. – Сука заинтересовалась, повелась».

Алла смотрела, как женщина пятится к выходу, стучит кулаком в полотно. Дверь открылась, и что-то крупное ввалилось в баню, распласталось на бревнах.

Тело.

Волкова сапогом пнула лежащего человека. Перевернула на спину. Показалось белое лицо.

Алла закричала истошно. У ног садистки растянулся Сергей Шорин, и он определенно был мертв. Расследования заносили Аллу в морги, она неоднократно видела трупы. Она идентифицировала странгуляционную борозду под кадыком мужчины. Шорина задушили удавкой. Возможно, во сне. Раздели и бросили в баню, – откуда-то вылезла информация о покойниках, которых парили по-черному предки-язычники, охаживали веником, готовили к загробной жизни.

Кончик языка высунулся изо рта Шорина. На веках были нарисованы два черных крестика.

– Наши евангелисты, – промолвила Волкова, – черви и кроты. Воробьи и мыши.

Она ушла, оставив Аллу в компании со скорчившимся на боку мертвецом. Лязганьем замка прищемила отчаянный вопль.

– Сейчас, сейчас. Сейчас, доченька.

Алла шептала в пустоту, до красноты натирая спину о столб. Большинство свечей погасло. Тьма выкарабкалась из углов, сожрала ровно половину Шорина. Затекала в его глазницы нефтяными лужицами. Алла запретила себе думать о чудище с крысиными зубами. Блуждала кошмарные мысли.

Встав на цыпочки, она перетирала веревку гвоздем и задавалась вопросом, что порвется прежде – путы или сухожилия. По щекам лились слезы. Грудная клетка выгнулась килем. Алла уперлась пяткой в опору, от усилий мышцы трещали, скрежетали зубы.

– Давай же!

Веревка лопнула. Алла полетела головой вперед. Приложилась скулой к настилу, но, не обращая внимания на боль, тут же принялась освобождать ноги. Веревка нехотя поддалась.

Рано радоваться.

На четвереньках она подползла к Шорину.

– Извини меня.

Мужчина показывал язык, безучастный, холодный.

Алла похлопала его по плечу. Встала, попрыгала, разминая конечности. Взгляд прикипел к кресту на дверях. План созрел, она схватила кочергу, и приятная тяжесть металла аккумулялировала силы. Алла задула свечи.

В углу, во мраке, там, где ей привиделся монстр, она караулила, стиснув импровизированное оружие.

– Мама придет, солнышко. Мама обязательно придет.

Она вспомнила, как тяжело дались ей роды, как на девятом месяце не могла самостоятельно застегивать сандалии. Ноги опухали, она носила сланцы. Врач сказал, летом у всех беременных так. Андрей помогал. Он купил ей великолепный польский чайник, при нагревании менявший цвета. Шестьдесят градусов – зеленый, как лягушка (гугушка, говорила Даша), девяносто градусов – красный. Идеально для детской смеси. Сутки рожала, тужилась, ребенок не встал, как надо. Выдохлась, сделали кесарево. Воткнули канюлю в позвоночник, чтобы вливать дозы чего-то там в спинной мозг. Операционная, воды, кровь... страшно, что анестезия не подействует, что по живому разрежут. Чувствовала, как чужие руки копошатся в животе. Два вскрика, девочка длинная, почти шестьдесят сантиметров... Осы в палату залетали, дочка сладкая получилась.

Алла всхлипнула.

В предбаннике зашаркало. Что-то еще хорошее нужно вспомнить. Как купальник мерил и молоко грудное на пол потекло. В четыре струи, целая лужа получилась, так стыдно, салфетки в лифчик засовывала...

Дверь открылась, в баню просочился тусклый свет. Вошла тень Волковой, потом сама Волкова, плоть на привязи черного плоского потустороннего фантома. Шершавый металл впился в ладони Аллы. Скулы свело, мочевого пузырь панически сигнализировал. Она выставила кочергу, как меч. Изготовилась.

Дверь затворилась. Чужое дыхание. Шаги. Чиркнула спичка, осветила Волкову – тварь повернулась к Алле широкой спиной. Нагнулась, подпалила свечной фитиль. Один, второй...

Алла бросилась через комнату и ударила кочергой по седому затылку. Будто по гвоздю молотком – Волкова ухнула и присела. В волосах заструилась кровь.

Алла отскочила, готовая отразить любую атаку.

Несмотря на рану, Волкова поднималась. Неуклюже поворачивалась к беглянке, толстые пальцы щупали рукоять плети. Алла коротко зарычала и ткнула кочергой снизу вверх. Стальной шип вонзился сектантке под ребра. Хотелось видеть страх на обрюзгшей морде, но Волкова не доставила ей такого удовольствия. Она улыбалась! Гади́на улыбалась, оголяя кариозные резцы.

Алла навалилась, кол пробил какую-то преграду в груди Волковой и проскользнул сантиметров на пять. Садистка захрипела. Улыбка превратилась в обагренный кровью оскал. Кочерга прошла сердце той, кого отшельники почитали за Божью мать. Волкова осела на пол. Кол торчал из ее груди. Остекленевшие глаза таращились в потолок. С потолка...

Ликующая Алла осеклась, задрала голову. С потолка струилась дымка. Туман заполнял избу. Алла заметалась, чувствуя сладкий травяной аромат, похожий на запах сектантского отвара. Вновь показалось, что в бане кто-то прячется, и не один. Целая стая кожистых существ, кружащихся вдоль стен...

Алла прикрыла нос и обнаружила, деревенея: световой прямоугольник в дыму, отворенную дверь бани, фигуру на пороге...

В комнату вошел Соломон Волков. Абсолютно лысый, как после химиотерапии, мужчина-ребенок. Он ковылял, передвигая перед собой березовые ходунки. Облаченный в тогу из мешковины, такой же кривоногий, как мать. Живот его перекачивался при ходьбе белым киселем, жир спускался складчатой юбкой на слоновьи бедра. Грудь больше, чем у Аллы, качалась, увенчанная тремя темными сосками: дополнительный расположился посредине, над солнеч-

ным сплетением. У тридцатитрехлетнего Соломона Волкова было лицо младенца и огромная голова, оттопыренная слюнявая губа и блуждающий взгляд идиота.

А еще он светился. Тюрина не врал. Голубоватое сияние источала его кожа, его складки, прыщи и гнойники.

«Фосфоресцирующее вещество», – подумала Алла, теснясь к бочкам. Это была последняя рациональная мысль.

Волков, проигнорировав журналистку, дохромал до матери. Потребовалась минута, чтобы он присел на корточки, сопя и отдуваясь.

«Беги!» – призывал мозг, но мышцы отказались подчиняться. Алла глядела, как руки Соломона трогают мать. Кисти поместили шрамы, следы железнодорожных костылей. Они пульсировали, словно под рубцеватой кожей извивались крупные насекомые.

Соломон заскулил. В дыму, в сладко пахнущей мгле, он мерцал, как луна над ядовитыми таежными болотами. Свет стекал по предплечьям и уходил в Волкову, насыщая мертвую плоть. Мертвую ли?

Волкова открыла глаза и села рывком.

Алла ахнула.

Соломон улыбался матери – и столько нежности было в его улыбке, что сердце Аллы защемило. Как само счастье, как новорожденная дочь – такой была улыбка Соломона. Таким было чудо, воскрешающее любимых, изгоняющее смерть.

«Я есмь воскресение и жизнь, – сказал Иисус сестре Лазаря в Вифании. – И всякий, верующий в Меня, не умрет вовек».

Евангельские стихи вынырнули из памяти. Они были там всегда, погребенные под грудой будничного хлама.

«Веришь ли ты сему?»

Волкова обхватила пальцами кочергу и извлекла из сердца. Бросила кусок окровавленного железа к ногам Аллы.

– Вот твоя вера, девочка, – сказала она.

Катерина Тюрина пришла домой под утро. Горячую воду отключили, сын вскипятит чайник и поливал окаменевшую мать, мочалкой тер ее тело. Розовые ручейки струились по коже. Тюрина зажмурилась и слышала хруст ломаемых пальцев и рев пылесоса, но за этой какофонией звучали другие, утешающие песни: ангельский хор, хлопанье легких крыльев. Вчера ей приснилась Мария, сказала, что делать, и она сделала, как надо. Мир стал чище, пение ангелов – громче.

Ибо хулящих Божий промысел ждут ад и адские муки.

В химчистке найдут бывшего журналиста Карпова, его пальцы размозжили молотком, а глотку закупорили шлангом промышленного пылесоса.

Пойте, ангелы, пойте.

И ангелы пели в буране. Ветер таранил новостройки. Тьма ползла из тайги.

Гнездов, усталый, но удовлетворенный, рухнул, не разуваясь, на диван. На ботинки налипли комья кладбищенской земли. Сегодня он здорово поработал, совершил доброе деяние, пусть и за деньги. Он заслужил десерт. Усмехаясь, Гнездов разжал зубы, выпустил жгут, обронил шприц. Жар растекался по венам. За отодвинутыми шкафами кто-то скребся и причитал. Гнездов погрузился в свой последний сон, медленно перетекший в смерть.

Пойте, ангелы. Ветер, вой.

В офисе «Сибирского полудня» ошарашенный главный редактор перечитывал машинописный текст, всего восемь слов: «Бог живет в тайге, его имя Соломон Волков». Редактор уставился на беснующуюся за окном метель, будто она могла ответить ему.

Сергей Шорин сидел за рулем автомобиля, рассеянно массируя шею. Бледно-розовая полоса под кадыком – не все, что он принес из тайги. Были еще сны о том промежутке между потерей сознания и моментом, когда он очнулся на полу бани. О не-жизни, о болотах, сопках и костистых существах в дуплах деревьев. О небесах цвета сырого мяса, о невидимых плакальщицах, о горькой полынной вечности без грез и надежд.

Он смутно помнил, как они с Аллой покидали лес, но дома, под одеялом, он почувствовал запах хвои, гнили и погребальных костров и понял, что не выбрался целиком, что часть его заблудилась в чащобе: оторванный лоскут.

И были автомобили, светофоры, пластик и бетон, а была населенная невыносимой жутью тьма. Он видел за отбойникомдвигающиеся согбенные фигуры, вспыхивающие искрами желтые глаза. Видел в зеркале (отныне занавешенном) ухмыляющуюся крылатую тварь в кольчуге из человеческих зубов.

Он слышал, как ангелы поют в метельной ночи.

Задние дверцы открылись, Шорин содрогнулся. Алла залезла в машину. На руках она держала что-то метровое, завернутое в шуршащий целлофан. Салон наполнился сладким запахом тлена. Кадык Шорина дернулся под следом от удушки.

Шорин молчал, стискивая рулевое колесо, и Алла молчала. Прижимала к себе ношу, самую тяжелую в мире, терлась щекой о сверток. Ее глаза были лампадками. И так жутко становилось от их света, что Шорин отвернулся.

– Поехали, – сказала женщина.

Загудел двигатель. Автомобиль устремился к тайге.

Парфенов М. С. Сюрприз

Настя Хрипцова легко перескочила с выдвижной ступеньки на перрон и, щурясь на солнышко, глубоко вдохнула свежий воздух родной провинции. Ветерок тронул волосы, шею. По коже побежали мурашки, сердечко затрепетало.

– Ух ты, какой стала! Милай моя! Звезда, ну прям звезда!

Низенькая круглая Василиса Андреевна – «мама Вася», как Настя с малых лет привыкла ее звать, – подкатилась веселым цветастым мячиком. Обняла, затискала, захлопала в ладоши. Восхищенно ахая да охая, завертела, подталкивая, и завертелась сама, разглядывая то с одного боку, то с другого.

– А платице-то у нее какой, глянь-ко!.. А босоножки-то, а? А, Вить?

– А что? Модно, – брякнул дядя Витя связкой ключей в ладони. Под полоской желтых от никотина усов пряталась меланхоличная полуулыбка. – Ну, здравствуй, племянница. Добре, что приехала.

– Да! Здравствуй-здравствуй, милай ты наша! – спохватилась тетка. – Как добралась-то? Устала в дороге небось?

– Попа болит, – хихикнула Настя. – А так нормально...

– Ну иш-шо бы, три часа волындалась, даж больше.

– Так она, Вить, иш-шо в Москве-то, небось, по метрам зачухалась, пока до вокзала дошкандыляла. Да, Насть? Или ты на такси?

– На такси, – Настя с трудом сдерживалась, чтобы не расхохотаться в голос, заново привыкая к окружающему да «ишшокающему» брянско-шуйскому эсперанто, одновременно такому милому и такому смешному.

– А у нас свое такси. Местной... Дай-ко, – дядя Витя подхватил ее чемодан и двинулся к тени у стен маленького вокзала. – Василис, я в машине буду, догоняйте!..

– Вишь как? Таксист выискалсо. Ну пойдем, правда что ль, чего стоять-то. Как мама, папа? Учеба как?..

Пять минут спустя Настя продолжала отвечать на расспросы уже с заднего сиденья старенькой, но все еще ходкой дядиной «девятки». Салон пропах пылью, однако все равно тут было куда уютнее, чем в вагоне «Ласточки». Может быть, потому, что в детстве всегда так каталась, слушая разговоры сидящих впереди взрослых. Может быть, еще и потому, что за стеклом проплывали до слез знакомые дома и улочки. Опрятные деревянные постройки едва ли не царских времен – и типичные пятиэтажные короба советской поры, похожие на дородных кумушек, игриво поглядывающих из-за высоких берез: «Смотри-ко, кого принесло! Да то ж Настька с третьего подъезда, студенточка! Никак на каникулы пожаловала, порыбалить!»

На перекрестке, когда машина повернула на проспект, то есть попросту на самую широкую и длинную в городе улицу, Настя прилипла глазами к окну, высматривая звонницу Воскресенского собора. Над всеми прочими городскими зданиями та возвышалась, будто барин с картинки в учебнике – над бухнувшимися в ножки холопами.

– Шею-то не сверни, милай моя! Ужель соскучилась? Ну иш-шо бы, в Москве таку красоту разве сыщешь...

– Вася, а Вася, – прервал жену дядя Витя. Солнце теперь светило ему прямо в глаза. – А подай-ко очечи, а?

- А волшебной слово?
- Какой тебе иш-шо волшебной слово?.. Бегом, твою мать!
- Ишь ты! Суров как брянский лес...
- Настя все-таки не выдержала и прыснула в голос:
- Ой, не смешите!
- А чегой-то «не смешите»? Тушь повытечет, что ль?

Дядя Витя надел старые солнцезащитные очки с большими квадратными стеклами и стал похож на Терминатора, только с усами. Настя согнулась пополам, давась смехом. Отдышавшись, махнула рукой:

- Ох... и правда соскучилась я! И по городу, и по вам, родные мои.
- А мы тож скучали. А, Вить?
- А то. Знамо, скучали. Вот завтра утречком в Иваново прокачусь за спиннингом новым, а потом с вечера рыбалить поедem. На катере, а? А, Насть?
- А то! – в тон дяде ответила Настя. Потом вспомнила: – Только сначала я с девчонками встречусь, ладно?
- Уговорились, что ль?
- Вроде того, – она уже набирала сообщение в мобильном.

Прошло каких-то полчаса, и все собрались за обеденным столом. Хотя для обеда было еще рановато, скорее уж поздний завтрак. Но это по меркам Насти, успевшей отвыкнуть от заведенных в доме тети и дяди порядков. Теперь, глядя на разложенные по тарелкам первое, второе и десерт, она дергала за рукав подругу – помогай.

- Кушайте, кушайте, милай мои! – звенела хозяйка дома. – Супчику, а? Анжик, супчику будешь? Или котлетку? А?
- Спасибо большое, я сытая...
- Ну, значит, супчику! – скомандовала мама Вася, орудуя половником. – А котлетку опосля.

Анжелика Саакян жила на соседней улице – хотя здесь, в маленькой Шуе, все улицы были в той или иной мере соседними – и училась с Настей в одном классе. Как и Света, еще одна их подружка.

– А Светка чего не пришла? Али придет иш-шо? – спросил дядя Витя, благоразумно наблюдавший за всей суетой со стороны, прислонясь к стенке видавшего виды комода.

– Не знаю, – Настя переглянулась с подругой. – Что-то молчит, на звонки не отвечает. И в «Одноклассниках» ее нет, офлайн.

– Спит, наверное, – пожала полными плечами Анжик. – Я ей в ватсап голосовое отправила – как проснется, порадует. Правда, им же из Кочнево добираться...

– Ну, к ужину поспеют – разговеемся, – решил дядя Витя. А потом добавил, усмехаясь в усы: – Иш-шо разочек...

И полез в комод за рюмками.

- Ты чегой-то? – встрепенулась тетка. – Чего удумал-то, я тебя спрашиваю?!
- Знамо дело – отметить надо... Али как?
- Али так тебя растак! Какой такой «отметить»?! Время-то видал, время-то, а? Неча девок мне спаивать! Ишь ты!
- Тьху ты! Тудыть тебя, Вася... Время! – Дядя Витя с досадой крикнул, садясь за стол. Табурет под ним ответил не менее ворчливым скрипом. – Так и живем, племяшка, вишь? Время срать – а мы не евши...

- И правда-то! Котлетку, Анжик, а? А, Насть?
- А может... – задумалась Настя, которой объедаться вовсе не хотелось, – может, мы сами к ним, в Кочнево, заедем? Ну, типа в гости?
- Да вы ж дозвониться не можете. Как же вы, без предупреждения-то?

– Ну, мы так можем...

– Сюрпризом! – пришла на выручку Анжик.

– Сюрпризом дело хорошее. А если не будет там Светки-то? – все еще сомневалась тетка.

– Да куда ж она денется, беременная!

– А не будет – обратно свезу, – заключил дядя Витя. – И правда, Вась, чай не тридевять земель, нехай прокатятся дети. Как раз и время пройдет. А, Вась?..

Дорога из города была прямая как стрела, однако дядя Витя по пути вывернул руль на первом же перекрестке. Притормозил на пустующей стоянке возле «Магнита» – самого большого гипермаркета в округе. Настя и Анжик молча сидели сзади, выжидая. В приоткрытое окно надувало запах прелого навоза с полей в паре сотен метров по другую сторону от магазина. Дальше, за полями, темнела полоска леса. В зеркале заднего вида отражались «терминаторские» очки дяди Вити, который заглушил мотор и замер, спокойно сложив руки на коленях.

– Насть, а Насть! – сказал он наконец вкрадчиво. – Ну ты ж оглянись вокруг себя...

Настя и правда начала осматриваться.

– ...Не гребет ли кто тебя! – закончил дядя Витя громко. – Чего расселись-то, а? С пустыми руками гостевать намылились, что ль?

– В смысле? – спросила Настя, пихнув ехидно хихикающую подругу локтем в упитанный бок.

– Ну мы чего стоим-то здесь, милай моя?.. Думаешь, я понюхать тут встал? Нанюхался за всю жизнь-то. Идите-ко купите, чего там беременным пить можно...

– Ой. Так у меня же паспорт в чемодане...

– У меня с собой!

– Вот и шуруйте, сестры-армяне. А я пока покурю.

Перед пустующим железнодорожным переездом «девятка» вильнула через сплошную, дабы объехать солидных размеров выбоину на дороге.

– Так и не залатали?

– Какой там, Насть. Каждый раз такой маневры приходится исполнять. Шумахер на хер!

– Да-да, – подхватила Анжик. – Я помню, как вы нас возили на свадьбу Светкину, ругались.

– За малым машину тогда не угробил!

– Ничего-то у вас тут не меняется, – вздохнула Настя.

– Как сказать, – ответил дядя Витя, медленно въезжая на переезд. – К лучшему и правда что ничего, а вот завод этот по лесозаготовке, вишь? В том месяце сокращение было...

Шпалы уползали под кромку ржавых решетчатых ворот прямоком на территорию завода. Настя увидела сваленные под открытым небом толстые дубовые стволы. Пара сараюх из кирпича, складские помещения, давно не крашенные стены самого предприятия. Из трубы валил черный дым, но ни одного рабочего нигде видно не было.

– Там же Костя работал. Его, получается, тоже уволили?

Настя вспомнила жениха подруги, каким тот был нарядным и счастливым на свадьбе. В памяти всплыла идиллическая картинка – солнечный день, на небе ни облачка, молодые у Воскресенской звонницы, отпускают голубей. Чуть в стороне дядя Витя с щенком хаски на руках – их с Анжик свадебный подарок молодоженам.

Костя не казался пределом девичьих мечтаний – невысокий, с нее ростом, а значит, чуть выше Анжик и немного пониже Светы. Короткостриженный, светло-рыжий, конопатый, с мелкими, немного детскими чертами лица. Самый обычный, простой парень, не шибко умный и не то чтоб смешной. По крайней мере, бородатые его анекдоты не веселили никого, кроме Светки. Особенно те, что про евреев. Косте повсюду мерещились жидомасонские заговоры, а однажды он обозвал Анжик – как бы в шутку – «армянской еврейкой».

С другой стороны, это могло бы объяснить, почему Костя попал под сокращение – заводом владела компания «Эггерс», а Светкин жених вряд ли уверенно отличал немецкие фамилии от еврейских.

– Блин, а ведь они после свадьбы иномарку в кредит взяли, – сказала Анжик. – Надеюсь, успели выплатить.

– Спросите, как приедем, – рассудил дядя Витя. Завод остался позади, «девятка» петляла по узкой разбитой дороге. – Оно, конечно, тут у нас вам, молодежи, жизни нет, но... Он же ж не совсем дурак, Константин-то. Руки на месте. Главное, чтоб не запил.

Бутылка фруктового вина протестующе звякнула в бумажном пакете на коленках у Анжик.

Выехали на широкую ровную трассу, по обе стороны которой рос густой лес. Настя, забыв обо всем, ахнула:

– Ой, красотень-то какая, как же я по этим местам скучала! Грибы не пошли еще, дядя Вить?

– А то, – потеплел голос дяди. – Может, и пошли, пора подходящая. А что, милый мои, сгоняем на днях порыбалить, а там и по грибочки можно, а?..

– И маму Васю возьмем, да?

– А то! – усмехнулся дядя Витя. Помолчал минуту, сосредоточившись на изгибах дороги, а потом добавил: – Ты, племянница, вообще, как диплом получишь – к нам переезжай, на пэ-эм-жэ. Тут педагоги тож нужны, знаешь ли. Может, даже поболее, чем в столицах. Вон, дите подружкино кто учить будет, как подрастет? А там и нас, стариков, досмотреть сможешь. Мамка с папкой, чай, не пропадут в Москве своей...

Настя отвела взгляд от зеркала заднего вида, пряча глаза. Не знала, что ответить – не скажешь же, что у родителей на дочку совсем другие планы. Да и самой ей как быть? Вроде и хорошо в Шуе, как дома, но все же – одно дело нагряться «сюрпризом» в гости к Светке, другое – жить ее жизнью вместе с каким-нибудь недалеким Костиком...

Десять минут спустя свернули на перекрестке и вновь очутились на раздолбанной узкой колее. «Девятка» тряслась и скакала на неровностях, вино плескалось в бутылке, которую Анжик от греха вытащила из пакета и прижала обеими руками к пышной не по годам груди. Лес закончился, пошли заросшие сорной травой буераки и поля, а еще минут через пять мучительной тряски машина в конце концов выехала к нескольким покосившимся деревянным избам и хилым частоколам. У въезда в полузаброшенный поселок их встретил искореженный ветрами и непогодой синий указатель с надписью «Кочнево».

Настя выбралась наружу первой. Потянулась, подставляя начинавшему припекать полуденному солнышку лицо. Следом вышла Анжик, все еще баюкающая на руках бутылку. Подбредли к воротам знакомого дома, заглянули во двор – там было тихо и пусто.

– Хозяева-а! Костя, Света! – покричала Анжик.

– Вот тебе и сюрприз, – вздохнула Настя и снова ткнулась в мобильный. – Абонент вне зоны...

– Никого? – выглянул дядя Витя из водительского окошка. – Эхма. Ну хоть покатались. Обратно, что ль?

– Погодите, – Настя убрала телефон в карман и подошла вплотную к воротам. – А здесь не заперто. И следы шин свежие, да, Анжик?

– Ага, как будто вот только что уехали.

– Разминулись, знач, – кивнул дядя Витя. – А собака где?

Сейчас, год спустя, пес уже должен был подрасти и, если бы находился где-то во дворе или в самом доме, оповестил бы округу лаем об их прибытии.

– Может, повезли куда? К ветеринару там, на прививки, или иш-шо куда?

– Думаю, они должны скоро вернуться, – сказала Настя, кивнув на ворота. – Иначе бы заперли за собой, верно? Может, мы тут немножко подождем? Дядь Вить, ну пожалуйста!

– Дело ваше, Настюш. Давай тогда так – я пока до леса сгоняю, грибочки посмотрю, правда что ль, не пошли ли уже. А через полчаса обратно сюда, за вами. А?

Настя переглянулась с Анжик. Та кивнула.

– Хорошо, давай так и сделаем.

– Только вы у дороги-то не торчите, если уж открыто там...

Ворота были тяжелые, металлические, с толстенным засовом изнутри, который хоть и не использовался, но веса всей конструкции добавлял изрядно. Насте пришлось приналечь плечом, чтобы приоткрыть одну из створок. На коже осталась полоса рыжей ржавчины и несколько крупниц старой высохшей краски.

– Давно здесь не была, – призналась Анжик, пройдя вслед за Настей во двор и осмотревшись по сторонам. – С тех пор, как женились они, и не была. Все как-то в городе обычно встречались, знаешь. Вот и днюху мою там же, у отца в кафешке, праздновали. Как-то здесь все уныло, да?

В грязи перед крыльцом четко отпечатались следы от колес Костиной «Короллы», коричневато-бурые брызги заляпали деревянные ступеньки.

– Смотри. Видать, сильно спешили...

– Тебе не надо? – хихикнула Анжик, показав на приютившуюся подле ворот коробку дворового сортира.

Подошла, заглянула в вырезанную в форме классического сердечка дырку на двери, словно надеялась увидеть там спрятавшуюся подружку. Отвернулась, скорчив брезгливую гримасу.

– Фу, ну и вонизма. Ау! Света, Костя, ау! – продолжала кричать она, бродя по двору, пока Настя всматривалась в грязные стекла деревянной хибары, больше смахивающей на дачный домик, построенный из чего попало, чем на сколько-нибудь солидное жилище.

– Джулька, ау! – собаку тоже не было ни слышно, ни видно.

Они поднялись на крыльцо – дверь в дом, как и дворовые ворота, тоже оказалась не заперта, но зайти внутрь им не хватило наглости, а на оклики им никто, разумеется, оттуда не ответил. Спустились назад, медленно обошли дом вокруг, погуляли по участку за ним. Дверь в пристройку распахнута настежь. Инструменты – лопаты, мотыги – валялись в беспорядке прямо на земле, словно кто-то их побросал в спешке. Сад и огород выглядели забытыми, неухоженными. На земле под болезненно хилой яблонькой гнили облепленные мошкой плоды. В глаза Насте бросилась перевернутая набок ржавая бочка для сбора дождевой воды, теперь пустая и частично утопленная в вязкой от влаги почве. Грядки с клубникой заросли сорняком. Пленка крохотной теплицы зияла дырами, рваные края покачивались на легком ветру. В воздухе приятно пахло травой – за хлипким забором простиралось до самого горизонта поле дички.

– Не много же они тут времени проводят...

– Ну а когда им? Светка на шестом месяце, Костя работает... Ну, в смысле, работал, наверное. Считай, в одно лицо семью кормить приходится парню... Приходилось.

– Да уж, не особо весело им тут живется, должно быть...

– А вот мы и повеселим... Тш! – Анжик замерла, прижав палец к губам. – Слышишь?

К воротам, судя по звукам, подъехала машина – и непохоже, чтобы то была «девятка» дяди Вити.

– Ну наконец-то, – обрадовалась Настя.

– Ш-ш-ш! – Анжик схватила ее за локоть и потянула к дому. – Сюрприз же!

Они спрятались за углом, прижавшись к стене у крыльца и выглядывая оттуда во двор. Отчетливо хлопнула дверь автомобиля. Заскрипели натужно петли ворот, когда сна-

чала одна, а потом и другая створка открылась. Насте из их укрытия было видно только верхнюю часть ограды – все, что ниже, загораживали перила и крыльцо. Вот мелькнула короткостриженная макушка – Костя суетливо забежал во двор, чтобы закрепить ворота, не дать створкам закрыться под давлением ветра, потом выбежал обратно. Снова заворчал двигатель «Короллы», и вот уже задняя часть авто показалась во дворе перед домом. Машина остановилась, движок затих, снова хлопнула дверца. Настя подтолкнула Анжик локтем – мол, пошли, чего ждешь. А та в ответ шепотом выругалась: забыла, что ли, у меня же бутылка, аккуратней толкайся!

– Сюрприз же, – одними губами сказала ей Настя и кивнула на Костю, который возился с багажником, стоя к ним спиной, и ничего вокруг, казалось, пока еще не замечал.

С трудом сдерживая смех, аккуратно подталкивая друг дружку, девушки на цыпочках, крадучись, медленно вышли из укрытия и начали приближаться к парню.

– На счет «три», – тихонечко выдохнула Анжик. Настя, наоборот, вдохнула поглубже, набрала в легкие воздуха.

Что-то было не так.

Она не успела об этом подумать, скорее почувствовала. Это ощущение сложилось у Насти в подсознании само собой, в долю секунды, пока взгляд отмечал мелкие и вроде бы незначительные детали: грязный, покрытый толстым слоем пыли капот «Короллы»; дерганные движения молодого человека, вытанцовывающего какой-то странный танец позади автомобиля, да еще и, кажется, что-то вполголоса напевающего при этом. Странная одежда на нем – что это за мудацкие рейтузы, майка-алкоголичка?.. Тонкая трещина на заднем стекле...

Внутри машины никого не было. Настя поняла, что это неправильно, когда Костя повернул ключ в замке. Неправильно, ужасно-ужасно-ужасно неправильно, потому что там, в «Королле», должна была сидеть Света. И еще в салоне должен был быть пес, подросший за год жизнерадостный щенок хаски.

А там было пусто.

Она так и замерла на месте с не успевшим вырваться из груди визгом «сюрпри-и-из», и Анжик тоже застыла, так как в этот момент Костя, наконец, закончил возиться с замком багажника и резко, с хлопанием, поднял крышку. Взгляды обеих девушек опустились вниз.

Внутри багажника лежало что-то красное и мокрое – *мокро-красное* – упакованное в полиэтилен. Вполне возможно, в тот самый полиэтилен, обрывки которого болтались в саду на стенах теплицы.

Краем глаза Настя уловила движение – это у Анжик отвисла тяжелая недевичесья челюсть, задрожали полные губы, полезли из орбит глаза. Не соображая, что делает, подчинившись внешне проснувшимся в ней животным инстинктам, Настя быстро и бесшумно прижала ладонь к лицу подруги, закрыв ей рот так, чтобы та не выдала их криком.

– Если в кране нет воды, значит, выпили жида, – глухо пропел Костя и захихикал. Упершись руками о бортик, склонился над багажником. Казалось, он разговаривает с окровавленным свертком внутри. – Если в кране нет... Ну что, сучка, не далеко уехала.

Настя почувствовала, как шевелятся волосы у нее на затылке, и это был не ветер. В голосе стоявшего перед ними буквально на расстоянии вытянутой руки мужчины слышались тонкие истеричные нотки, отдельные слова звучали еле слышно, неразборчиво, другие он, наоборот, почти выкрикивал. Она с трудом узнавала этого человека – фигура, прическа казались знакомыми, но одновременно и чужими, словно кто-то натянул на себя *костюм* Кости. Кто-то больной на всю голову.

– К маме она собралась, падлюко! Вот тебе мама, вот! – человек, похожий на мужа ее подруги, несколько раз сильно ударил сверток кулаком правой руки. Только сейчас Настя заметила на предплечьях и майке Кости алые разводы. И, что самое ужасное...

То, что лежало у него в багажнике, сваленное там, как мешок картошки, – оно никак не отреагировало на яростные удары. Там, под полиэтиленом, чавкало и хлюпало, но это не были звуки чего-то живого.

Ладонь Насти увлажнилась, она услышала тяжелое сопение пускающей слюни Анжик, ей и самой уже хотелось орать от ужаса. Но каким-то чудом Настя сдерживала себя. Продолжая зажимать подружке рот, она попятилась, осторожно увлекая ее за собой обратно, за угол дома, в их жалкое укрытие, и только об одном сейчас молила Бога – чтобы Анжик не выронила чертову бутылку.

– Если в кране есть вода, значит, жид нассал туда, – Костя снова засмеялся тоненьким детским голоском. На секунду выпрямился, застыл – Настя и Анжик тоже замерли, затаили дыхание, боясь нарушить тишину.

Костя наклонил голову набок, посмотрел направо, на забор. Потом резко, по-птичьи, дернул головой в другую сторону.

«Только не за спину. Только не оборачивайся за спину».

– А ты что, сучара, думала меня бросить? Бросить меня думала, да?..

Медленно, очень медленно Настя сделала еще пару мелких шажков назад. Они уже обошли крыльцо, до спасительного угла остался буквально метр. Легкие разрывало от недостатка кислорода – Настя боялась дышать ртом, в горле застрял истеричный всхлип.

– Еще ни одна жиловка меня не бросала... – он снова начал что-то бормотать. Потом нагнулся, закопался в багажнике, шурша полиэтиленом. Вытащил оттуда что-то. Воспользовавшись моментом, дрожащие Настя и Анжик успели преодолеть оставшееся расстояние и, скрывшись за угол, прижались спинами к стене дома.

Во дворе громынуло, лязгнуло. Настя, жестом приказав подружке молчать, осторожно отвела ладонь от ее лица и еще более осторожно выглянула из-за угла: Костя расхаживал вокруг машины, болтая руками в воздухе – разговаривал сам с собой, но с таким видом, будто обращался к большой аудитории. Ей все еще с трудом верилось, что это тот самый Костя, простой трудяга, учившийся с ней в одной школе, всего-то на пару классов старше. Но когда он повернулся лицом в сторону дома, Настя убедилась – это он, Костя. Просто Костя... сошел с ума.

– Лопаты говно стали делать, а? – теперь он смотрел прямо на дом, словно обращался непосредственно к Насте, хотя и не мог видеть ее из-за крыльца. По бледному, белому лицу ползали пятна.

– Суки пархатые, на всем экономят! Раз копнешь – и черенку кирдык. А еще грибки эти... Ну ничего, ничего, где наша не пропадала!.. А вот... хер вам! – Костя потряс в воздухе кулаком, красным от крови убитой им Светки кулаком. – ХЕР ВАМ, слышите? Если в кране нет лопат... нам топор и брат и сват!

Резко развернувшись, он, пританцовывая, пошел в сторону, противоположную той, где скрывались девушки.

– Настя-а-а...

– Тише, тише, – она обняла Анжик за плечи, посмотрела в глаза.

– Настя-а-а, он, он...

– Он в любой момент может нас найти, – тихо, но как можно четче произнесла Настя, надеясь, что до подружки дойдет смысл того, о чем она говорила. – Надо валить, Анжик, понимаешь?

– Ну не-е-е... – Анжик тряслась от ужаса. Насте дико захотелось сейчас вклепить ей крепкую пощечину, от души врезать по дрожащей пухлой щеке, но она сдержалась – звук удара мог услышать слоняющийся в округе сумасшедший.

– Ворота, – прошептала она. – Он не запер ворота, помнишь?

Глаза Анжик закатились, вряд ли та что-нибудь сейчас соображала, в полуобморочном состоянии. Настя, так и не решившись дать ей пощечину, сильно ущипнула подругу за полную грудь – та ахнула от внезапной боли, но во взгляде появилась осмысленность.

– У нас мало времени, – сказала Настя. – Надо бежать.

– Бежать?.. – неуверенно повторила Анжик. – Меня ноги не держат...

Дальше разговаривать было нельзя – Настя услышала шум со стороны сарая. Кажется, Костя снова затянул свою дебильную песенку. В любую секунду он мог вернуться – и да, что он там говорил *про топор*?

На полусогнутых (хорошо, что на ней были босоножки – «чоботы», как говорил дядя Витя, – а не туфли какие-нибудь московские на высоких тонких каблучках) Настя пробежала десяток метров до сортира и встала там, прижавшись всем телом к доскам. Мелкая щепка впиалась ей в щеку, но она не обратила внимания на боль. Оглянувшись на Анжик – та все еще стояла, покачиваясь, у крыльца, держа в безвольно повисшей руке бутылку.

– Если в кране нет воды...

Настя махнула подруге рукой: быстрее, дура, быстрее же! Но та затрясла головой из стороны в сторону: нет, нет, ни за что.

– Значит, выпил ее ты! – голос и шаги раздались совсем рядом, буквально в нескольких метрах: Костя возвращался. Анжик спряталась, медленно осев за крыльцом. Настя замерла, прислушиваясь.

Теперь они были разделены, одна стояла возле сортира, другая забилась в угол между крыльцом и стенкой дома. Настя видела Анжик, а та видела ее, но никому из них сейчас не был виден Костя. Судя по звукам, тот возился у багажника. Шуршал полиэтиленом, разворачивал сверток, кулек с чем-то, что – в этом Настя уже была уверена на все сто – когда-то было Светой.

Распахнутые настежь ворота манили, притягивали взгляд, но... «Если я сейчас побегу – он увидит». Защекотало подбородок, по щеке вниз, к шее, стекла капелька пота.

– Вот какого хера ты такая тяжелая стала, а?

Тяжелый влажный шлепок. «Вытащил труп из машины», – догадалась Настя.

– Если... в кране... – Костя медленно выволок тело на середину двора.

Она поняла это по звуку и по тому, как столь же медленно распахивались глаза Анжик – та могла видеть происходящее, из ее угла обзор был лучше, и к тому моменту, когда Костя закончил, глазные яблоки Анжик уже вылезали из орбит, напоминая белые мячики для настольного тенниса, которые кто-то словно воткнул в ее рыхлое лицо.

– Дай знак, – беззвучно сказала Настя подруге.

«Дай знак, когда он будет за машиной. Тогда я смогу бежать».

– А, епт!

Анжик приподнялась, замахала Насте руками, пуще прежнего выпучив глазищи. В последнюю секунду Настя заметила тень на земле у самых своих ног и успела, скользнув по стенке, обогнуть сортир. Костя спешил к воротам, она слышала быстрые шаги и обежала туалет вокруг, остановившись со стороны, противоположной той, где пряталась сначала. Сбоку лязгали и скрипели петли и створки – Костя запирали их единственный путь к спасению.

Настя окаменела, позвоночник будто бы превратился в узкую стальную перекладину, вертикально пронзившую тело. Перед ней открылась жуткая картина – во дворе, между крыльцом и «Короллой», прямо на земле лежала упакованная в полиэтилен Света. Костя частично раскрыл сверток, и теперь Настя видела, что ее мертвая подруга полностью обнажена. Одна грудь повисла набок, другая была залита кровью, а из плеча над ней торчал топор, лезвие которого наполовину погрузилось в плоть. Настя видела глаза Светы – один был закрыт полностью, а второй лишь наполовину, словно мертвая подружка тайком подсматривала за происходящим. Должно быть, ситуация ее забавляла, а может, ей было интересно, кто же выйдет в итоге победителем в этой странной игре в кошки-мышки – муж-убийца или бывшая одноклассница.

«Не сходи с ума. Она труп, она ни о чем уже не думает».

Настя с громадным трудом заставила себя оторвать взгляд от окровавленных останков – как раз вовремя, чтобы увидеть Анжик, вновь лихорадочно ей о чем-то жестикулирующую.

– Если!.. В кране!.. Есть!.. Еда!

«Господи боже, да он же прямо ко мне идет!»

Они с Анжик сорвались с места одновременно. Настя переместилась к дверям сортира, пока Анжик, выбравшись из своего угла, побежала в сторону «Короллы». Настя даже обрадовалась – значит, подруге хватило мозгов догадаться, что за корпусом машины прятаться легче.

Увы, в следующую секунду бутылка «Сангрии», тонкое горлышко которой Анжик все еще сжимала потными толстыми пальцами, задела дном о край крыльца и с громким звоном разбилась, выплеснув на ступеньки пенно-красное содержимое.

Настя нырнула в приоткрытую дверь, быстро закрыла ее за собой и замерла на месте. Маленькое отверстие в форме сердечка белело у нее перед лицом, и она прижалась к нему, чтобы наблюдать за тем, что происходит снаружи.

– А-а-а! А-а-а!

Истошно вопя, Анжик пробежала мимо и исчезла из поля зрения. На секунду вид из отверстия в двери сортира оказался закрыт, а совсем рядом Настя услышала частое хриплое мужское дыхание. Потом Костя взвыл, передразнивая беглянку: «А-А-А!!!» и устремился вдогонку за Анжик.

– Не на... не на... Нась!.. – предательский вопль оборвался на полуслове. Из-за хлипких досок донеслись удары.

Настя отлипла от «сердечка», в панике – бежать, бежать, бежать! – заглянула в черную дыру под ногами, откуда поднималась сладковатая теплая вонь. Запах гнили, мочи и экскрементов наполнял всю коробку сортира, но над «очком» был особенно резким, почти осязаемым. От него на глазах выступали слезы и кружилась голова. Сумрак заколыхался морочными волнами, в которых вспыхивали белые искры – Настя поняла, что сейчас потеряет сознание. Упадет, стукнется об пол, и на этом все закончится, потому что Костя, пока еще занятый с двумя трупами во дворе, услышит и сразу же все поймет.

– Жирная маленькая жидовка! – раздалось за стеной, совсем рядом. – Свинья кошерная!

Или это у нее в голове?.. Насте было уже все равно – ей стало дурно, ей нужно было срочно вдохнуть хотя бы капельку свежего воздуха, чтобы обморок отступил, а дальше – будь что будет. Она может неожиданно выскочить из укрытия и атаковать психа с топором во дворе, попытается выцарапать ему глаза прежде, чем тот успеет использовать свое оружие. А если ей удастся добраться до разбитой бутылки и схватить острый осколок...

– Ничего-ничего! Если в кране... нет... дерьма... Куда одно полезло, поместится и другое!

Настя потянулась обратно к «сердечку», но вдруг ей навстречу, словно из ниоткуда, из воздуха, рвануло залитое кровью лицо – лицо Анжик. Доски затрещали, когда о дверь с силой ударилось тело, щека мертвой подружки прижалась к отверстию, а выбитый глаз с помутневшей карей радужкой нырнул через дыру прямо внутрь коробки и повис, качаясь из стороны в сторону на ниточке нерва.

Настя ахнула и отскочила. Стопа оскользнулась, гнилая доска под ней громким треском вторила ломающейся двери. Девушка ухнула вниз, в клоаку. Слава богу, что не стала наедаться у родственников – дыра была узкой, грубо обструганные дощатые края расцарапали бока в кровь, но Насте все же удалось проскочить под весом собственного тела вниз. Короткий полет завершился мягким приземлением в вязкую жижу на дне выгребной ямы.

Настю немедленно вырвало, она успела только зажать рот руками, чтобы приглушить звуки рвоты. Сквозь пальцы брызнула желчь, повалились наполовину переваренные кусочки котлет – остатки недавнего завтрака-обеда. Давясь, Настя изо всех сил старалась удержать рвот-

ную массу за щеками и одновременно боялась оторвать взгляд от смутно светлеющего над головой отверстия.

Там, наверху, скрипели доски пола, и Костя возился внутри сортира.

«Если он посмотрит сюда, вниз, то увидит меня».

Настя начала оседать на дне ямы – погрузилась в теплую жижу сначала по пояс, затем по горло. Тело все еще сотрясалось от рвотных позывов, словно пыталось выдать ее местонахождение. Все сейчас восстало против Насти! Подол светлого летнего платья, в котором она приехала в Шую («а платице-то у нее какой, глянь-ко!»), задрался – ткань была слишком невеста, чтобы самостоятельно потонуть в дерьме, и Настя, оторвав ладони от лица, принялась топить одежду руками.

В коробке сортира над головой мелькали тени. Костя ругался вполголоса.

Настя уперлась задом в дно ямы и вытянула ноги вперед, чтобы колени не торчали из жижи. Глубоко в щиколотку вонзилось что-то твердое и острое, из горла вырвался стон – она задушила его, вновь прижав ко рту руки, теперь уже перепачканные в нечистотах.

Заметил ли он? Услышал ли?.. «Конечно, заметил! Тебя, глупая ты овца, только глухой не заметил бы!»

Сейчас, вот сейчас, еще секундочка – Костя закончит с Анжик и явится за ней. Может, сначала помочится сверху или нагадит на голову, потому что «если в кране есть вода, значит, он нассал туда».

Если бы Настя помнила хоть одну молитву из тех, что доводилось слушать в детстве на службе в Воскресенском, куда ее водила тетка, то сейчас молилась бы, утопая в дерьме, о спасении души – в спасение жизни она уже не верила.

Но что это?..

Ей удалось погрузиться в жижу почти целиком, так что снаружи остались только глаза, нос и рот, а теплая мерзость залила уши. Звуки глохли, тонули в клоаке, но этот отдаленный гудок показался ей знакомым.

Оглянись вокруг себя, не гребет ли кто тебя. Дядя Витя приехал.

«Господи, спасибо. Слава тебе, Господи!»

Насте хотелось кричать и смеяться от радости, но она продолжала лежать в своей гадкой ванне и слушать эти замечательные, спасительные гудки автомобильного клаксона: раз, другой, третий... тишина.

Следовало подняться и заорать что есть мочи, нужно было предупредить дядю Витю, прокричать ему о том, что Костя сошел с ума, что он совсем уже свихнулся на ненавистных ему жидках, убил свою беременную жену и только что зарубил Анжик. Настя понимала, что это необходимо сделать, но не могла заставить себя шевельнуть и пальцем – жижка сдавила ей горло, словно пытаясь задушить.

«Ничего, дядя Витя все сам поймет, когда увидит кровавое месиво во дворе. Дядя Витя справится, он в армии служил, а потом до самой пенсии в милиции работал, дядя Витя сильный, дядя Витя взрослый, он сможет – мне надо просто подождать».

И Настя ждала, лишь самую малость приподняв голову, чтобы лучше слышать. Она потеряла счет времени, оно буквально потонуло вместе с нею тут, в нечистотах. Глаза постепенно привыкали к темноте. Рука нащупала рядом, на дне ямы, твердый комочек, напоминающий кучу старого мокрого тряпья. Настя сжала его пальцами, осторожно потянула наверх – и у нее перед глазами всплыла покрытая вязкой массой голова собаки породы хаски. С клыков распахнутой в смертном оскале пасти капало – Джуля...

Настя отпихнула песью голову подальше, и та с бульканьем пошла обратно на дно своей могилы. На поверхность вытолкнуло что-то еще – что-то маленькое и похожее на куклу-младенца.

«Выкидыш. У Светки случился выкидыш», – осознала Настя и вспомнила слова сумасшедшего: «Куда одно полезло, поместится и другое». Видимо, с этого все и началось – Костю уволили, Костя стал бить жену, у Светки случился выкидыш – и...

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем у нее над головой хлопнула, распахнувшись, дверь сортира и забрезжили слабые отголоски солнечного света.

Послышался шорох, скрипнули доски.

Время остановилось окончательно. Каждое мгновение растягивалось до бесконечности.

Наконец в круглом отверстии наверху появилось лицо, которое Настя была особенно рада увидеть именно сейчас, после всего того ужаса, что окружал ее внизу. Она потянулась навстречу этому лицу, улыбаясь – какой же дядя Витя все-таки смешной с этими дурацкими усами и в солнцезащитных...

«Ой, не смешите!»

...очках, которые ему не нужны, потому что в старом вонючем сортире темно. А раз не нужны, то не беда, что они медленно соскальзывают и падают вниз, чтобы шлепнуться в жижу где-то между наполовину потонувшей собачьей головой и телом недоношенного младенца.

...Дядя Витя не видит Настю, потому что у дяди Вити нет глаз. Дядя Витя никого не спасет, потому что он мертв, потому что вместо глаз у него – кровавые дыры. Он никогда больше не сводит Настю на рыбалку или по грибочки.

Мама Вася уже никогда не будет с ним ругаться, не назовет его «милай мой» и не потрепет по редким волосам на макушке, потому что отрубленная голова дяди Вити летит в дерьмо вслед за очками.

Брызги попадают Насте на лоб и щеки, но Настя не обращает на это внимания. Настя смотрит вверх, на круглую дыру, похожую на солнце.

...Дыру, сияющую ей с высоты, словно купол звонницы Воскресенского собора.

А потом в этой дыре появляется окровавленная харя безумца, который хохочет и орет: – СЮПРИИИИЗ!

Иван Белов

Взгляд бездны

Студеный ветер гнал поземку первого снега, набивал колючую крупу за шиворот и в сапоги, кусал за лицо. Трофим Смага прикрыл рукою глаза и вполголоса чертыхнулся. Нет службы хуже, чем в такую погоду на воротах стоять. Лучше нужники солдатские чистить, дерьмо в бадейке носить. С острожного вала открывалась белая пустошь, изгиб подмерзшего Иртыша и черный оком задремавших лесов. Тобольск, малая кроха Руси, крепость на высоком речном берегу. Вокруг – накопившаяся ненависть, чужая земля. За надежными деревянными стенами мир иной, непонятный и страшный, пахнувший кровью и колдовством. Ночами в метели хохотали снежные ведьмы, оседлавшие мертвых волков, подводные чудища с треском ломали лед на озерах, а с древних могильников неслись призрачный вой.

– От завернуло, – притопнул напарник, Евсей Косорот. – В тепло бы, да бабу под бок.

– Ага, жди, – Трофим кривенько усмехнулся. На дороге появилась темная точка. Гости в острог сегодня шли неохотно, с утра проскочил меховой обоз да притащилась стайка крикливых вогулов с нартами, полными рыбы. Визг ветра принес неясное, равномерное бряканье. До идущего осталось саженой сто.

– Двое их, – сказал глазастый Евсей.

И правда, черная точка обернулась двумя прижавшимися друг к другу людьми. Девочка-сибирячка с плоским лицом тренькала колокольчиком, поддерживая под руку высокого, тощего мужика, обряженного в лохмотья. Мужик был одноногий и неуклюже скакал, опираясь на сучковатый костыль. Пара доковыляла до ворот, и Трофим зябко поежился. У мужика не было глаз. Он стоял грязный, обросший и запаршивевший, пялясь куда-то мимо солдат жуткими незрячими дырами. Мокнувшая кровавая корка потрескалась, сочась зеленоватой гнильцой.

– Чьих будете? – поборов оторопь, поинтересовался Трофим.

Девочка в ответ замотала головой и залепетала по-своему.

– Не понимаешь? – вздохнул Трофим и осекся. Слепец, услышав голоса, сдавленно замычал. В беззубом рту ворочался обрывок черного языка. Девочка заговорила быстро-быстро, успокаивая спутника, и повела его за ворота. Мужик стонал, сипел и пробовал вырваться. Под сводами башни они упали, и слепой забился в снегу. Девочка гладила по грязным спутанным волосам и ласково ворковала.

– Дочка никак, – предположил Евсей.

– Эй, подь-ка сюды, – Трофим вытащил из-за пазухи кусок сухаря. – Не бойся, дуреха.

Девочка равнодушно посмотрела на хлеб и еще теснее прижалась к слепцу, словно кроме любви и заботы их связывало что-то еще. Что-то страшное и голодное, до поры сокрытое в подступающей темноте...

(девятью днями ранее)

Подыхать не хотелось, но ноги подкосились сами собой, и Игнат Забелин рухнул плашмя, подмяв жухлый брусничник и россыпь истекающих черной слизью, дряблых грибов. Обрывок

сальной веревки вырвался из рук и уполз грязной змеей. Игнату было плевать, истрескавшиеся губы жадно зачмокали, обсасывая влагу с бархатистого, отдающего болотиной мха. Распухший, по-кошачьи шершавый язык ворочался во рту огромным червем. Изможденное тело сводили судороги, в глазах темнело и плясали багровые огоньки. Кто-то наступил на Игната и матерно выругался, словно собака залаяла. Шаги и треск сушняка под ногами обтекали Игната с обеих сторон. Он втянул голову в плечи. Авань не заметят, авось отлежусь, Господи, помоги...

– Отдыхай, выпороток свинячий, сибирцы нагонят, в гузно оглоблю воткнут, – Игнат узнал хрипчатый голос Угрима Перепойцы, казачьего атамана, знакомство с которым Игнат не иначе как через дьявола свел. Будь проклят тот день вместе с Угримом, дьяволом и всей Сибирской землей.

Игнат, насадно сопя, перевернулся на спину. Чахлые елки кружили бешеный хоровод, закрывая верхушками серое небо, плачущее мелким, морозящим дождем.

– Вставай, дура, – рыкнул Угрим. Лицо атамана чернело в мозглой туманной дымке – раздутый фиолетовый нос, щеки, изрытые оспой, на правой скуле – незаживающий, воняющий гнилью нарыв, в клочковатой бороде, слипшейся от грязи и слюны, застряли веточки и хвоя. Тощая фигура Угрюма дернулась и растворилась в подступающей темноте.

Игнат с трудом поднялся на четвереньки. Сил не осталось, грудь сжимали огненные тиски, кипящая кровь набатом стучала в висках. Он расстегнул zipун и вытащил серебряное блюдо тонкой работы. На блюде всадник бился с грифонами, поверх рукой мастеровитого туземца были грубо нацарапаны сатанинские письмена. Ох и дикий народ! Испоганили красоту! Сам черт разберет, как персидское серебро попало в Сибирь. Вогулы, надуваясь от гордости, плели небылицы, де раньше были они так сильны, что все цари мира платили им дань. Брехали, поди, ведь ныне их могущество – шишки, тухлая рыба и каменные топоры. Игнат надрывно вздохнул и упрятал блюдо обратно за пазуху. Помрет Игнат, но драгоценную посудину, добытую на поганом языческом капище, до дому донесет.

Он встал на подгибающиеся ноги и, шатаясь, устремился за уходящей станицей. В чаще жутко верещало и хрюкало. За спиной, среди корявых стволов, чудились нагоняющие сибиряки, сухие ветки напоминали короткие копья. Не дай Боженька дикарям в руки попасть. Звериная жестокость вогулов известна: сдерут кожу живьем, поджарят на углях, надрежут брюхо, напустят внутрь мурашей. Помнят в Тобольске Фому Рытова, удалца, каких не видывал свет. Промышлял мехами, как на дрожжах богачей, в самые нечистые дебри без страха всякого лез. Однажды сплавщики увидели на Нефедовской косе страшную образину, извивавшуюся в воде. Думали, чудище лесное, решили прибить во славу Христа, а оказалось, то человек – грязный, худющий, окровавленный, гнусом изъеденный до кости, мясо на руках и пузе стерто, в ранах опарыши завелись. Едва опознали Фомку – бедовую голову. Отрезали нехристи парню ноги, раны железякой каленой прижгли, как он выжил и сколько верст по тайге на брюхе прополз, так и не понял никто. Нет, в лапы вогулам попадаться нельзя...

Игнат прибавил шаг, ичиги проваливались в мох, оставляя глубокие, наполненные бурой жижей следы. Впереди мелькали ссутуленные спины станичников: Угрима, его бабы – Акыс, низенькой и страшной на рожу вогулки, двух казаков и пары мужиков из острога – Яшки Крола и Степана Суры. Последним, вихляясь и хромя, бежал монах Капитошка. С ними добыча – четыре вогульские девки, нагруженные мехами и серебром. Дюжий, широкоплечий казачина Онисим тащил девок на привязи, не обращая внимания на стоны и рев. Игнат догнал вереницу и подхватил волочащийся по грязи конец. Лишь бы Онисим не увидел, силен казак, тяжел на руку, на расправу скор.

В набег Игнат не от хорошей жизни ушел. Выпала мужику из нижегородской деревеньки Ленково злая судьба. Сеял Игнат хлеб, плотничал, в самый голодный год не бедствовал, вот только с женой, Пелагеей, долго не было детишек у них. Господь смилостивился в год воцарения императрицы Анны Иоанновны. Пришли к Игнату радость и горе. Разродилась Пела-

гея девкой, а сама кровями великими изошла. Остался Игнат с дитем на руках, нянчился, выхаживал, ночами не спал, исхудал, теплым молоком с тряпицы, как кутенка, малышку поил. Выжила дочка, крестили Анфисой, стала синеглазая улыбчивая егоза опорой и надеждой отцу. Души в ней не чаял Игнат, в мать Анфиса пошла – тоненькой, красивой и ласковой. Семь годов дочке исполнилось, по зиме подхватила горячку, три дня промучилась и у отца на руках умерла. Поседел Игнат, постарел, руки хотел на себя наложить, волком выл. Бросил работать, пропился до гроша. Очнулся осенью, когда барский прихвостень за недоимком пришел. А платить нечем. И тут черт дернул лакея худым словом Изната назвать. Помутился разум у Изната, взял он и пробил поленом лакейскую дурную башку. Суда дожидаться не стал, ударился в бега, подальше от казенного сыска и собственной памяти. Шел ночами, днем тайлся в лесу, жрал что ни попадя, побирался у добрых людей. Добрался до Пермского края, подался за Камень, едва не угодил на шахты, где через год работы человек начинал выплевывать собственные кишки. Побрел Игнат куда глаза глядят, в поисках воли и справедливости. Остановился в Тобольске, город рос, богатея на пушнине и кожах, и умелые руки там были ох как нужны. Платили исправно, прошлое не тревожило, минуло несколько лет. Надумал Игнат жениться, сошелся с солдатской вдовой, решил ставить избу. А где денег взять? Тут, на грех, и подвернулся Угрім Перепойца, атаман с дурной славой и самый отъявленный душегуб. Искал Угрім в ватагу верных людей. Пьяный монах Капитошка трезвонил по кабакам, дескать, знает становище богатства невиданного и без всякой охраны. Живут посередь гнилого болота шаманки, и мужикам туда ходу нет. А нехристей грабить – дело богоугодное. Подписался Игнат. На Покрова вышли из Тобольска на трех насадах вверх, по полноводному Иртышу. Плыли два дня, пристали к берегу, схоронили лодки, вечером вышли к шаманскому капищу. Все было, как монах обсказал – никакой охраны, бабы одни. А с бабами какой разговор? Старух, ряженных в шкуры и олени рога, перерезали, молодух похватили, снасилили, взяли в полон. Добра надрали по пуду на брата – денег, персидской посуды, самоцветных камней, соболей и лисьих мехов. Не скупилась вогульские нехристи на подношения бесам-богам. В жертвенных ямах, вперемешку с человеческими костями и пеплом, настыли золотые слитки с курье яйцо. Идолищ поганых, измазанных салом и кровью, свалили в гигантский костер. Радовались, дураки. Отрезвление утром пришло, когда из рассветной дымки явились вогулы огромным числом. Ватага устремилась к реке. Да не тут-то было, развеселая гулянка закончилась, сибирцы перекрыли пути, пришлось разворачиваться на север в надежде вырваться к Иртышу. Угрім кружил среди топей и россыпей мелких озер, но сбросить с хвоста погоню не мог. Люди валились от усталости, двух пленных баб, отказавшихся идти, зарезали в назидание другим. Ватага истекала кровью и потом. К полудню туземцы повисли на пятках, позади, совсем близко, слышались боевые кличи и жуткий, выматывающий душу неистовый вой.

Под ногами стало посуше, впереди, среди обомшелых завалов и корявых стволов забрезжил просвет. Неужели река? Игнат обрадовался, заторопился. Господи, лишь бы вырваться из этого проклятого, воняющего гнилью, перепревшего, бесовского леса. Нет в этих болотистых чащах места православному человеку, оттого и селятся в Сибири испокон веку дьяволопоклонники, камлая на древних могилах и принося человечьи жертвы в каменных рукотворных кругах. Два века русские люди усмиряли огнем и железом эту суровую землю, да без толку все.

– Поднажмем, братья! – захрипел Угрім. – Немножко уж! Иртыш впереди!

Станица, обрадованно гомоня, вывалилась на опушку. Крики затихли. Реки не было. Прогалина обрывалась гранитной осыпью и уводила в широкую, залитую молочной хмарью долину, не имеющую конца. Из тумана густо торчали вершины елей и причудливые каменные останцы, навевающие беспричинную жуть. Словно чудища застыли по мановению руки древнего колдуна. Ветер швырял в лица колючую промозглую взвесь. Игнат едва не расплакался.

– Хер там, а не Иртыш, – озлобленно сплюнул Лукьян, увитый жилами, обликом схожий на турка казак.

– Сдохнем все! – взвизгнул Капитошка, нацепивший поверх драной рясы безрукавку волчьим мехом наружу. На шее монаха, рядом с крестом, покачивались ворованные шаманские амулеты из бусинок, косточек, мышинных черепов и монет.

Ватага застонала, рассыпая проклятия Богу, дьяволу, ангелам и святым.

– Едала прикрыли! – рявкнул Угрим. – Солнце где, зрите? Прямо на реку идем! Чую, версты две осталось, не боле того.

Игнат с тоской посмотрел на болезненное, расплывчатое пятно, едва просвечивающее сквозь пелену дымчатых туч. Какие две версты, ежели и шага больше невозможно ступить?

– Не отставай! – Угрим первым спустился по склону, оскальзываясь на поросших лишаями камнях. Акыс заорала истошно, нахлестывая вогулок. Тонкая плетка резала одежду и плоть. Тощей девке досталось поперек рожи, располозовав щеку жуткой ухмылкой, хлюпающей кровавой слюной. Она лишь утробно охнула и присела от удара. Вереница пленниц потянулась в долину. «Откуда в бабе жестокость»? – мысленно ужаснулся Игнат. Сам он мухи не обидел, ну не считая того барского холоуя. Курям бошки крутил, было дело, но чтобы живого человека пороть? На некрасивом плоском лице Акыс застыла маска злобного удовольствия.

Бежали, хромая и вихляясь, в могильной тишине слышались надсадное дыхание и кашель. Отмахали саженой двести, вогулка в середине цепочки споткнулась о мягкую кочку и рухнула на четвереньки, сзади налетели товарки, образовав кучу-малу.

– Собаки! – Акыс, взбеленившись, сыпала ругательствами, прыгала вокруг на кривых толстых ногах и секла плетью по чему попало, усугубляя начавшийся хаос.

– А ну осади! – Онисим шагнул и перехватил руку вогулки. – Не замай!

Акыс взвизгнула от обиды и боли, с трудом вырвалась и кинулась к Угриму, ища спасения и вопя:

– Он, он меня... Угримушка! Ох...

Атаман, вплевав бабе пощечину, угрожающе прошипел:

– За дело. Не трогай их, слышь. В Тоболе за каждую десять рублей дадут, а тебе цена пшик.

– Угримушка... – Акыс упала к атаманским ногам.

Угрим брезгливо отпихнул ее сапогом и застыл, глядя за спины. Игнат повернулся и обомлел. Позади, на пологом обрыве, открывавшем дорогу в долину, из белесой мглы проступили фигуры – неподвижные, застывшие, как мертвецы.

– Вогулы, – выдохнул кто-то из мужиков.

Нехристей было несколько десятков, они неподвижно стояли на откосе, опираясь на копья, увитые струящимися щупальцами сырого тумана. Ни боевых кличей, ни воплей, ни угроз, ничего. А оттого вдесятеро страшней.

– В круг, в круг! – заорал Угрим, раздирая рот. Ватага приготовилась подороже продать свою жизнь, сбилась в кучу, вогулок загнали в середину. Казаки раздували фитили. Игнат вытянул из-за пояса топор на длинной захватанной рукояти. Ладони осклизли, стало нечем дышать. Ни разу не был Игнат в настоящем бою. А тут первый и сразу последний, видать. Не сдюжить против вогулов. Засыпят свистящими стрелами издали, метя в руки и ноги, навалятся толпой и посекут. Построил избу, дурак? Теперь и могилки не будет, зверье кости по тайге разнесет. Успокаивало одно: Яшка со Степаном, такие же, как и он, простые тобольские мужики, со страху еще больше тряслись.

– Ближе подпустим, – хищно осклабился Лукьян, прикикнув к пищали.

– Прощайте, братья, – выдохнул Онисим.

Вогулы не двигались. У Игната дрожали колени от напряжения, струйки пота ползли из-под шапки, заливая глаза. Давно ли до нутра промерзал? Ну грейся теперь... Ожидание смерти хуже всего. Нехристи издевались, отмеряя последние капельки жизни группе уставших, вымотанных погоней людей.

– Ну чего встали, ублюдки? – не выдержав, заорал Лукьян. – Давай, подходи!

Ватага завопила, заулюлюкала. Яшка со Степаном затащили обидную частушку. Лукьян для остротки пальнул из пищали, облако едкого порохового дыма проглотил налетевший с ветром туман.

Игнат заорал матерно, выплескивая накопившийся страх. Крик застрял в пересохшей глотке. Вогулы, все в том же зловещем молчании, растворились в мареве и косых нитках дождя. Будто и не было их. Словно туман слизнул языком.

– Чего это? – удивился стоящий рядом Яшка Крол, мужик степенный и рассудительный, а оттого хер знает зачем попершийся в этот набег.

– Испужались? – предположил Капитошка. Посиневшие губы монаха мелко тряслись.

– Тебя никак, – фыркнул Угрим. – Подлянку готовят, поди.

Игната повело, он шагнул вперед и неловко плюхнулся на колени. Топор выпал, он поднял руку и осенил себя широким, размашистым крестом, ткнулся лбом в землю и истово прошептал:

– Чудо, чудо Господне! Господь спас!

– Господь спас, – эхом отозвался Онисим.

– Чудо, – затрясся Степан Сура, человек семейный и бондарь не из последних, внезапно променявший бадьи и бочки на вольную жизнь, – спаси Господи.

Станичники мешками оседали на колени и крестились, с надеждой заглядывая в низкие хмурые небеса. Благодарили Бога, еще не зная, что Бог отвернулся от них.

Понимали: чудо чудом, а сибирцы вернутся – клочки по закоулочкам полетят. Ватага втянулась в долину, держа путь на закат. Верили – еще чуть, и река. Там на плоты и домой, хвастаться подвигами и добро пропивать. Стояла мертвая тишина. Нудный дождик усилился, туман расплзся драными клочьями, прибил к пожелтелой траве, обнажив осколки старых, искрошенных временем скал. Елки и пихты росли чахлыми рощами, упавшие стволы утопали во мхах.

Ветер принес запах падали, резкий, тошнотворный и липкий. Идущий первым Лукьян остановился на полушаге и выругался сквозь зубы. Ватага сгрудилась, напряженно сопя. Впереди, в неглубокой ложбинке, дыбилась туша мерзкого черно-зеленого цвета, бугристая, мягкая даже на вид, размерами в пару коров.

– Дохлятина, – поморщился Угрим.

– Поглядим, – Онисим взвесил на руке камень и бросил без замаха. Хлюпнуло, камень провалился в склизкую тушу, из дыры плеснула гнойная слизь.

Подожли ближе, от вони заслезились глаза. Трупанина напоминала вязкий кисель, черная шкура понизу прорвалась, на земле растянулись сине-белесые потроха. Желтые иззубренные кости, размером с руку взрослого человека, торчали наружу в лохмотьях плоти, слипшейся шерсти и чего-то похожего на чешую.

– Где голова, где жопа, хер разберешь, – сплюнул Лукьян.

– Во, вроде пасть, – Степан вооружился палкой. Мокро чавкнуло, гнилое мясо разошлось, открыв узкий провал, усеянный сотнями мелких острых зубов. Игната передернуло, рот у твари располагался где-то на месте груди.

– Кит энто, – заявил Капитошка, человек, видевший книги, а значит, ученый и знающий.

– Кит? – Угрим недоверчиво вздернул бровь. – Ну да, тут до моря рукой подать, пара тыщ верст, вот он посуху и доплыл.

– У отца Федора книга была с описанием всяких заморских страстей: людей с песьими головами, самоедов и гадов пучинных, – не сдался монах. – Так в книге той писано про дожди из рыб и лягух. Предвещают конец света и пришествие Сатаны. А раз киты валяются из небес, знать, недолго ждать.

– Не кит, а мамон, – со знанием дела возразил Лукьян. – Зверь чудесный, с горбом, и рога назад гнутые, вся Сибирь костями усыпана. Говорят, померли мамоны давно, а Ермолай Якун сказывал – в землях якутских до сих пор стада мамонов живут. Крестом клялся Ермолай, сам видел, как инородцы собак кормили свежатиной.

– Свежатины и я бы пожрал, – мечтательно причмокнул Онисим.

– А мамона этого драного, гляньте, даже птахи с куницей не жрут, – мотнул головой на тушу Угрим.

– Тут нет птиц, и зверья нет, – выдохнул Игнат тревожную мысль. – Пусто и падаль одна.

– Точно, – кивнул Лукьян. – А я все думаю, чего здесь не то.

– Зима на носу, вот и попрятались, – без особой уверенности отозвался Угрим. – Эх, чудище бы в соли обвалить да в Тюмень отволочь, есть там полудурушный барин, серебром платит за всяких тварюг.

Тащить сгнившую тушу в Тюмень охотников не нашлось, ватага сокрушенно поохала и поплелась в густеющий, вязкий туман. Игнат задержался, разглядывая черный слизистый след, намохший в примятой траве. Тварь ползла из объятых сумерками долины, пока не издохла. Зачем? Выяснять Игнат не хотел.

Больное, подтекающее гноем солнце утонуло в сырых небесах, смешав землю и облака в мутную пелену. Из ключев тумана призрачными кораблями выплывали останцы. Каменные глыбы нависали над головой. Игнат изумленно разглядывал покрывшие скалы картины – изломанные фигуры с рогами, маленьких человечков, убегающих от жутких чудовищ, кривые загогулины и всякую срамотень: сплетенных в непотребных позах людей и зверей. Не иначе тешились бесы, а то как бы человеку выбить рисунки на такой высоте? Игнат поежился, увидев на отвесной скале спиралью завитый лабиринт с огромным красным глазом внутри. Глаз следил за Игнатом, куда ни вступи, будто великан-людоед пялился из толщи скалы. Волосы под шапкой зашевелились. Игнат прибавил ходу, зашпешил, но все же не сдержался и оглянулся. Глаз смотрел на него.

Видимость упала до сотни шагов, туман струился белыми волнами, и там, в непроглядной обморочной пелене, временами вздыхало и ухало. Далекие протяжные стоны навевали жуть. Ветер играет в останцах – успокоил себя Игнат. Он промок до нитки и озяб, прикладывая зубами. Станичники брели сквозь марево, с трудом переставляя уставшие ноги. Лабиринт не шел у Игната из головы. Угодили в паутину, и выхода нет...

Приступ скрутил Игната в упругий комок. На макушку будто капнул раскаленный свинец и тоненькими жгучими струйками потек на виски. Рядом зашелся кашлем и припал на колено Степан. Капитошка катался по земле, вырывая мох и траву. Лукьян блевал, выворачивая нутро. Щенящейся сукой выла Акыс, пленные вогулки глухо скулили, крайняя билась в истерике, разбрасывая выдранные ключья волос. Боль ушла внезапно, оставив привкус гнили на языке.

– С-сука, – выдавил Угрим, вытирая рукавом хлынувшую из носа кровь.

– Как поленом огрело, – Онисим шумно мотнул головой.

– Роздыху нужно, – просипел Яшка.

– До Иртыша доберемся, там отдохнем, – Угрим качнулся, едва не упав, и пошел в дымную пелену.

Игнат волокся последним, промокшие, разбухшие от влаги и грязи ичиги тянули по пуду, каждый шаг отдавался ломотой в костях. Лес густел, из мха дыбились скользкие, похожие на щупальца корни. Космы сырого лишайника свисали с ветвей. Время остановилось. День, вечер, ночь? Напитанные безумием туманные сумерки и неподвижное бледное пятно, распятое в небесах. Не было тропинок, не было сторон света, не было направлений, только древние скалы и мертвый, нагой, коченеющий на ветру березняк. Игнатом завладевала тревожная мысль присутствия в тумане чего-то зловещего. Затылком чувствовался ненавидящий, озлобленный взгляд. Однажды, на плече крутой скалы, почудилось быстрое, смазанное движение.

Браты по ватаге тоже беспокоились, крутили головами, прислушивались. Откосы дыбились застывшими волнами, кривые сосны на вершинах никли к земле. Угрим вел отряд по руслу пересохшей реки. Когда-то давно между каменными холмами несея бурный поток. Глинистые берега оплыли, дно устилала круглая мелкая галька. Под ногой хрустнуло, Игнат глянул и сдавленно засипел, увидев череп, наполовину ушедший в мелкий песок. Пожелтевший, треснувший, покрытый ошметками мха, он злорадно пялился на Игната тремя глазами. Фух, нет, не тремя, посередине лба зияла круглая дырка, похожая не на след удара, а на работу буравчика. Чуть дальше вперемешку лежали черные кости. Причитающие вогулки сбились стаей неопрятных ворон.

– Дурное место, – перевела Акыс.

– Умные бабы, – хмыкнул Онисим. – А то я сумлевался без них.

Ветер расслоил молочную дымку, и Игнату захотелось, чтобы туман вернулся, скрыв ужас, от вида которого сердце оборвалось. Горло сдавил панический страх. Берег раззявился трещиной саженной пять высотой, со стенками, вымощенными сотнями человеческих костяков. Кости, утопленные в серую глину, соткали безумное кружево, перемешались и слиплись между собой. Ребра треснули, беззубые рты распахнулись в крике, полном боли и ужаса. Игната пробила мелкая дрожь. Сколько народу набросали вповалку в глубокую ямину. И кто набросал?

– Страсть-то какая, – перекрестился Степан.

Гнетущее молчание как прорвало:

– Господи.

– Мать честная.

– Паскудство...

– Цыть! – оборвал Угрим. – Мослов старых не видели? Промедлим, сами будем лежать. Айда за мной, казачки!

Из глины до самого низа провала торчали бедренные головки, проломленные черепа, просыпавшиеся фаланги и позвонки. На глубине, в окаменевшей глине, чернели круглые дыры-ходы, устланные костями. И чем дальше Игнат смотрел в эти дыры, тем больше его манило спуститься и посмотреть, что внутри.

– Это дорога в Ад, – просипел Лукьян. – Души наши будут черти глотать.

Казак нехорошо рассмеялся и пошел по гальке и древним костям. Игнат оглянулся и увидел позади тощую, искривленную тень. В испуге попятился, моргнул, и видение рассеялось. Туман расплылся плесневелыми тряпками, оставив мертвое дерево с облетевшей корой.

Игнат утробно вздохнул и, преодолевая боль в гудящих ногах, поплелся за остальными. Меньше всего ему хотелось остаться здесь одному, блуждая среди мутного марева и мертвецов. Мерзкая морось припустила с удвоенной силой, ледяная рубаха примокла к спине, в ичигах хлюпало, кишки примерзли к костям. Перед носом маячила спина Онисима, и Игнат устало подумал, что было бы здорово рубануть собрата-ватажника топором, вскрыть ребра и, поскуливая от удовольствия, засунуть руки по локоть в горячую, дымящуюся плоть, согревая окоченевшие пальцы. Он даже тихонечко застонал от томного предвкушения и тут же прогнал невесть откуда взявшуюся кошмарную мысль. Вот так и пропадают в тайге. Бесы начинают нашептывать всякое, и слабый верой поддается на уговор. Этих баек Игнат наслушался досыта по тобольским загаженным кабакам. О братьях, порезавших друг дружку из-за горстки золотого песка; о чужих голосах в голове; о бесконечном пути среди чащ, где от усталости и однообразия люди сходят с ума; об идолах, слепленных из кусков человеческих тел; о том, как впадают в безумие и приходят в себя среди трупов с куском человечины в зубах.

Из туманной взвеси донеслось монотонное бряканье. Бряк-бряк-бряк. Металлический звук расплывался в дымке, наполняя долину призрачным эхом. Бряк-бряк.

– Корова! – глупо хихикнул Степан.

– Чичас доглядим, – Угрим обнажил траченную ржавчиной саблю. Корова – это хорошо, подумал Игнат. Дикари божью скотину не держат, значит там свои, русские люди. Может, деревенька какая или монашеский скит, где можно обогреться и отдохнуть. Бренчание приближалось, выводя их вереницей слепцов из густеющей темноты. Дребезжание, вселяющее смутное беспокойство, приблизилось, и вместо коровы секущий розгами дождь выплюнул навстречу маленькую туземную девочку с плоским скуластым лицом. Она стояла возле горелой сосны в платье из оленьей шкуры, украшенном кожаными лентами и узором из бисера, и смотрела на приближающуюся ватагу без всякого страха, будто встретить в проклятой тайге страшных бородатых мужиков – дело обычное. Побренькивал медный колокольчик, зажатый в правой руке. Лево́й девчонка прижимала к груди подгнившую и изгрызенную человеческую ладонь. Ребенок улыбнулся, оскалив черные острые зубы. Тьфу, мерзость какая, скривился Игнат. Он видел такое и раньше, нехристи подпиливали бабенкам зубы, такая вот особенная сибирская красота, век бы ее не видать.

– Дите! – удивился Онисим. – Вот тебе на!

– Стоять, – коротко приказал Угрим и повысил тон: – Кто такая?

Девочка прислушалась, зашевелила губами, пробуя чужое слово на вкус, и залопотала по-своему.

– Говорит, потерялась, – перевела Акыс. – Где стойбище, не знает.

– Потерялась, ага, – сплюнул Лукьян. – Тут ни единой живой души верст на десять кругом.

– Бывает и такое, – возразил Степан. – У кумы в прошлом году сынок махонький в лесу заплутал. Думали, пошел волкам на прокорм, отпели раба божьего Дмитрия, новое дите решили строгать, а через седмицу привезли добрые люди мальчика живого и здорового, ну разве саться под себя стал и родичей первое время не узнавал. Так ушкандыбал, стервец, ажно до Чистых болот, хорошо охотники встретились.

Акыс что-то спросила, выслушала ответ и пояснила:

– С матерью-анки собирала хумасвэл, ягоду красную.

– И где мать? – спросил Угрим.

– Майпар задавил, – Акыс помедлила, подбирая русское слово, и, не найдя, изобразила косолапого, вставшего на дыбки. – Девочка убежать и спрятаться. Когда вернуться, мать мертвый совсем. Майпар сытый, выжрать потроха и уйти. Девочка три дня возле тела сидел.

– И чего девочка жрать? – нахмурился Угрим.

– А вона, рука, – подтвердила страшную догадку Акыс.

Мужики зачертыхались. Для туземцев человечину есть, что для русского хлеб. В голодные зимы от вымирающих стойбищ за версту тянуло духом мясным, и не дай Боже в булькающее на углях варево заглянуть. Еще в царствование Алексея Тишайшего казаки из отряда атамана Федора Усова угостились вогульской жратвой, нахваливали да радовались, пока на дне котла разваренную человеческую башку не нашли. Порубили казаки людоедов, а сами, вернувшись в Тобольск, заложили Крестовоздвиженский храм, грехи великие отмолить, ибо как сказано в Писании – человекоядцам в Царствие Небесное ходу нет.

– Тьфу, волчья сыть, – Угрим передернул плечами. – Вели бросить.

Акыс прикрикнула, девочка отшатнулась, насупилась, прижимая материну руку крепче к груди, и затараторила.

– Думает, хотите мясо отнять, – давясь кудхтающим смехом, перевела Акыс.

– Маленькая баба, а уже дура, – прогудел в бородищу Лукьян.

– Хай с ней, пусть жрет, – отмахнулся Угрим. – Как ее звать?

– Нун нама келне? – спросила Акыс.

– Энны, – девочка робко улыбнулась, смекнув, что огромные белые люди припас не сожрут.

– Энны, – передразнил Угрим. – Шас глянем, что ты за птица, Энны. Капитошка, спытай Божьим словом, вдруг тварь какая под видом дитя.

Монах опасливо приблизился на пару шагов и осенил ребенка крестным знаменем.

– Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Девчонку не свели жуткие корчи, на голове не выросли рога, и копыт тоже не было. Энны стояла, удивленно улыбаясь и хлопая узенькими глазами.

– Вроде живая, – пожал тощими плечами монах.

– Пушай с нами идет, – велел Угрим. – Деньгу за такую мелочь великую не дадут, но все ж таки прибыль. И кормить не надо, мамку доест.

Господи, дитем торговать, ужаснулся про себя Игнат. Хоть и язычница, а все одно грех. Маленькая вогулка напомнила погибшую дочь. Хотелось обнять кроху, угостить сладью какой. Игнат машинально коснулся блюда, спрятанного на груди. Если не заартачится атаман, выкупит девку Игнат. Хер с ней, с избой. Мать сгинула, так отец знамо мечется – ищет своих. Из шкуры Игнат вывернется, а дочку ему возвратит. Одно у них горе, Игнат той беды вдоволь хлебнул. Не приведи кому Бог.

Энны словно прочитала мысли и одарила Игната улыбкой. Сверкнули острые зубы. Он поспешно отвел глаза.

Угрим всмотрелся в окоченевшее солнце, почмокал губами и повел ватагу в распадок, заросший чахлой крушиной и лиственницами, уронившими побуревшие иголки на мох. В тумане зловеще стонало и выло. Может, ветер, а может, вогулы снова напали на след. Игнату было плевать. Он еле передвигал окоченевшие ноги, запинаясь о мелкие валуны. С пепельного неба хлопьями повалил густой мягкий снег с примесью ледяной крошки и капель дождя. Снег таял на размокшей земле и оседал на спинах, превращая людей в медленно бредущие бело-черные тени.

– Все, не могу, – охнул Яшка и мешком свалился в сырую траву возле гранитной скалы, раздвоенной на манер змеиного языка.

– Ног не чую, – заскулил Капитон.

– На берегу отдохнем, – упрямо мотнул головой Угрим. – Ты, Яшка, смотри, ждать не будем тебя.

– Я сейчас, сейчас, – заторопился Яшка. – Обождите, братья, скоренько я. Ношу облегшу, тяжело идти...

Он, безумно скалясь, распустил завязки узла, набитого деньгами и побрякушками вперемешку с золой. Капище грабили в потемках и впопыхах, пихая драгоценности и всякую грязь. Яшка набрал полные горсти, пропустил сквозь пальцы и, тихонько подвыв, стал выкидывать монеты с полустертыми ликами древних царей, золоченые серьги, перстни с камнями и ожерелья тонкой работы, оставляя себе угли и комья земли.

– Яшка, – позвал Степан. – Ты зачем?

Яшка мотал головой, словно не слышал, и пускал тягучие слюни, выбрасывая сокровища в тающий снег.

– Головенкою тронулся, – хмыкнул Лукьян. – Умишко на место встанет, будет скулить. Я ни копейки не дам, тут каждый всяк за себя.

Яшка отшвырнул последнюю монетку, сгреб грязное месиво в кучу, утрамбовал, завязал узел все с той же блудливо-довольной ухмылкой и встал, закинув груз на плечо.

– Все, все, готовый я. – Он, не оглядываясь, потопал в снеговую крупу.

– Тьфу, бесово семя, – сплюнул Угрим и погрозил пальцем Капитошке, бочком подбравшемуся к выброшенным деньгам. – Своего мало? Не тронь, пуп надорвешь.

Монах виновато затряс бороденкой и припустил следом за казаками. Игнат, проходя мимо кучки украшений, отвел глаза. Пошли за шерстью, вернемся стрижены... Он внезапно заволновался и ошупал серебряное блюдо, укрытое на груди. Фух, показалось. От одной мысли

потерять драгоценную ношу бросило в дрожь. Долину топили мутные сумерки. Истощенное солнце цеплялось за щербатые верхушки останцев, не в силах прорвать свинцовую пелену секущих ледяным крошевом и дождем облаков. Местность шла под уклон, попадались небольшие болотца и луговины с осокой и белокрыльником. За спинами изредка стонало и хлюпало, мерещились осторожные, вкрадчивые шаги. Обессиленный Игнат не мог повернуть головы и посмотреть, кто скрывается в полутьме. Он тайне надеялся, что появятся вогулы и прекратят мучения раз и навсегда. пытки уже не пугали, измученное тело перестало чувствовать боль. Порой казалось, он уже умер и бредет среди скал и тумана в компании присыпанных снегом, гнилых мертвецов. Живой казалась только стосковавшаяся по людям Энны, прыгающая вокруг соплеменниц и беспрестанно щебечущая на своем языке.

Густая темнота поднималась из мерзлой травы, обвивала колени длинными щупальцами, цепляла за ичиги и сапоги, мешая идти. Каменные откосы смыкались и разбегались, уводя сотнями узких отнорков и выщербленных, заваленных гнилыми деревьями ям. Атаман обогнул низкую выветренную гряду и застыл, все услышали безумный, клокочущий смех.

Игнат смахнул налипший на ресницы лед и почувствовал, как сердце сжалось в упругий комок. Над ними высился останец в виде змеиного языка.

– Это другая, – с затаенной надеждой просипел Капитон.

– Та самая. Видали? – Лукьян шагнул и носком сапога ковырнул кучку выброшенных Яшкой монет. – Бесы нас кружат.

– Пропадем, – едва слышно ухнул Онисим.

– Проклято шаманское золото, – Яков затрясся. – Кто взял с капища монеточку малую, будет вечно блуждать среди краденого золота, умертвий и древних костей.

– Хайло прикрой, – огрызнулся Угрим. Тон атамана скрывал затаившийся страх. – Али никто в тайге не блудил? От усталости то. А вы: бесы, бесы... Где Угрим Перепойца прошел, там бесов нет. Заночуем, а утром разведрится, выйдем к реке. Мое слово крепко!

– Здесь живет злой дух Куль-Отыр! – взвизгнула Акыс. – Не дает нам уйти, требует кровавую дань.

– Чего мелешь, чертова баба? – вспыхнул Угрим.

– Ты сюда завел нас, Угрим, – обронил в морозную пустоту Лукьян. – С тебя и спрос.

– Ты, что ли, спросишь? – Лицо атамана хищно заострилось в подступающей темноте. Снег прекратился, пар от дыхания вырывался клубами и повисал в выставшем воздухе.

– А если и я? – Лукьян смотрел под ноги.

Обнаженные клинки лязгнули одновременно. Игнат отступил, не желая попасть меж огней. Где казаки дерутся, мужику делать нечего... Угрим и Лукьян сходились по широкому кругу.

– А меня Марфа с дочками ждут. – Спокойный голос заставил всех обернуться. Обнаженный по пояс Степан стоял к ним спиной, чуть покачиваясь на леденящем ветру. Скомканный зипун и рубаха валялись в мокрой траве. – Три дочки у нас. Сыночка хотели, а Марфа как крольчиха заладила девок рожать. Пряма душу вынула всю. Три дочки-то с Марфой у нас.

Ватажники онемели, Угрим с Лукьяном забыли о мимолетной вражде. Несущий околе-сицу Степан казался нереальным в мрачной долине, забитой падалью и костями.

– Любят меня доченьки. – Худые плечи Степана тряслись. – А я их больше жизни люблю. Только из-за них в поход и ушел. Вернусь, поведу всех на торг, бусов накуплю, платья разного, жене шубу справлю. Заживем, а там, глядишь, и сыночка родим...

От Степана веяло уютом, спокойствием и домашним теплом. Его слушали, боясь развеять мимолетное очарование внезапно открывшейся мужицкой души. Игнату вспомнилась полюбовница Ольга, статная, румяная, теплая, пахнущая хлебом и парным молоком.

– Михайлой сынка наречем, в дедову честь... – Степан повернулся, бережно придерживая всаженный в брюхо клинок. Лицо украшала счастливая маска. Он, улыбаясь, повел ножом,

вспарывая живот. Плоть разошлась ломтем белого подкожного жира, на пальцы плеснула черная в сумерках кровь. Хлопнуло. Степан запустил руку в рану и, покопавшись, вытащил серо-розовую кишку.

– Иду я, девоньки мои ненаглядные, иду, встречайте отца, – Степан покачнулся и упал, ломая заиндеветавшие от мороза кусты. Ноги рыли мох и снежную кашу, руки вцепились в траву.

Люди застыли, и только Энны хлопала в ладоши, пританцовывая вокруг мертвеца. Игнат выдохнул. Смерти он видел и раньше, но чтобы так... Самоубивец! Нет ничего противнее Господу, чем себя жизни лишиться. Не бывает в пекло дороги прямой. Он шарахнулся от подергивающегося тела, боясь испачкаться в смертном грехе.

Жуткий, лающий смех заставил всех обернуться. Яшка сидел в грязи и хохотал, пуская в бороду пенистую слюну.

– Я... я тут подумал, – Яшка поперхнулся и, оборвав глупый смех, веско сказал: – Дураки мы, чистые дураки. Радовались, дескать, от вогулов ушли, хрена им лысого показали, как же, ага. Нехристи могли нас еще у капища теплыми взять, а не взяли, принялись по тайге мотать, как лисы курей, нужной тропкой вели. А потом отстали. Чуете?

– Загнали нас, суки, сюда! – ахнул Лукьян. – Нечистому на поживу.

Игнат похолодел. И правда загнали, сходится все. Знали нехристи, долина эта проклятая, любой пытки страшней.

– А нам теперь разницы нет, выход надо искать! Чего лыбишься, дрянь? – Угрим отвесил затрепину веселящейся без меры Энны. Девчонка опрокинулась наземь, тут же вскочила на упругие ноги и разъяренной лаской вцепилась атаману зубами в бедро.

– Тварь, – Угрим, не изменившись в лице, оторвал ребенка, тряхнул за шкуру и отшвырнул. – Еще раз укусишь – убью.

Энны шмякнулась, перекатилась через себя и отползла в подступившую темноту. Степан затих и обмяк. Натекшая багровая лужа дымилась на морозном ветру.

– Я говорила, я предупреждала! – взывала Акыс. – Куль-Отыр наказывает за разоренное святилище. Если не задобрить злого духа, будет беда! Погибель, погибель!

– Поганые сказки, – отмахнулся Угрим, подхватил пригоршню тающего снега и затер укус на ноге. – Мы православные, в Христа Спасителя веруем, нам твой Одыр иметый, что собаке репей.

– Нету здесь Христа, разве не видите? – Капитон шлепнулся задом в размякшую грязь и обнял острые коленки. Монаха трясло. Сопли и слюны нитями повисли на бороде. – Мы пришли за золотом и землей, а Бог остался там, позади, нечего ему делать среди бесовских лесов и болот. Баба дело говорит, атаман, – откупиться надо, кровью и мясом, только так спасение обречем.

– Даже черный человек согласен с Акыс! – вогулка победно воздела кривой палец. – Накормим Куль-Отыра, Акыс помнит древние слова, Акыс не забыла! Акыс слышала, как камлает шаман, когда приходит большая беда и жертвенная кровь льется в огонь! – Она резко повернулась к пленницам. – Вскроем глотки айлат!

Игнат охнул. Вогулка предлагала страшное. От одной мысли о человеческой жертве бросило в жар. Может, и прав Капитошка, нету тут Бога, но разве значит это, что заповеди отныне писаны не для них?

– Язычникам уподобиться? – нахмурился Онисим. – Черту душу продать?

– Хай с ними, с бабами, – Лукьян уставился на вогулок с нехорошим прищуром. – Как на капище резали, ты не особо-то возражал.

– Там другое, – смутился Онисим.

– Все одно грех, – возразил Лукьян. – Одним больше, одним меньше. Я, как Степка, не хочу из себя кишки по живому тянуть. Задобрим демона, а там поглядим.

– Делайте, – велел Угрим.

– Огонь нужен, огонь! – засутилась Акыс.

Ватага разбежалась, стаскивая валежник и поваленные ветром стволы. Игната оставили охранять пленниц. Бабы ничего не понимали, но заметно радовались, видя костер. «Прости, Господи», – Игнат поднял к пепельному небу глаза. В суете можно было попытаться освободить женщин. Если не совсем дуры – сбегут. Но тогда на корм бесам пойдет сам Игнат. Прости, Господи, если сможешь, прости.

Зыбкие сумерки сменились непроглядной, гробовой темнотой. Зацокало кресало. Игната всегда удивляла способность сибирцев добыть огонь даже из насквозь отсыревших гнилух. Хищно заострившееся лицо Акыс подсветили слабые отблески. Трепещущий огонек лизнул скрученный комок бересты и пыхнул дымком. Вогулка наклонилась и тихонько подула, закрывая ладонями оранжевый язычок. Пламя занялось, пожирая тонкие еловые веточки, и вдруг вспыхнуло, отбросив сгустившуюся тьму на пару шагов. Весело затрещали дрова. Игнат будто впервые увидел лица товарищей. Люди осунулись, постарели, в запавших глазах поселились ужас и мрак. А еще надежда. Надежда, что четыре жизни выкупят жизнь остальным. Энны ползала рядом с мертвым Степаном. Акыс пустилась в пляс вокруг пламени, высоко подкидывая кривые ноги, хлопая в ладоши и монотонно подвывая. Слова были чужие и страшные, пахнущие свернувшейся кровью и плесенью.

Вогульские бабы зашептались и вдруг, одна за другой, повалились на колени в траву. Их тихие голоса вторили исступленному вою Акыс. «Сами отдают себя бесам», – мысленно ужаснулся Игнат. По знаку Акыс Лукьян вытащил нож и перерезал первой вогулке тонкую шею. Черная кровь хлынула в жадное пламя. Лукьян вскрывал глотки деловито и без суеты, словно скотину на Рождество забивал. Женщины встречали смерть с тупой обреченностью. Тела корчились и извивались возле костра. В круг света вступила удивленно хлопающая глазами Энны. Мордаха девочки была испачкана красным. Последняя вогулка засипела перерезанным горлом и ткнулась в огонь. К железному запаху крови примешался тошнотворный аромат псины и сгоревших волос.

Лукьян, расхристанный, залитый человеческой кровью, шагнул к ребенку и прохрипел:

– Чем больше бесам скормим, тем лучше.

– Не трогай дите, – Игнат встал на пути, прикрыв девчонку собой.

– А то что? – в глазах Лукьяна мелькнула заинтересованность.

– Узнаешь, – буркнул Игнат, стараясь быть спокойным и веским. Но голос дрожал.

– Вот я и говорю, чем больше, тем лучше, – Лукьян, страшный, лохматый, с безумной ухмылкой, перешагнул сучащий ногами труп.

Липкое топорище скользило в руках, Игнат часто, с присвистом, задышал. Против казака не сдвинуть, как ни крути. Краем глаза он уловил движение, мозглая пелена колыхнулась, из чернильного облака выскочила гибкая тень и сшибла Лукьяна в жадно открывшуюся хищную темноту. Игнат успел рассмотреть гладкую шкуру и пучки длинной, выщейся бахромы. Вторая тень молнией сбила с ног тоненько взвизгнувшую Акыс. Истошный крик резанул по ушам, костер вспыхнул, метнув в небо пригоршню вертявых оранжевых искр. Кто-то бегущий едва не опрокинул Игната, мелькнуло перекошенное страхом лицо. Игнат узнал Онисима, и в следующую миг могучая грудь казака лопнула изнутри, ребра вышли наружу, в ране копошилось и извивалось нечто живое, похожее на клубок пупырчатых змей. Слева зашуршало, защелкало, Игнат заорал, махнул топором не глядя, угодив в мягкое. Щелканье сменилось угрожающим клекотом. Игнат отпрыгнул и едва не упал, споткнувшись о труп вогульской бабы. Сука, накормили бесов, порванный рот! Он прижался спиной к костру, пламя гудело и фыркало, вокруг мелькали черные тени, вопили люди. Тело Онисима дернулось и рывком уползло в темноту. В круг света выволоклась приземистая, костлявая тварь на ломаных паучьих ногах. Раздутое волосатое брюхо прижалось к земле, на плоской морде хлюпала безгубая пасть, прикры-

тая щупальцами с мелкими крючьями. Тварюга издала низкий, kloкочущий стон, пустив ртом тягучую слизь, на кожистом боку гноем хлопала свежая рана.

– Ну подходи, – Игнат тяжело вздохнул. Страха не было. Смысл бояться, если Ад уже пришел за тобой?

Чудище резко дернулось, Игнат подставил топор, но немыслимо быстрая тварь, обманув, прыгнула в сторону. Резанула слепящая боль, в правую ногу вонзился длинный выющийся шип, выскочивший из месива щупалец. Тварь отпрыгнула, вытащив жало. Игнат упал на спину, перед глазами повисла мутная пелена. Чудище приближалось враскачку, роняя капли ядовитой слюны. «Вот и все, – подумал он. – Паскудно-то как...»

И тут Игнат увидел Энны. Девочка метнулась навстречу страшилищу, сжимая тонкий прут в руке. Игнат попытался заорать, отогнать ребенка, но вместо слов из горла сочился сдавленный хрип, руки налились тяжестью, он не чувствовал пальцев. Энны затараторила не по-вогульски, а на совершенно незнакомом, скрежещущем языке и легонько стегнула тварюгу прутом. Такая строгая, такая серьезная. Маленькая девочка и кошмарный, перебирающий лапами уродливый зверь. Игнат сипел, не веря глазам. Тварь сжалась от страха, попятилась виноватой собакой, неуклюже развернулась и скакнула во тьму. Энны счастливо рассмеялась. К Игнату вернулся голос, и он завыл от боли и ужаса. В пораненную ногу тоненькой струйкой лился раскаленный свинец, тело ниже пояса отнялось.

Энны подбежала, сжимая ржавый иззубренный нож, под лезвием затрещали штаны, Игнат бился в припадке и надсадно ревел, теряя сознание. Он уже не видел, как девочка надрезала края багровой вздувшейся опухоли, высосала и сглотнула пахнущий падалью яд, облила пальцы, а потом баюкала обмякшее тело у догорающего костра, приговаривая: «Ачи, ачи. Ма ачем коньчча йэх».

Игнат очнулся и замычал, сдирая с лица маску из застывшей крови, слюны и соплей. В обморочном забытии остались мертвые вогульские бабы, хлопающие вскрытыми глотками, чудища и слепящая боль. Тусклый свет нещадно резал глаза, по осклизшему небу ободранными собачьими шкурами плыли рваные облака. Он шевельнулся, затрещала одежда, покрытая тоненькой корочкой льда. Игнат лежал в остывшем кострище среди пепла и обугленных дров. Сам заполз или кто подмогнул? Двузубый останец навис над головой, молчаливый и страшный. По долине стелился бледный туман. Игнат огляделся. Вокруг ни единой души, только мертвые елки и растресканный камень. Тела пропали. А Игната не тронули... Ах да, Энны спасла...

Валялись узлы с добром, обрывки одежды, сломанная пицаль, чей-то сапог. Топора не было. Игнат увидел в траве кривой ржавый нож, подгреб поближе и сунул за пазуху. С оружием стало спокойней. Раненая нога задергалась, напоминая о себе. Игнат разорвал слипшуюся штанину и охнул, голова закружилась при виде гнилого зеленого мяса. Бедро распухло до колена, из дыры, оставленной жалом, сочилась вязкая желтая дрянь, пахнущая смертью и разложением. Игнат ткнул пальцем как в тесто, на коже осталась белая, плохо затягивающаяся впадинка. Твою в душу мать! Лекарь нужен, а где его взять?

Послышались тихие звуки, вроде бы разговор. Игнат подполз на голос и заглянул в мелкий овражек. Внизу, на плоском валуне, сидела Энны, мило беседуя с отрезанной головой. Волосы, слипшиеся в крови, закрывали лицо, но Игнат сразу опознал в искаженных чертах Утрима Перепойцу. Отмучился атаман. Энны отчитывала голову, грозя пальцем и картинно надувая щеки. Со стороны казалось – двое ругаются. Девочка недоуменно вскинула брови и, поднеся голову к уху, прислушалась. Безмолвный ответ мертвеца ей не понравился, она вспыхнула, закричала и швырнула голову прочь. Игнат при виде этой игры прищелкнул зубами. Энны тут же повернулась, на личике вспыхнула радостная улыбка.

– Ачи! – Она вихрем взлетела по склону и бросилась Игнату на грудь.

– Ну тихо-тихо, задавишь. – Игнат неумело гладил ребенка по голове. Энны выгнула шею и замурлыкала ласковой кошкой. Потом резко отстранилась и указала на небо.

– Катэл тэльэмтэх. Катэл.

– Не понимаю, – слабо улыбнулся Игнат.

Энны недовольно сморщилась, ткнула пальчиком в потухший костер, снова в небо и зачастила:

– Катэл тэльмэнтэх. Тувет чуты копэл. Нэвинтэх, нэвихэ йэх.

– Ты по-человечьи давай, – попросил, чуть не плача, Игнат.

Энны тяжело охнула, отбежала на пару шагов, показала в глубь залитой туманом долины и поманила жестом.

– За тобой идти? – догадался Игнат, с трудом встал, опираясь на руки, и тут же упал. Раненая нога подкосилась, пронзенная режущей болью. Энны сердито насупилась.

– Иду я. – Игнат утер пот со лба и пополз. Было невыносимо страшно остаться здесь одному. А еще она спасла ему жизнь. Энны кивнула, одарив жуткой улыбкой, и убежала вперед. Через мгновение остановилась, хлопнула ладошкой по лбу и вприпрыжку пробежала обратно, исчезнув в овражке. Вернулась довольная, таща за волосы Угримову голову. Помирились, видать...

Малейшее движение отдавалось вспышками боли, Игнат цеплялся за лохмотья увядшей травы, рывками подтягивая отяжелевшее тело. Раненая нога волочилась куском отмершей плоти. Энны то возвращалась, то убегала, теряясь в тумане, и тогда Игнат полз на замогильноебряканье медного колокольчика. Иногда она поджидала его, тихонько беседуя с отрезанной головой. Марево отслоилось от земли, зависнув тающей дымчатой полосой. Тошнотворное хныканье за спиной он слышал, съехав на брюхе в узкую ложбинку, захламленную булыжниками и сушняком. Игнат бросил взгляд за плечо и почувствовал, как волосы на затылке зашевелились. На склоне маячил Степан, растянув кишки из распоротого живота на пару сажен. Оживший мертвец разевал рот, вместо слов выгалькивая хрипы и вой. Скрюченная рука тянулась к Игнату. Игнат запаниковал и пополз как можно быстрее. Мертвяк волокся по следу неспешно, хромя и путаясь в потрохах. Игната колотило, сердце прыгало. Он ободрал колени до мяса, а когда обернулся, мертвец стоял на четвереньках, жадно слизывая с камней теплую кровь. Игнат всхлипнул, мысль пришла ясная: «Вот оно, наказание для самоубийцы. Лишил Степан себя жизни, и вона какую Бог с ним шутку сыграл».

Забренчал колокольчик, вернулась Энны, обратив внимания на мертвяка не больше, чем на заросший поганками пенек.

– Нун энтэ потло? – спросила девочка и, не дожидаясь ответа, энергичными жестами призвала Игната поторопиться.

Так дальше и шли. Энны прыгала впереди, ныряла в распадки и тренькала колокольчиком, изредка пререкаясь с отрезанной головой. Игнат полз, преодолевая слабость и боль, весь взмокший, млелый от жара. Мертвяк волочился позади как привязанный, заплетаясь ногами и тоскливо подвывая, не приближался, но и не отставал. Порой замирал и пялился в одну точку, пуская багровые слюни, вздрагивал балаганным Петрушкой и продолжал плестись, путаясь в потрохах.

Останцы измельчали и приникли к земле, над чахлым лесом вздыбились три островерхие горы. Ладонь коснулась гладкого, Игнат выполз на ровную площадку, вымощенную отполированными гранитными плитами. Дальний край площадки разрушился, плиты отрывались и сползали в глинистый лог. Посередке дыбился постамент с едва различимыми угловатыми письменами. От камней веяло тленом и стариной. Игнат особо не удивился. Ну камни и камни, пшик по сравнению с чудищами и плетущимся следом живым мертвяком. Не русскими построено – точно, но и не вогулами, те в шатрах из шкур – ерихотках – живут да в низеньких избушках, крытых палками и берестой. У них и печек-то нет, а тут такие глыбы нарезаны. В Библии

писано, будто где-то в Сибири сокрыто царство Гога и Магога, вот оно, наверно, и есть. Должна отсюда пойти гибель христианскому миру, а видать, ошиблись монахи, остались от окаянного царства каменюки одни.

Колокольчик задрезжал призывно и требовательно. Игнат отдышался, перевел дух и пополз, успев оглянуться. Степан наступил на выпущенные кишки, упал и неуклюже ворочался, похожий на большого жука. Плиты закончились, Игнат перевалился через ручей, вдоволь напившись ледяной, выламывающей зубы воды и умыл окровавленное, покрытое грязной коркой лицо. В голове прояснилось, боль отступила. Он пластался по окоченевшей долине, потеряв счет времени и пройденному пути. Все чаще встречались признаки кипевшей некогда жизни: выпирали из земли остатки огромных руин, сложенных из тесаных валунов, зубьями торчали остовы башен, выше деревьев взметались стены, во мху вповалку лежали резные колонны, горами валялись гранитные шары в человеческий рост, с оплывших курганов скалились каменные бесы, наполовину вросшие в землю. Туман лип к развалинам, укутывая прозрачной шалью и вливаясь в мертвые черные окна.

До гор осталось чуть, и только тут Игнат понял – никакие это не горы. В пепельно-сизое небо вознеслись три ступенчатые пирамиды, высотой каждая в добрую сотню сажен, заросшие деревьями и кустами, увитые корнями и пожухлой травой. К горлу подступила кислая тошнота. Пирамиды внушали неясный, бессознательный страх. И самое страшное, Энны вела его прямо туда. Колокольчик мерячил, увлекая Игната в самое сердце непроницаемой тьмы. И он пополз мотыльком на палящий огонь, не боясь ни смерти, ни мук. Степан умер, а может, и Игнат умер той ночью, и теперь они шли дорогами мертвых в кипящий смолой и дымным варевом Ад...

Громада земли и камня вознеслась над головой, скрывая облезлое солнце. Энны козленком заскакала вверх по широкой каменной лестнице. Игнат собрался с силами, одолел первую ступеньку, потом вторую, сердце забило о ребра, задышал с кашлем, думал, тут и останется, ан нет, полз в забытие, подтягивая онемевшее тело и цепляясь за глубокие трещины и корни завитых узлами, уродливых пихт. Остановился передохнуть, навалившись грудью на ступени, и оглянулся. Степан дерганой куклой метался у подножия и надрывно скулил потерявшим мамку несчастным щенком. Осилить лестницу ноги не поднимались или не хватало мертвых мозгов. Игнату стало немного жаль мертвяка, какая-никакая, а компания все ж. Он упрямо волочился по крошащимся ступеням, смаргивая с глаз багровую пелену и пришептывая:

– Эх раз, эх два,

Голова бедовая...

Дважды едва не сорвался, и, когда уже казалось, что конца и краю проклятой лестнице нет, ступени кончились, он набитым костями мешком вывалился на площадку, жадно раскрывшую черную пасть хода вглубь пирамиды. Колокольчик Энны бренькал где-то внутри. Игнат перевалился на спину, с высоты открылся ошеломляющий вид на долину: останцы, плывущие в мареве, скальные осыпи и бесконечные перелески, уходящие за край земли. Правее, верстах в трех, проглядывалась спокойная гладь Иртыша. Вот и пришел...

Арка входа высотой достигала саженей пяти, внутри, насколько хватало глаз, проглядывал каменный пол и стены, покрытые искусной резьбой. Пахло вскрытым склепом и кровью. Терять было нечего, и Игнат окунулся в сдавившую голову темноту. Пол был склизкий и влажный, звон колокольчика обморочным эхом приходил из стылой, неприветливой глубины. Он боялся, что окажется в непроницаемом мраке, но в коридоре царила сизая полутьма. Запах смерти и разложения усилился, под руками трещали сухие ветки, а может, кости еще одного ползуна. Стены вдруг разошлись. Огромный зал не имел ни конца, ни краев. Свет мелкой поволокой сеялся в воздухе, превращая крошечный мрак в зернистую тьму, полную тлена и жидких теней. Шагах в десяти он увидел Энны. Рядом покачивались два кожистых кокона. Игнат зашепел, заелозил по полу бесхребетным червем и застыл у ног девочки. Над ребенком парила размытая фигура, сотканная из крошечного мрака, плесени и древних костей. Сту-

сток первородной тьмы, увенчанный покрытой наростами головой. Ни рогов, ни копыт, но сам Сатана. От фигуры шла волна злобы и властолюбия, хотелось свалиться ниц, внимать каждому слову и выполнять любой, самый безумный приказ. Хозяин, не терпящий неподчинения. Владыка, дарующий по своей прихоти жизнь или смерть.

Фигура подернулась рябью, коконы лопнули с противным чавканьем, и на пол вывалились человеческие тела. В скорченных, хныкающих людях Игнат опознал монаха Капитошку и суку Акыс. Ого! Значит, не один Игнат остался живой!

Акыс пришла в себя, суча ногами и частя одновременно по-русски и по-вогульски. Игнату показалось, будто черная фигура прислушалась. Хлюпнуло, тварь раскрылась от головы до самого низа огромной пастью, полной острых, хищных зубов. Внутри пульсировала багрово-зеленая плоть и сотни, тысячи тоненьких волосков. Пасть схватила визжащую Акыс и захлопнулась. Крики и визг приглушились, было видно, как Акыс, постепенно затихая, бьется внутри. Капитошка жалобно хныкал, пытаясь уползти в смрадную темноту. Тварь тихонько подергивалась, снова хлюпнуло, пасть распахнулась, сплюнув кучу изляпанных слизью костей. Череп подкатился к Игнату, зияя посередине лба круглой дырой. Игната повело, к горлу подступил рвотный комок. Сблевать не успел, из тьмы выполз ком рыхлых щупалец с ртами-присосками на концах. Одно метнулось к Капитошке, второе, причмокнув, впечаталось Игнату в макушку. Голову пронзила резкая боль, руки и ноги отнялись, боль сменилась покалыванием, глаза закатились, и Игнат утонул в расплывчатых грезах, увидев мир, залитый ослепительным солнцем, каменистую равнину, покрытую невиданными растениями, благоухающими цветами и деревьями, настолько высокими, что, казалось, они стремятся под облака. На равнине копошились мириады изможденных голых людей с пустыми глазами: мужчин, женщин, детей, занятых строительством под присмотром мерзких чудовищ, застывших на тоненьких суставчатых лапах. Люди высекали каменные блоки, волокли их к скальной основе и по насыпям поднимали наверх, складывая ряды. Камень к камню, блок к блоку, выше и выше. Чудовища казались заснувшими, но стоило человеку упасть от усталости или замедлиться, твари набрасывались и разрывали в куски. Вновь застывали, а обезумевшие люди горстями подхватывали кровавую жижу, запихивая в голодные рты. Они строили пирамиды, внутри одной из которых находился Игнат. А потом он увидел сокрытую под пирамидами первозданную тьму и кошмарных чудовищ, истинных хозяев этой земли. Богомерзких тварей, кучи гниющей плоти, покрытые пастьями, слепыми глазами и извивающимися отростками. Игнат услышал их похотливые мысли, полные жажды власти и крови. Они хотели вырваться из темницы, неся хаос и смерть. Он увидел завершение строительства – прекрасные и жуткие пирамиды в багровых отсветах заходящего солнца. Солнце багровело от пролитой крови, стекающей по проложенным в недра земли желобам. Людей тысячами приносили в жертву темным богам, наваливая груды истерзанных тел. Шло время, на смену вечному лету пришла убийственная зима. Край обезлюдел, пирамиды пришли в запустение, чудища впали в беспокойные сны.

Видение исчезло, сменившись пахнущей дохлятиной темнотой. Бесплотный голос пришел издалека, зловонный шепот заполнил голову:

– Странная женщина подарила нам новый, неслыханный прежде язык. Ты все видел, человек. Когда-то мы правили миром, нас боялись, нам поклонялись, мы становились могущественней и сильнее. Тебе повезло, ты будешь избран. Сотни тысяч лет нас окружали жалкие дикари, мы думали, все вокруг обратилось в пепел и прах, но в твоём разуме мы увидели людей, большие города, много еды и рабов. Ты принес хорошие вести, человек, и послужишь нам службу. Ты возьмешь Похожую на Дитя и вернешься к себе. Она не знает вашего мира. Ты станешь глазами Владык, а Похожая на Дитя передаст увиденное нам. Владыки вернутся, и ты получишь награду, самое сокровенное желание будет исполнено. Хочешь славы и золота? А может, вернуть погибшую дочь? Тебе выбирать. Но вас двое, а нам нужен только один, тот, кого коснется милость Владык.

Щупальце с чавканьем отделилось от головы, и Игнат забился на полу, ломая ногти о камень и харкая кровью. «Анфису, Анфису вернуть... – раненой птицей билась потаенная мысль. – Анфиса...»

– Я теперь знаю твой язык, отец. – Энны присела рядом, положив крохотную ладошку на грудь.

Игнат хрипел.

– Послушай Владык, отец, – вкрадчивый голос Энны убаюкивал и чаровал. – Твой мир станет лучше, исчезнут зависть и злость. Все будут служить. И у каждого отца будет дочка, которая никогда не умрет.

Плоское, некрасивое лицо девочки незаметно менялось, приобретая Анфисины черты.

– Дочка, доченька... – Игнат разрыдался, чувствуя на губах мокрую соль. Рядом зашевелился, приходя в себя, беглый монах. Капитошка по-собачьи затряс головой, разбрызгивая тягучие слюни, вытянул руку к молчаливой черной фигуре и простонал:

– Ваш я, ваш, берите меня...

– Кто-то один, отец, – напомнила Энны.

Игнат кинулся на монаха и подмял его под себя. Капитошка бился и вопил:

– Я, я, меня...

– Тебя, – выдохнул Игнат и вонзил в брюхо монаха ржавый клинок. Капитон охнул и разом обмяк, присмирел. Игнат навалился всем телом, рассекая мягкую плоть от пупка до груди, пока нож не клацнул о ребра. Вот оно обернулось-то как...

Мертвые, стекленеющие глаза Капитона смотрели удивленно и укоризненно. Под веком застыла слеза. Они оба плакали, и каждый сам о себе.

– Ты сделал правильный выбор, отец, – ворковала Энны. – Теперь ты станешь глазами Владык.

Игнат подавился безумным смешком. Перед ним вставали образы дочери и жены, родителей и сестер, людей, помогавших ему выжить на долгом пути. Добрые слова и последний кусок хлеба, поделенный напополам. Неужели его глазами твари будут смотреть на добрых людей? Рука с окровавленным ножом поползла к горлу, кожа натянулась под лезвием, но вспороть жилы он не успел. Позади тоскливо зануло, мимо проковылял все ж таки осиливший ступеньки Степан и, свалившись на Капитона, принялся лакать теплую кровь. «Самоубийство – грех», – сквозь багровую дымку вспомнил Игнат. Он видел Ад. В нем не было чертей и котлов, лишь темнота и одиночество, наедине с кошмарами и собственной памятью.

– Хер вам, – просипел Игнат. Лезвие дрожало и прыгало. Боль хлестнула кнутом, свет задергался и померк. Игнат, охая и рыча, вырезал себе оба глаза, завалился на бок, подтянул ноги, свернулся клубком и заскулил, размазывая по щекам липкие слизистые комки.

– Отец, отец! – Сверху коршуном упала Энны. – Что ты наделал, отец!

Она положила его окровавленную голову на колени и замерла, прислушиваясь к сгустившейся темноте. Тонкий рот исказился улыбкой, блеснули острые зубы. Энны наклонилась и поцеловала Игната в губы. Он замычал, приходя в себя. Новая боль оказалась слабей, с привкусом мороженой брусники и нагретого в ладонях свинца. Энны отдернулась и сплюнула выкушенный язык.

– Я буду твоими глазами, отец, а твой разум объяснит мне увиденное. Ты и я, вместе и навсегда, как ты мечтал. – Она отстранилась, платье из шкуры разошлось, выпуская длинный влажный отросток с беззубой пастью на самом конце. Щупальце зашарило по полу, нашло Игната, скользнуло под одежду, выбрало нужное место и вцепилось в хребет. Игнат погрузился в теплое зловонное забытие. Ему предстояла дорога домой.

Юлия Лихачёва

Аномалия

– А год-то будет яблочным, – заметил Потапыч, с прищуром глядя на яблони.

Я даже не поднял головы, прекрасно помня, как выглядит его сад. Ветви всех деревьев как горохом обсыпаны пока еще мелкими зелеными яблочками. Сомнительное счастье по нашим временам. Куда он их денет, всю эту прорву, что созреет в саду к концу лета? Соседям не раздашь – у всех яблони. Лет пять назад Потапыч, ушлый старикан, договорился с какими-то городскими, те к нему на машине за урожаем приезжали. Загрузят полный багажник, побалакают не по-нашему, деньги Потапычу сунут и уедут. Сейчас времена не те уже. Отъездили сюда городские. Можно, конечно, на кордоне обменять яблоки на мелочь какую-нибудь, да старик не в тех годах, чтобы грузеным пять километров топать.

– Вина наделаю, – с предвкушением крикнул Потапыч, прикинув, что сделать с будущим урожаем.

Я усмехнулся. Вот ведь мечтатель старый! Опрокинул в бочку последнее ведро воды и, зачерпнув оттуда ладонью, плеснул себе в лицо. Ну и духотища, мать ее ети! Я невольно взглянул на небо, пышущее послеполуденным зноем. Пусто. Ни облачка. Дождя бы хорошего! Тогда не пришлось бы вечером поливать и снова набирать воду из колодца в большие бочки.

– Умаялся, поди, – посочувствовал Потапыч. – Присядь-ко!

Он похлопал мозолистой ладонью по ступенькам крыльца, на котором прохлаждался сам, и я с удовольствием принял его предложение. Тень тут же окутала меня прохладой. Даже голова слегка закружилась от такой приятной неожиданности. Я вытащил из кармана брюк смятую пачку сигарет, закурил одну.

– Хороший табачок, – потянул носом Потапыч. – С кордона? Угостишь, может?

Я протянул ему пачку. Что с тебя взять-то, пройдоха старый? Потапыч выращивал для себя самосад, но настолько забористый, что курить его осмелился бы только смертник, не боящийся выкашлять к черту свои легкие вместе с горьким дымом.

– Что, работяги? Задницы прохлаждаете? – раздалось со стороны забора.

Я оглянулся, сразу признав по голосу Пашку Силантьева. Тот, ухмыляясь, шел к нам вразвалочку по дорожке. Судя по довольной физиономии, на кордоне был, дела обстригал. Поздоровались, как полагается, Пашка пристроил свой зад рядом на ступеньках крыльца. Потапыч покосился на него и в своей ехидной манере спросил:

– А что, Пашка, справил бы ты мне транспорт навроде твоего?

Старик неопределенно махнул рукой в сторону зарослей сирени у калитки, за которыми на дороге Пашка оставил свой велосипед, собранный из нескольких сломанных, на трех колесах и с вместительным прицепом. Пашка возил в нем товар на кордон и привозил оттуда всякую всячину. Теперь это был единственный транспорт в наших краях.

– На куда он тебе? – хмыкнул Пашка на просьбу Потапыча. – С твоими коленями далеко не уедешь.

– И то верно, – согласился тот. – Был Потапыч да весь вышел... А ты, значит, на кордон мотался? Чем там обьизьянился, сказывай давай!

– Да так, по мелочи. – Силантьев даже не пытался скрыть разочарование. – Муки два мешка, мешок сахару. Да Дениске твоему горсть конфет, как просил. На зайчатине да зайцевых шкурах много не наторгуешь.

Он полез в карман жилета, извлек оттуда пригоршню леденцов в ярких фантиках, пересыпал их в ладони старика, после чего конфеты перекочевали в карман выдавшего виды пиджака Потапыча. Дениска, мальчонка восьми лет, жил со стариком уже третий год. Он был из пришлых, прижился у Потапыча да так и остался, скрашивая его одиночество.

– На охоту надо бы, – произнес Пашка и покосился на меня в ожидании, но, не дождавшись реакции, продолжил: – У тебя как с патронами, Мишка? Есть еще?

– Есть пока, – ответил я нехотя.

Не улыбалась мне перспектива подаваться в местные леса, хотя я прекрасно понимал, что рано или поздно придется. Это раньше на охоту я в удовольствие ходил, а теперь всякий раз думаешь: как оно там повернется? Вернуться бы живым, а уж добыть дичь – везение. Вот ведь парадокс: зверья в последнее время в лесу развелось немерено! Зайцы – те сами непугаными идиотами на огороды лезут, поэтому зайчатина у наших – первое мясное блюдо на столе. А за крупной дичью надо поохотиться. Лося или кабана поленом по башке не огреешь. Зато лосятину и кабанятину на кордоне можно на что угодно обменять. Хоть на патроны, хоть на водку, хоть на солярку. В нашем с Пашкой занятии первые – ценнее всего получаются.

– Так что, – Пашка легонько поддел меня локтем, – соберемся пострелять в ближайшие дни?

– Соберемся. Зови своих, вешняковских.

Деревеньки наши стояли по обе стороны Гнилого леса. С одной стороны – Вешняки, где жил Пашка Силантьев, с другой наша – Малая Горка. Вот в тот самый Гнилой лес, что рос в низине между нашими деревеньками, мы и наведывались за зверьем. Лес был сырой, болотистый, но богатый дичью. Да только в последние два года там все больше чудики попадались, а не нормальный зверь. А с чудиком, если нарваться, как повезет. Можешь и вовсе из леса не вернуться. Потому мы по одному больше в лес не ходим. В Малой Горке только я из охотников остался, в Вешняках с Пашкой – трое.

– Хорошо с вами сидеть, мужики. – Пашка хлопнул себя по коленкам. – Но надо до дома ехать. Мои, поди, заждались уже.

Он нехотя поднялся, собираясь шагнуть из спасительной тени в послеполуденное пекло.

– А ты в Вешняки через Гнилой лес, поди, собрался? – осведомился Потапыч, подслеповато шурясь на небо.

– А то! Так ведь ближе, чем в объезд. Да и спокойно там в последние месяцы.

– Не езди сегодня через Гнилой лес, не будь дурьей башкой. Говорю тебе, как есть: худо сегодня будет.

– Потапыч, ты чего это вещать задумал? – удивился я. – Не накаркай, гляди! Уже третий месяц тишь да гладь.

– Тишь да гладь, – ехидно передразнил старик. – Говорю вам, проснется сегодня она! Вона, смотрите-ка, по небу облака какие плывут странные!

Я вскинул голову. По выжженному солнцем небу плыли едва заметные облака. Словно кто плюнул. Три облака-плевка цепочкой друг за другом. Самые обычные белые обрывки давно растаявшей тучи.

– Да не выдумывай ты, Потапыч, – отмахнулся Пашка. – Облака как облака.

– Не езди через Гнилой лес, Пашка, себе дорожке выйдет, – прокаркал ему в спину Потапыч, но тот лишь рукой взмахнул на прощание.

После отбытия Павла в собеседниках у старика остался один я. На меня все его недовольное бурчание и обрушилось. Тот долго еще тыкал кривым пальцем в небо, пытаясь доказать мне необычность небесного явления, которую я в упор не замечал. Уж не знаю, по каким ему одному известным приметам дед ориентировался, да только он в своих предостережениях не ошибся...

К вечеру небо выцвело, стало белесым, а чуть позже серебристо-прозрачным. Вечерние сумерки кralись вдоль единственной улицы, заползали во все закоулки. Я как раз заканчивал поливать грядки у Потапыча в огороде, а Дениска, его названный внук, мне помогал по мере своих детских сил. В этот самый момент по небу прокатился тревожный гул. Я пораженно замер, вскинув голову вверх, в надежде увидеть надвигающуюся на нас грозовую тучу. Но небо было по-прежнему серебристо-прозрачным и чистым. Даже облака-плевки бесследно растаяли.

– Спаси, сохрани и помилуй нас, грешных! – пробормотал Потапыч и торопливо перекрестился.

– Ты чего, Потапыч, как в пословице: пока гром не грянет – мужик не перекрестится? – пошутил я.

– Все бы вам, дуракам молодым, зубоскалить, – ворчливо отозвался старик и скомандовал внуку: – А ну-ка, Дениска, бегом в дом! А ты, Мишка, бросай занятие, хватит на сегодня поливать. Сходи до своего дома за ружьем и опять к нам приходи.

– Ты чего это, Потапыч? – спросил я, и мне вдруг резко перехотелось шутить.

То ли заметил промелькнувшую на его лице тень тревоги, то ли ногами ощутил пока еще едва заметную дрожь земли.

– Да не стой ты разиней-то! – старик даже ногой топнул от нетерпения. – Иди за ружьем, тебе говорят!

Этот сердитый окрик подхлестнул меня не хуже плетки. Я поставил лейку между грядок и торопливо пошел к себе за ружьем.

Все началось три года назад. Вот так же, летом. Июнь входил в самую пору, в лесах зрела земляника, а я приехал в отпуск, навестить своих, поохотиться и отдохнуть от городской суеты и вездесущих гаджетов. Еще был жив отец, у меня была любимая работа в городе и надежда уговорить батю перебраться ко мне, в цивилизацию. А получилось, что я застрял надолго в отчем доме.

Отдых в деревне имел для меня два несомненных плюса: хорошую охоту и то, что мой сотовый молчал здесь как убитый из-за отсутствия связи. Гарантия того, что начальник не решит внезапно прервать твой отпуск каким-нибудь авралом. Хотя я отдавал себе отчет, что рано или поздно прогресс доберется и до этих мест. Так и вышло.

В тот год, когда началась вся эта галиматья, мой старик обрадовал меня новостями, едва я переступил порог нашей избы. Мол, приехали люди из города, будут вышку ставить у Гнилого леса, на горке, прямо за Вешняками. Связь налаживать. Не скажу, что я был сильно обрадован, хотя держать связь со стариком было бы неплохо.

Неделю мы всей деревней наблюдали за работой бригады монтажников. Некоторые из наших даже успели познакомиться и пообщаться с ними. Вот Пашка, тот сразу у их вагончика замаячил. Все выпрашивал, высматривал, правда, монтажники сильно его не жаловали и встретили не шибко приветливо, что интерес мужика только подогрело. Я-то прекрасно понимал, зачем Пашка отирается рядом с вагончиком. Нет, не потому, что страдал особой приветливостью. Просто высматривал, нельзя ли чем плохо лежащим поживиться.

А потом бригада пропала. Бесследно. Еще накануне вечером вешняковские их видели. Те на горочке суетились, что-то прилаживали, а поутру Пашка обнаружил пустой вагончик с распахнутой настежь дверью. История умалчивает, воспользовался ли ушлый парень ситуацией, чтобы поживиться при удачно выпавшем случае, но я уверен, что по вагончику он хорошо пошарил, прежде чем тревогу поднять.

А дальше сообщили о происшествии в район, те связались с компанией, что бригаду прислала. И вот тогда уже народу у Гнилого леса привалило! И начальство из района приехало, и люди из компании. Эти все наших расспрашивали, не видел ли кто чего. А через пару дней их резко сменили военные. Расспросы почти прекратились, зато по деревьям поползли слухи один другого причудливей. Многие вдруг вспомнили, что в ту ночь, когда бригада пропала, слышался со стороны Гнилого леса странный гул. Те, у кого дома на окраине, ближе к лесу, говорили, что сперва послышался будто бы грохот, «точно два огромных камня сшиблись», а уж после земля загудела. Правда, я в ту самую ночь ничего не слышал, потому что спал как убитый. И сначала в рассказни селян не шибко верил, понимая, как это бывает. Одному с похмелья примерещилось, остальные не от большого ума, но ради красного словца подхватили и подробностей навывдумывали. Но скоро пришлось поверить. Обратно в город никто меня не выпустил. Так и пришлось со стариком остаться. Первое время я злился, конечно, потом плюнул и успокоился.

Хриплый собачий вой я услышал издали. Это батин Карай надрывался. Впрочем, не батин теперь уже, а мой. Косматая жилистая зверюга, сопровождавшая меня на охоте и не знавшая страха, за последние три года малость испортилась нервами. Нет, зверя пес по-прежнему выслеживал и дом охранял исправно (было б от кого), но в иные моменты нападала на него настоящая собачья истерика, и Карай мог голосить часами напролет. Я точно знал, что ничего хорошего этот вой не предвещает.

– Хорош горло драть, – урезонил я пса, входя в калитку.

Тот мигом заткнулся на полуноте и облегченно завилял хвостом. Я зашел в избу, сдернул с гвоздя двустволку и патронташ. На улице отвязал Карая, который нетерпеливо заплясал вокруг меня.

– Идем ночевать в гости, – сообщил я псу и вышел за калитку.

Потапыч времени даром не терял и, пока я ходил к себе, раздул самовар и собрал на стол незатейливый ужин из вареной картошки и соленых огурцов.

– Ты будто праздновать собрался, – заметил я, входя в кухню.

– Ну, праздновать не праздновать, а ночь нам предстоит непростая, – рассудил старик. – Надо подкрепиться и иван-чая попить для бодрости.

– Может, обойдется еще? А, Потапыч? – Я без особой надежды выглянул в окно.

– Зря надеешься, – ехидно заметил дед. – Может, она и рассосется со временем, эта ваша номаль, но не сегодня.

Я вздохнул. Крыть было нечем.

Первое время никто из нас не понимал, насколько все серьезно. Ну, ходят какие-то людишки, народ расспрашивают, ясно, что о своих беспокоятся, а нам что за дело? У нас свои дела. Лето же, у всех забот полон рот в саду-огороде. А вот когда вояки наши деревеньки с приличным куском леса кордоном обнесли да нас всех под арест посадили, мы крепко призадумались: а за что? Неужели за пропавшую бригаду?! Да что ж такого в ней особенного было, и куда она подевалась? Не в болотах же Гнилого леса дружно утопла.

А чуть погода стали мы замечать подозрительную суету в низинке у леса. Какие-то люди в странных костюмах ходят, приборы какие-то с собой таскают. Пашка их сразу «космонавтами» окрестил. Мол, эти в скафандрах своих опять у Гнилого леса шастают, космонавты, мать их. То ли ищут чего, то ли замеры какие-то делают.

Вот тогда и пошли гулять по нашим деревенькам слухи один фантастичнее другого. Что якобы бригада пропавшая не из монтажников состояла и не мобильную связь собирались они в районе налаживать, а занимались чем-то другим. И в результате своих непотребных занятий не

только сами сгинули, но и всех нас под монастырь подвели. А уж когда Пашка на охоте первого чудика подстрелил и в Вешняки приволок, народ совсем покой потерял. Чудика, правда, вояки тут же забрали и, собрав нас, охотников, разъяснили, чтобы мы таких образин не в деревни ташили, а к ним на кордон. За вознаграждение. Так и повелось. Мы им чудиков, они нам – патроны и продукты. За чудиков, кстати, щедрее и охотнее всего платили, чтобы, видимо, мы рты на замке держали. Да только бздех в штанах не удержишь.

Не прошло и пары месяцев, как мы познакомились с тем, из-за чего нас всех за кордон загнали. Во всем великолепии познакомились, надо сказать. И с заревом, полыхающим ночами над лесом, и с гулом, что сотрясает окрестности, и с шарами, возникающими прямо из ничего. И особенно с теми, что пришли после всего этого. Именно в то время к нам и прибился Дениска. Забрел в деревню после ночи, когда шары впервые увидели. Мы тогда нескольких человек своих недосчитались. А Дениску, наоборот, нашли. Испуганного, грязного и оборванного, лежавшего в кустах прямо под забором Потапыча. Первые дни он ото всех шарахался. Еле со стариком уговорили его в дом зайти. Потом, спустя неделю, маленько опомнившись, малец нам скупно сообщил, что приехал с родителями на отдых в лес, а ночью земля начала трястись, гудела и жужжало что-то возле палатки. Дальше, видать, малец с перепугу не помнил ничего, потому что повторял лишь, что искал в лесу маму с папой и никак найти не мог. По нашим прикидкам, блуждал бедолага по Гнилому лесу не меньше месяца. Отощал сильно, даже вроде слегка умом повредился, но помаленьку оттаял, пришел в себя...

– Деда, смотри! – воскликнул Дениска, сидевший у окна.

Мы с Потапычем невольно подались вперед. Зрелище нам открылось великолепное и жуткое одновременно. Небо, успевшее порядком потемнеть за то время, что мы ужинали, теперь освещалось белесым заревом, поднимавшимся над лесом.

– Вот они, бездны-то адские, как распахиваются, упаси нас, Господи! – пробормотал старик, торопливо осеняя себя крестным знамением.

– Деда, я боюсь, – прошептал мальчонка, отползая от окна к Потапычу за спину.

– Не бойся, внучек, не бойся! Бог не выдаст – волк не съест.

– На Бога надейся, а сам не плошай, – буркнул я себе под нос, как бы возражая старику, и подвинул ружье поближе.

Белесое зарево разгорелось так, что разогнало ночную тьму над деревней. Небо стало мертвенно-бледным, как брюхо дохлой рыбы. Затем стало медленно гаснуть, стягиваться до тусклого туманного облака, ритмично пульсирующего над Гнилым лесом. К этой пульсации добавилось нарастающее жужжание, словно к нам приближался рой пчел или прожорливой саранчи. Этот звук расползался повсюду, окружал, проникал внутрь, пока ты сам не начинал вибрировать ему в такт. Мерзкое ощущение, и я никак не мог к нему привыкнуть. Будто в муравейник задом сел, и по телу суетливо ползают полчища мелких насекомых. Вдруг назойливый звук отступил, стянулся к одной невидимой пока точке и вскоре оформился в небольшой, размером с футбольный мяч, светящийся ровным голубоватым светом шар.

– У-у, окаянный! – Потапыч задернул занавеску и отошел от окна. – Полезай-ка ты, Дениска, под стол.

Малец мышью юркнул вниз и затих под столешницей. Туда же из сенцов на брюхе приполз и Карай. Они оба до смерти боялись этих шаров.

Окно за занавеской осветилось синеватым ровным светом так, что стали видны ромашки на ткани. Холодные блики легли на самовар, стоящий на столе, и наши с Потапычем лица, превратив их в уродливые маски. Я заметил, что старик беззвучно шевелит губами, читая молитву.

Шары эти сперва никто не считал чем-то опасным. Летают себе медленно в воздухе, потом – хлоп! – и пропадают бесследно. Если на них долго пристально не смотреть, то ты для них вроде и не существуешь. Но заглядишься – и шар начинает как бы пританцовывать и приближаться к тебе. Наши называют это «танец смерти», после того что с Колькой Кривым при-

ключилось. Тот, конечно, по пьяни и дури своей погиб, но на остальных жути нагнал. Неделью он пил беспробудно, а в страшную ночь решил протрезветь. Выполз с похмела на крыльцо ночным воздухом подышать, а тут как раз шары! И Колька то ли с бодуна их за глюки принял, то ли не сообразил сразу схорониться. Уставился как дурной. А шар подлетел поближе и вдруг ошестинился, загудел. Кольку, орущего дурниной, приподняло над землей, сплющило и как будто втянуло в шар. И все исчезло. А спустя два дня вернулся наш выпивоха, да только уже не Колька это был вовсе.

– Ныне, и присно, и вовеки веков. Аминь, – донесся до меня шепот Потапыча.

Старик скупно перекрестился, окончив молитву. Синеватый свет метнулся в сторону от окна, пропал, погасив холодный отсвет в кухне. Стало с непривычки очень темно.

– Не любят они все же молитвы-то, – торжествующе заключил Потапыч, заставив меня скептически усмехнуться.

Я осторожно отодвинул занавеску, готовый ко всему, выглянул на улицу. Темнота. Лишь над Гнилым лесом по-прежнему пульсирует туманное облако света. Там, на кордоне, его тоже хорошо видно, значит, завтра понаедут, будут опять по окрестностям рыскать. «Неспроста они тут лезут, – всегда ворчал Потапыч. – Сами в Гнилом лесу какие-то бездны отрыли, а теперь закопать не могут. Зря, что ли, лес Гнилым-то прозвали? Не только за болота. Тут издавна чудилось да водило, да люди со скотом пропадали».

Я собирался было опуститься на табурет, когда Карай, осмелев, вылез из-под стола с глухим урчанием. Рука автоматически стиснула ружье. Я снова приник к окну, ожидая любого подвоха. Что-то шевельнулось во мраке у кустов сирени. Какая-то неуклюжая неясная фигура. Сердце екнуло в нехорошем предчувствии. Тут же Карай залился звонким злобным лаем. Фигура, пошатываясь, пересекла двор и направилась к дому.

– Чего там? – громким шепотом спросил Потапыч, приныкая к окну.

Совершенно некстати вспомнилась покойница-бабка, как страшила она меня маленького: не глядись ночами в окно-то, сумеря утащит. Я еле подавил крамольную мысль напомнить об этом Потапычу. Раздирает меня шутить, когда вовсе не до шуток.

Череду сумбурных мыслей прервал резкий стук в дверь. Мы со стариком аж подпрыгнули от неожиданности, а Дениска испуганно ойкнул и завожился под столом. Зато Карай, реабилитируясь за недавнюю трусость, зашелся таким громким лаем, что зазвенела посуда в серванте.

– Чего это? Кто это? – растерялся Потапыч, вертя головой.

– Мужики... Откройте... – раздалось из-за двери. – Это я... Пашка...

Мы со стариком переглянулись. Всякие гости к нам среди ночи заявлялись, но Пашку мы точно не ждали. Оказался ночью во время аномалии вне дома – считай, покойник. Пашка, если живой, так дома должен быть. А если к нам в дверь среди ночи ломится, то вряд ли это Пашка.

– Пойду и пристрелю на всякий случай, – сказал я, делая шаг к двери. Ситуация начинала действовать мне на нервы.

– погоди, – Потапыч ухватил меня за рукав. – Не перекрут это, сам ведь понимаешь. Может, Пашка и есть?

– Да откуда? – взорвался я. – Пашка давно дома должен быть. А если ночью шастает, то ни фиги это не Пашка! Кто знает, какую нечисть еще эта аномалия делать может?!

– Да Пашка, Пашка я, – запричитало хриплым голосом из-за двери. – Христом клянусь, я! Не губите, мужики, пожалейте! Тут шары летают, мать их растак! Чудом сейчас с одним разошелся.

– Да пустить его уже, и все тут, – объявил Потапыч и поковылял к двери.

Я запалил фитиль керосиновой лампы, прикрутил колесико на минимум, чтобы огонь едва теплился, и накрыл стеклянным колпаком. В тусклом мерцающем свете на пороге сенцов показался Пашка Силантьев, грязный как черт и бледный как покойник.

– Мне б сейчас выпить, – всхлипнул он, грузно опускаясь на табурет.

- Чаем только богаты, – развел руками Потапыч.
- Ты какими судьбами здесь? – спросил я. – Почему не дома?
- Не доехал, – ответил тот, наливая чай в кружку.

Услышав это, старик удовлетворенно хмыкнул.

- Да как же ты мог не доехать-то? – удивился я. – Времени до темноты было достаточно. Пашка затряс головой, хлебнул чай и, утерев рот тыльной стороной ладони, произнес:

– Я тоже думал, что достаточно. Да только как к Гнилому лесу по тропе стал спускаться, увидел этих, «космонавтов». Ходят у леса, рыщут чего-то. Меня они не видели, я далеко от них был. Схоронился за кустом, решил посмотреть, чего они там творят. Около часа они там шарились, аномалии свои искали. Я решил уже в объезд ехать.

Я понимающе кивнул, потому что сам не раз во время вылазок к лесу натыкался на эти отряды. И всегда их пятой верстой обходил. Во-первых, местных они во время своих обследований не жалуют. Во-вторых, нам они тоже как кость в горле сидят, поэтому лишний раз встречаться желания не возникает.

Пашка снова припал к кружке с чаем, залпом допивая остатки.

- Дядь Паш, а дальше-то чего было? – спросил Дениска, выбираясь из-под стола.

– Ну, вот стою я, значит, за кустом, прикидываю, что надо бы разворачиваться и в объезд пилить, хоть это и крюк приличный. Но сами знаете, любая кривая короче прямой, на которой генерал пасется. И вдруг земля под ногами загудела. Как колокол. У меня аж уши заложило. Гляжу, а тех, у леса, всех до единого над землей приподняло. Висят они в воздухе, дергаются, ну точно космонавты в космосе. И тут их как разом шибануло об землю! – для пущей достоверности рассказанного Пашка со всей дури саданул кулаком по столу, отчего усевшийся рядом со мной Дениска испуганно подскочил.

- Мальца не пугай, – осадил я рассказчика.

– Меня самого словно ветром подхватило и о землю шандарахнуло так, что искры из глаз полетели. И тут же стемнело.

– М-да... Шибко тебя, видать, шандарахнуло, – изрек Потапыч и задумчиво поскреб подбородок.

– Нет, Потапыч, я сознания не терял. Кувыркнулся через задницу и сразу на ноги поднялся. Тут другое что-то. Светло было – и разом стемнело. Будто свет погасили.

Мы со стариком обменялись недоуменными взглядами, прекрасно помня, что темнело, как и всегда, постепенно. Или у Пашки таки в голове помутилось, или у леса аномалия время искажила.

– Только темно недолго совсем было, – продолжил свой рассказ наш ночной гость. – Из леса неожиданно столбы света поднялись. Тянутся к небу и чуть подрагивают, словно чье-то сердце пульсирует, и тишина такая, аж жуть. А главное, свет как будто манит к себе. Не хочешь, а ноги сами туда идут. Я чуть было не попался. Даже пару шагов к лесу сделал. Только Господь уберег, мне под ноги мой велосипед попался. Я в нем ногами запутался, полежал на земле, прочухался немного. А потом, мужики, зажужжало, как обычно это бывает, и из воздуха стали шары возникать.

Услышав про шары, Дениска прильнул ко мне всем телом и затаил дыхание.

– Чудом я уцелел, мужики, одним только чудом, – продолжал вещать Пашка. – Со всех сторон они были. Один прямо передо мной надулся! Гнал за мной, пока я в яму не свалился в темноте. Так и пролежал там незнамо сколько, пока те не улетели. А когда осмелел да вылез, то понял, в какой яме спасся, когда кресты кладбищенские разглядел.

Выговорившись, он замолчал, устало опустив голову. Со стороны казалось, что Пашка дремлет.

- Много, говоришь, их было, вояк этих, у леса? – спросил Потапыч немного погодя.

Пашка встрепенулся. Взъерошил и без того косматые волосы и ответил:

– Много. Десятка два, не меньше. Всех до единого их аномалия пришибла.

– Беда... – вздохнул дед. – Полезай-ка ты, Дениска, на печь да сиди там тихо.

Я положил ружье к себе на колени, понимая, к чему клонит старик. Раз «космонавтов» всех аномалия накрыла, то в полку перекрутов прибыло, значит, полезут теперь отовсюду – только держись. Откуда-то издали донесся истошный крик, следом грянул выстрел. Карай в сенцах нервно залаял в ответ.

– Mamочки... – отозвался Дениска с печи.

– А ну-ка, Пашка, держи вот оружие, – Потапыч извлек из-за печи вилы и вручил мужику. – Поди, винтовку свою там, у велосипеда, бросил, когда от шаров утек.

Тот хмуро забрал у старика вилы. На его лице читалось явное сожаление об утраченном арсенале, но в нашей ситуации и вилы были лучше, чем ничего.

– А я топорик, пожалуй, прихватю, – пробормотал старик.

– Лез бы ты со своим топориком на печь к Дениске, – буркнул я, пристально вглядываясь в ночь за окном.

– Поговори мне еще, – беззлобно осадил меня дед. – Повоюю чутка.

Белесое зарево все так же висело над лесом, пульсировало, то угасая, то вспыхивая вновь. Снова где-то далеко грянул выстрел, и я невольно вздрогнул, понимая, что стреляют не по шарам. А потом увидел его...

Перекрут стоял у яблони – не вдруг-то и заметишь. Только глаза тускло поблескивали все тем же белесым светом, что растекался над лесом. Его бесчеловечно изуродованная, искореженная аномалией фигура была почти неразличима в темноте. Карай, учуяв гостя, глухо заворчал, одновременно боясь и угрожая ему: не подходи, мол, я тебя хоть и боюсь, но в драку все равно полезу.

Перекрут точно чего-то ждал. Не исчезал, но и не пытался напасть.

– Не нравится мне это, – пробормотал я. – Чего он выжидает?

– Да пристрели ты его! – посоветовал Пашка.

– Нет. Темно и далеко. Боюсь промахнуться, а зря патроны тратить жалко. Пригодятся.

Искореженная фигура все так же маячила под яблоней, почти сливаясь с корявым стволом.

– Mamочки! – вскрикнул на печи Дениска, и следом за ним чертыхнулся Потапыч.

Я оглянулся в тот самый миг, когда посреди избы засеребрился воздух, возвещая о прибытии непрошеного гостя.

– Принесла-таки нелегкая, – вздохнул старик, поудобнее перехватывая топор.

Призрачная фигура обретала все более осязаемые черты, и по мере этого меня, да и остальных тоже, охватывали все большие изумление и растерянность.

– Матерь Божья, Пресвятая Богородица, – прошептал Потапыч, опуская приготовленный топор.

Мы с Пашкой застыли изваяниями, уставясь на невысокую нещадно скрученную фигурку. Зато наш гость не терялся. Резво для такого уродца шагнул к Потапычу и повис на руке, сжимающей топор. Мир застыл, и я, будто попав в вязкую грязь, никак не мог заставить себя пошевелиться. Я слышал истошный крик старика, полный боли. Слышал утробный лай Карая, никак не решающегося напасть на врага. Первым опомнился Пашка. Издав нечеловеческий вопль, кинулся через избу, подняв вилы, как дикарь-охотник. Свое оружие он вонзил в перекрута сверху вниз, пронзив того насквозь. Мир содрогнулся и отмер, дав мне свободу.

– Деда... – плакал навзрыд Дениска, свесившись с печи.

Я подскочил к старику, медленно осевшему на пол. Заглянул в его бледное, искаженное болью лицо.

– Достал-таки меня, гаденыш, – прохрипел дед. – Руку мне ухватил. Крутит... Резать придется, слышишь? Резать, пока меня всего не скрутило. Не хочу так-то помирать... Хочу человеком и по-человечески...

С печи испуганно завопил Дениска. Мы с Пашкой обернулись, и очень вовремя. На пороге сенцов застыла корявая фигура, по которой пробегали еще серебристые блики.

– Мама... – прошептал мальчик, забиваясь в дальний угол.

В искореженном теле нашего очередного визитера едва угадывалось что-то человеческое. Худые ноги были неестественно вывернуты, причем правая была сильно вытянута, а левая – надломлена в колене, из-за чего все тело кривилось набок. Талии почти не было: какая-то страшная сила стянула ее в тонкую полоску кожи, на которой неизвестно как держалась верхняя, довольно массивная часть туловища. Грудную клетку, наоборот, раздуло. Сквозь прорехи в грязной одежде виднелись плоские, свисающие вниз груди. Тонкую, сильно вытянутую шею венчала голова, сплюснутая сверху и растянутая в стороны. На уродливом, с лягушачьими чертами лице в сильно запавших глазницах поблескивали белесыми искорками глаза. Так близко живого перекрута я видел второй раз, и мое тело содрогнулось от отвращения.

– Мамочка... – тихо всхлипнул на печи Дениска.

Покачнувшись в сторону, перекрут шагнул через порог. Вот тут уж я не стал теряться и медлить. Выстрелил навскидку – любой охотник обзавидовался бы. Искореженное лягушачье лицо смялось, превращаясь в кровавое месиво. Тело перекрута покачнулось и рухнуло на пол.

– Держи ружье, – сказал я Пашке. – Будешь оборону держать, пока я Потапычем занимаюсь.

Я склонился к старику, корчащемуся на полу избы.

– Тесак... в серванте, в ящичке... – простонал Потапыч, тараща в потолок глаза.

Я кинул короткий взгляд на его руку. Кисть уже скрутила неведомая сила, вывернув пальцы под немыслимыми углами. Потапыч охал и стонал, испытывая нечеловеческие муки, из уголков глаз по щекам катились слезы.

– Потерпи, сейчас станет полегче, – пообещал я, вытаскивая из брюк ремень.

Перетянул старику руку выше локтя, сходил за тесаком. От предстоящего меня мутило и нестерпимо хотелось опрокинуть стакан, чтобы слегка притупить мысли и чувства, но такой роскоши у нас не было.

– Как он меня резво ухватил, – простонал Потапыч, когда я снова склонился к нему. – Шельмец! Не думал я раньше, что у них дети нарождаться могут...

– Аномалия не щадит никого, – ответил я, хотя сам впервые видел маленького ребенка у перекрута, а в том, что перекрут, напавший на старика, был ребенком, я ни секунды не сомневался.

Из наших деревенских детей ни у нас, ни в Вешняках никто в аномалию не попадал. А значит, этот малец, что Потапыча ухватил, явно из тех, перекрутовых детенышей. А коли так, то наплодиться их может тьма, и все на нас попрут.

– На вот, Потапыч, закуси, – я протянул старику деревянную ложку.

Из сенцов грянул выстрел: это Пашка исправно держал оборону. «Мама... Мамочка...» – скулил на печи Дениска. Карай поскуливал ему в тон. Я старался не думать о том, что делают мои руки и видят мои глаза.

Окровавленную культю я прижег головней из печи. Благо, огонь не угас до конца и еще теплился на почерневших головешках, пробегая ярко-красными всполохами по углям. К тому моменту Потапыч, к счастью, был уже в глубокой отключке. Пашка продолжал отстреливать повалившихся к нам незваных гостей, костеря на все лады и перекрутов, и аномалию, и военных с их изысканиями. Потапыча я аккуратно переложил на лавку, укрыл одеялом и, прихватив вилы, поспешил на выручку товарищу. Тот, войдя в раж, отстреливал перекрутов с крыльца. Ни дать ни взять, деревенский Рэмбо. Уложил штук шесть, пока я с дедом возился.

– Сменить тебя? – спросил я.

– Я не устал. Размялся малость. Потапыч там как?

– В больницу бы его надо. Я ж не хирург. Сделал, что смог. Если к утру не помрет, на кордон его, к воякам повезем. У них, поди, с медициной получше.

– Вроде светает, – Пашка кивнул на небо.

Ночная тьма на нем сменялась предутренней синью. Белесое зарево над лесом угасло. Может, на неопределенное время, может, до следующей ночи – кто знает.

– Кажется, выстояли ночь, – произнес я.

Из избы донеслись тихие всхлипы Дениски, и я решил вернуться обратно. Малец слез с печи и пересел на пол рядом с лавкой, на которой лежал Потапыч. Всклипывал и растирал кулаками по щекам слезы и сопли, иногда кидая взгляды на тела перекрутов.

– Испугался, да? – спросил я.

– Мама, – прошептал Дениска, заставив меня призадуматься.

Я склонился к нему и легонько тронул за плечо.

– Дениска, ты чего?

– Это моя мама... – выдохнул мальчик.

Я оглянулся назад, на искореженные тела. В груди похолодело от сложившейся вмиг картины. Это ж я ее уложил на глазах пацана! Так вот почему он все повторял как заведенный: «Мамочка, мамочка...» И как он в этой образине свою мать опознал? Она и на человека-то мало похожа. Не иначе, сердцем почуял.

– Ты уж прости меня, Дениска, – пробормотал я в смятении.

Мальчик дернул головой, то ли отклоняя мои неуклюжие извинения, то ли отгоняя свои невеселые мысли. Я решил, что будет лучше оставить пацана в покое и вернуться на улицу.

– А этот малыш – наверное, мой братик. Или сестричка, – добил меня в спину Денискин голос.

Раздосадованный, я сорвал с гвоздя в сенцах старый брезентовый плащ и накрыл им тела перекрутов. На душе было погано.

Рассвет занимался над нашим домом, все смелее проливал в окна тусклый свет. На лавке застонал Потапыч, чем остановил мое бегство с поля скорби. Я вернулся и склонился к старику.

– Потапыч, ты как?

– Деда! – Рядом возник Дениска, все еще пошмыгивающий носом, но уже почти оправившийся от потрясений.

Вместо ответа Потапыч издал протяжный мучительный полустон-полувздых и обвел избу мутным взглядом.

– Кажись, светает, – хрипло прошептал он, глядя в окно. – Все живы?..

– Все, Потапыч, все, – отозвался я.

– Деда, тебе, может, водички принести? – дрожащим голосом спросил Дениска.

– Принеси, родной... – старик перевел взгляд на меня, дождался, когда малец умчится в сенцы с поручением, и произнес: – Не выдюжить мне... Помру скоро... Ты тогда Дениску-то к себе заberi.

– Не болтай, Потапыч. Мы тебя подлечим.

Вернулся мальчик с кружкой, и старик жадно принял к ней. Глядя в его заостренное бледное лицо, я и сам понимал, что Потапыч от нас уходит, но верить в это не хотелось.

– Вот спасибо, – прошептал старик, опустошив кружку. – Как ангел крылом погладил. Ну-ка, Дениска, иди-ка ты узнай, может, дяде Паше помощь какая нужна. А мы тут по-взрослому потолкуем.

Старик дождался, когда мальчишка скроется, и сделал мне знак глазами, чтобы я наклонился.

– Я ведь вот чего боюсь-то, – начал он, тяжело переводя дыхание. – Вдруг я после смерти тоже перекрутом стану? Видишь, как это заразно? Детеныш их меня только за руку хватил, а мне тут же передалось. А поддержи он меня подольше, может, меня всего скрутило бы.

– Потапыч, ты чего басни сочиняешь? – рассердился я.

– Ты погоди зубоскалить-то, – остановил меня Потапыч. – Ты мне обещай, что, как я помру, ты мне голову-то прострелишь, как тем перекрутам. Обещаешь?

– Потапыч! – возмутился было я, но он настойчиво повторил:

– Обещаешь?

– Обещаю, – глухо выдавил я.

До того, как старик завел этот разговор, мне почему-то и в голову не пришел такой вариант развития событий. А теперь я не мог отделаться от назойливых мыслей. Раньше мы все были уверены, что перекрутами становятся лишь те, кто угодил в аномалию. А сегодня выяснилось, что это заразно, как чесотка.

– Ну вот и ладно, – старик прикрыл глаза. – Ступай теперь. Я отдохну малость. Намаялся я за долгими разговорами.

На улице уже было ясное утро. Голосили как ни в чем не бывало птицы. О жуткой ночи напоминали лишь изуродованные тела, валяющиеся повсюду на земле, как поваленные ветром огородные чучела. Дениска с Павлом возились у сарая. Не столько полезное что-то делали, сколько время убивали до прибытия вояк. Те после таких веселых ночей обязательно навещали нас, собирали перекрутов и увозили куда-то.

– Иди-ка, Дениска, с дедом побудь, – сказал я, подойдя к ним, и мальчик охотно побежал к дому.

– Как там Потапыч? – спросил Пашка.

– Плох старик. Не довезем мы его до кордона.

Павел буркнул себе под нос что-то нечленораздельное. Новость, видимо, его не обрадовала.

– Надо бы тех, что в избе, тоже вытащить, – сказал он чуть погодя, подразумевая перекрутов. – Пусть их тоже вояки заберут.

– Не нужно. Тех похоронить надо. Вон там, за сараем, у плетня. Дениска в перекруте мамку свою признал, а детеныш – ее, стало быть, тоже родня мальчонке.

Пашка с шумом выдохнул, поскреб затылок.

– Дела... – только и смог растерянно сказать.

Больше мы с ним не проронили ни слова. Достали из сарая лопаты, вырыли глубокую могилу. Нашли кусок старого брезента, чтобы завернуть тела. В тот самый момент со стороны дома послышался злобный залиvistый лай Карая и Денисин плач: «Деда... деда...» Мы бросились к дому, чуя неладное.

Карай встретил нас у входа в кухню. Припадал на передние лапы, подсакивал, сердито помахивал хвостом и заходил лаем. Дениска жался в углу под иконой, точно у Богородицы защиты просил, и причитал в слезах: «Деда... деда...»

А с Потапычем на лавке творилось что-то жуткое. Его ломала и корежила неведомая неумолимая сила. Растягивала и сжимала, меняя человеческий облик на нечто чужеродное, страшное.

– Твою дивизию, – простонал Пашка, пятясь назад и озираясь в поисках вил или иного оружия.

Я решительно шагнул вперед, к лежащей на столе двустволке.

– Дениска! Закрой глаза и уши и считай до ста! – скомандовал мальчишке.

Тот покорно ткнулся лицом в коленки, обхватил голову руками и громко зашептал:

– Один... два... три...

Я взвел курок.

– Четыре... пять... шесть...

Прицелился в сильно изменившееся лицо старика. Почувствовал предательскую дрожь в руках и стиснул зубы.

– Семь... восемь... – всхлипнул Дениска.

Эх, Потапыч! Прости, старик! Задал ты мне задачку на долгие ночи кошмаров.

– Девять... десять...

От выстрела пронзительно звякнули стекла в оконной раме, всем телом вздрогнул Дениска в углу, но головы не поднял. В ушах у меня звенело, в горле першило от пороха и слез. Быстро, почти не глядя, я подошел к лавке, сдернул с печи одеяло и накинул на обмякшее тело старика.

– Двадцать один... двадцать два... – исправно, как молитву, продолжал шептать Дениска.

Дальнейшее я помнил как в тумане, словно смотрел через силу какой-то муторный фильм. В могилу за сараем мы опустили сразу троих: Денискину маму с ее детенышем и Потапыча. Всех близких мальчонке людей. К тому моменту Дениска уже не плакал. Стоял, насупившись, пока земля засыпала уложенные в могилу тела. Управившись, мы какое-то время постояли над холмиком втроем. Словно в своеобразном молчаливом противостоянии: трое там, под землей, трое здесь – над могилой. Мертвые и живые. Перекруты и люди. Потом Пашка легонько толкнул меня в бок.

– Пойдем, покурим, – сказал мне тихо.

Мы доплелись до крыльца, усьелись на ступеньки, устало вытянув ноги.

– Гнусные дела, – выдохнул Павел вместе с сигаретным дымом. – Чего теперь делать будешь?

– Дениску к себе возьму.

Мы замолчали, глядя на ползущие по небу облака. К вечеру, похоже, собирался дождь. Шумно вздохнул под крыльцом Карай, решивший вздремнуть после бессонной ночи. Меня тоже начало клонить в сон, и я прекрасно понимал, что нужно последовать примеру псины и поспать до наступления темноты, потому что, кто знает, сколько дней над лесом будет полыхать бледное зарево, выпуская из неведомой бездны всякую нечисть. Я докурил сигарету и встал, собираясь войти в избу. Надо было собрать немногочисленные пожитки мальчишки. Но меня остановил грозный рык Карая, выползающего из-под крыльца. Я оглянулся через плечо и... остолбенел. К дому медленно шел Дениска, если так можно назвать его неестественную дерганую походку. Тело мальчика на глазах скручивало аномалией, нещадно растягивало и плющило, а он, вопреки этому, брел к нам.

Пашка издал странный квакающий звук, привстав со ступеньки и указывая в сторону Дениски. А я и сам все прекрасно видел без его подсказок, но не мог заставить себя шелохнуться. Мое ружье стояло в сенцах, до него было всего несколько шагов, но я не имел сил преодолеть это расстояние. Да и будь оно у меня в руках, сомневаюсь, что сумел бы с легкостью выстрелить в мальчонку.

Тот вдруг остановился, не дойдя до нас десятка метров, по его искореженному телу пробежали серебристые блики, и Дениска исчез. Стянулся в точку.

– Это что же? – Пашка уставился на меня круглыми глазами. – Это как же так получилось-то?

– Не знаю, – я обессиленно опустился обратно на ступени крыльца. – Может, он от Потапыча успел ухватить, пока того аномалия корежила.

Пашка дрожащими пальцами вытянул из пачки дефицитную сигарету с фильтром и закурил. Молча протянул мне, и я, хоть курил недавно, затянулся снова, пытаясь горьковатым дымом забить образовавшуюся в душе пустоту.

– Это что же, Дениска теперь тоже к нам перекрутом вернется? – Мой товарищ высказал вслух ту мысль, что мне самому не давала покоя.

– Надеюсь, не к нам, – хмуро ответил я чуть погодя. – Я его пристрелить вряд ли смогу. На глазах же рос парнишка. Как родной стал.

– Хреновая нынче жизнь, – Пашка встал. – Ладно, не кисни, что ли... Пойду я до своих. Заждались, поди, может, думают, я вообще сгинул...

– Мимо Гнилого леса не ходи, – напутствовал я его, как недавно еще Потапыч.

– Да не дурак уже, понял, – отмахнулся тот.

Шагнул было к калитке и вдруг остановился, точно вспомнил о чем-то. Оглянулся через плечо и мрачно бросил мне:

– Я это... вот что скажу. Если тебя, не дай Бог, аномалия-то скрутит, то я манерничать не буду, пристрелю тебя без раздумий. И ты мне обещаешь, что тоже пристрелишь, если я перекутом стану. Обещаешь?

– Да, – выдавил я. – Обещаю...

Пашка удовлетворенно кивнул и понуро побрел прочь, ссутулившись под гнетом прошедшей ночи и ночей предстоящих.

Станислав Романов Куйва

Путейцев убивали по одному.

Свищов указывал стволом обреза на очередного работягу и коротко кивал в сторону двери: пошел. Бадаев выводил путейца из барака в морозную ночь, пихая в спину, гнал к темному деревянному сараю, заталкивал внутрь.

Там поджидал Глухов. Вошедшего он с размаху садил по затылку тяжелым колуном, только брызги летели. Росту Глухов был большого, и силы как будто нелюдской. Тела он складывал в угол, одно на другое, словно поленья.

Всего рабочих было одиннадцать человек, и ни один даже не рыпнулся. Молча сидели на лавке, опустив головы, избегая смотреть в глаза. Словно и не понимали, какая участь их ждет. Конечно, против четырех беглых эков с обрезами шансов у работяг не было никаких, но они даже не попытались. Боялись. И не так их пугали обрезы, как сами беглецы.

Оружие беглые добыли днем раньше. Забрались в дом какого-то колониста, одиноко стоявший в полосе отчуждения, в трех километрах от станции Лопарская. Хозяина дома не оказалось, только баба его да двое малолетних ребятишек. Бабу они употребили по очереди, а потом Глухов ее задушил. И детишек задушил тоже. Сказал, что никого в живых оставлять нельзя. Тарасенко хотел было вякнуть поперек, да осекся, когда Глухов на него сурово глянул. Тарасенко по семьдесят девятой статье в лагеря попал; кулак он был, не фартовый.

Дом они обыскали, нашли три ружья и две дюжины патронов с дробью и картечью. Стволы и приклады спилили, ружья им были нужны не для охоты.

И дальше пошли, в тундру. Глухов вел банду на север, к Мурманску. Говорил, что надо требовать один должок. Затем хотел идти в Финляндию. Вроде бы знал места, где границу перейти можно влегкую.

А дом колониста они перед уходом облили керосином и подожгли...

Издали донесся шум приближающегося поезда. Последний из путейцев замешкался на пороге, вскинул голову, прислушиваясь.

– Двигай давай, чего застрял, – сказал Бадаев скучным голосом. – Не всю же ночь нам тут с вами вошкаться.

Хлопнула, закрываясь, дверь. Свищов сел к столу, обреза положил рядом, чтоб был под рукой. Ухватил из тарелки кусок снеди, принялся громко жевать.

Тарасенко ни пить, ни есть не хотелось. Он в тупом оцепенении мялся возле окна, пялился в ночные сумерки, мутные, словно брага. Барак стоял на пригорке; внизу, в десяти метрах, проходили железнодорожные пути. Гроыхая мимо барака, товарняк дал свисток, сбросил скорость. Тарасенко глядел на ползущие под окном вагоны, думал, что вполне можно было бы добежать до поезда, нагнать, на ходу уцепиться за подножку...

В тамбуре последнего вагона маячила темная фигура, держа у лица огонек тлеющей папиросы. Огонек вспыхнул ярче – железнодорожник затаился, поднял голову, скользнув взглядом по окнам барака. Тарасенко отпрянул назад, наткнулся на стол. Звякнула посуда; Свищов проворно подхватил покачнувшуюся бутылку.

– Чего дергаешься? – спросил он недовольно.

– Человек там, на поезде, – ответил Тарасенко. – Он на окна посмотрел.

Свищов как-то разом подобрался, положил руку на обрез.

– Тебя заметил?

– Н-не знаю.

Нехорошо сощурившись, Свищов буравил Тарасенко темными, злыми глазами.

– Угандошить бы тебя...

Снова скрипнула дверь; вошел Бадаев, следом, пригнув голову, чтобы не задеть притолоку, – Глухов. Шинель Глухова спереди вся была в мокрых пятнах, и лицо у него тоже было густо забрызгано красным. Тарасенко глянул, тут же отвел глаза. Глухов усмехнулся, оскалив крупные звериные зубы.

– Изгваздался весь, – сказал он, снимая шинель, – ровно на бойне.

Шинель у Глухова была старая, офицерская, из хорошего, теплого сукна. Только вот со здоровенной прорехой на спине, грубо зашитой суровыми нитками. Это на Глухова какой-то зверь напал, порвал ему спину когтями. То ли росوماха, то ли кто другой. На лесозаготовках это случилось, нынешней зимой, в декабре. Крепко Глухову досталось, крови потерял много, думали – не выживет. А он встал уже через неделю, и зажило потом все как на собаке. Но характер у него переменился заметно, совсем лютый стал...

– Тулуп мне найдите, – распорядился Глухов, брякая рукомошкой.

– Где мы тут на тебя тулуп найдем? – ворчливо сказал Бадаев. – У работяг только бушлаты да ватники.

– Бушлат так бушлат, – легко согласился Глухов. – Главное, чтоб по росту был и чтоб рукава длинные.

Бадаев подкрутил фитиль керосиновой лампы, прибавляя света, и принялся перебирать одежду путейцев.

– Тут такое дело, – проговорил Свищов, шмыгнув носом. – Сейчас вот поезд мимо шел, а черт этот, – он кивнул на Тарасенко, – в окне маячил. Кажись, видали его с поезда.

Глухов перестал лить воду, стащил с крючка серое разлохмаченное полотенце, утерся. Делал он это неторопливо, со значением. В комнате повисло напряженное, угрожающее молчание. Тарасенко никак не мог унять дрожь, из щелей в оконной раме тянуло холодом. Под одежду пробрался зябкий сквозняк, прилип к мокрой спине.

– Да ну, – сказал Бадаев, прекративший ворошить чужое тряпье, – много ли с идущего поезда в окошке разглядишь...

– Может, и немного, – сказал Глухов раздумчиво; его тяжелый взгляд вдавливал Тарасенко в стену. – Или даже вовсе ничего. А может, совсем наоборот.

– Да и навряд ли они тут все друг дружку знают по личности, – прибавил Бадаев.

Глухов повернулся к нему.

– Рискнешь легавых дожидаться?

Бадаев мотнул головой.

– Нет.

– Клифт годный нашел мне?

– В ихнем тряхомудье хрен чего сыщешь.

– Ищи.

Свищов кашлянул, спросил неуверенно:

– Так что теперь, сразу дальше двинем?

Глухов помедлил с ответом.

– Не прямо вот сейчас, – сказал он, что-то про себя решив. – Если кто и заметил чего, до утра начальству докладывать все равно не станут, а начальство еще будет думать, надо ли кого с проверкой отправлять. В общем, пока время есть.

Свищов с облегчением вздохнул, потянулся за бутылкой.

– С этим погоди, – сказал ему Глухов. – Сперва косяк выправить нужно.

- А я-то чего, – буркнул Свищов. – Не я поезду вывеску показывал.
- С черта какой спрос. А ты недоглядел.

Глухов снова поднял свою заскорузлую шинель, сунул руки в рукава, застегнулся. Затем посмотрел на Тарасенко, будто кнутом стегнул. Бросил коротко:

- Со мной пошли, оба-двое.

Тарасенко обмер. Куда идти? – хотел он спросить, но только тихо всхрипнул. Слова застряли в глотке, наружу не проскочили. Он опять, в который уже раз, пожалел, что не остался в лагере. Хотя, конечно, в лагере тоже не жизнь... А теперь куда? В сарай, к путейцам?..

Оказалось, именно так.

Он бежал, загребая руками белесую предрассветную мглу. Бежал по глубокому снегу, проламывая хрустящий наст, проваливаясь по колено. Вслед за ним неслись страшные косматые люди, в руках у них сверкали ножи. Отрывистые злобные крики, похожие на лай свирепых псов, подхлестывали, гнали вперед. Он выбивался из сил, захлебывался стылým воздухом, глаза застила багровая пелена, и сердце, казалось, колотилось прямо в горле. А преследователи настигали. Дикая свора все ближе, ближе. Совсем рядом.

Кинулись на спину, повалили в сугроб. Смердное дыхание опалило шею.

И острая боль впилась под левую лопатку, пронзила до самого сердца...

Леонид вскинулся, хрипло дыша. Ребра ходили ходуном, огнем горели легкие. Весь левый бок онемел, рукой было не пошевелить. Тело холодила испарина.

Черт, снова эти сны. Его тайное, неизбывное проклятие.

Поговорить бы со знающим врачом, спросить квалифицированного совета. Да только где нынче сыскать такого, знающего и деликатного? Не в Бехтеревку же ехать?

Ну нет, исключено.

Леонид поежился, подобрал сброшенное на пол одеяло. За окном едва намечался рассвет; на улице было удивительно тихо, даже горластые скворцы пока молчали. Где-то в отдалении брякнул звонком ранний трамвай. Сна не было ни в одном глазу. Леонид вздохнул, поднялся и пошлепал в ванную.

На службу он собирался с тяжелым сердцем. Плохие сны предвещали плохие вести, всегда.

Вот и в этот раз предчувствия его не обманули.

Здание, в котором размещалась прокуратура, воскрешало в памяти Леонида невеселые воспоминания о реальном училище. Такие же мрачные, гулкие коридоры, такие же тяжелые двери. А кабинет прокурора Ленобласти Кондратьева, в свою очередь, напоминал кабинет директора, прямо-таки до дрожи. Только здесь вместо портрета государя императора на стене висел портрет генерального секретаря, но как будто написанный той же кистью.

Кроме Леонида в кабинет был вызван старший помощник прокурора Вадимов, других коллег не было. Кондратьев был мрачен более обычного, заговорил без предисловий:

– Из Мурманска получена телеграмма от окружного прокурора Денисова. У них в округе чрезвычайное происшествие. Двадцать третьего апреля дорожный мастер Воронов, объезжая участок пути на перегоне Шонгуй – Кола, обнаружил в двадцать пятом бараке восемь трупов убитых рабочих железной дороги. Все зарублены топором. Трое рабочих, проживавших в том же бараке, исчезли. Денисов просит немедленно командировать старшего следователя.

– А сами-то они что же? – спросил Вадимов. – Неужели не знают, как убийства расследовать?

Вадимов был большевик со стажем, в партию вступил еще до революции. И с Кондратьевым он давно был знаком, до того, как тот был назначен на должность. Потому Вадимов перед областным прокурором не робел.

Леонид был значительно моложе и Кондратьева, и Вадимова, так что предпочитал помалкивать. К тому же он знал, что начальник к нему относится без особой приязни, считает выскочкой и засланным московским казачком. Леонид догадывался, что поручение может оказаться с подвохом.

– Не понимаешь ситуацию, товарищ Вадимов, а вот Денисов понимает очень хорошо, – сказал Кондратьев, покачав головой. – Тут дело не просто уголовное, тут дело политическое. В Мурманске товарища Кирова ждут на Первое мая, а тут кто-то целую бригаду путейцев топором порубил. В общем, выезжаете нынче же, вечерним поездом. Следствие поведет междуведомственная бригада: прокурорские работники, а также следователи из угрозыска и ГПУ. Старшим назначается Шанцев.

«Ну вот, – подумал Леонид, – как чувствовал...» Вслух он не сказал ничего.

– Дело тяжелое, и раскрыть его надо как можно скорее, – проговорил Кондратьев с нажимом. – О ходе следствия телеграфировать ежедневно. Товарищу Кирову о происшествии уже доложили, он просил держать его в курсе.

Облпрокурор тяжело вздохнул, покосился куда-то в сторону. Леонид проследил направление его взгляда, оказалось, прокурор посматривает на портрет вождя. Как будто Сталин тоже здесь присутствовал, наблюдал. Вид у него был крайне строгий.

Из Ленинграда выехали вечером, с изрядным комфортом. Благодаря участию в следственной группе сотрудников ленинградского транспортного отдела ГПУ, к скорому поезду «Полярная стрела» прицепили дополнительный вагон. Это был пульман, дореволюционной еще постройки, однако, несмотря на пережитое лихолетье и солидный пробег, неплохо сохранившийся. А главное – вагон был теплый. За Петрозаводском погода переменилась резко, здесь все еще была зима. Суровый полярный край: мрачные скалы, темные леса, скованные льдом реки, всюду снег.

Ехали долго, больше суток. В бригаде собралось пятеро: кроме сотрудников прокуратуры были Пряхин и Шелестов из ГПУ, а также следователь угрозыска Крутов. С Крутовым Леонид был немного знаком, пересекались ранее на одном совместном расследовании. С Пряхиным прежде не встречался, но слышать о нем доводилось, что следователь дотошный, цепкий. Шелестов был совсем молодой парнишка, только-только с курсов, ходил у Пряхина в учениках. Сидели, смолили папиросы, пили крепкий чай, разговаривали об обстоятельствах дела, высказывали версии: кто убил рабочих, почему их убили... Шелестов уверенно заявил, что убийство совершили трое пропавших путейцев, скорее всего, по причине ссоры. Убили, а потом сбежали, скрываясь от ареста. Старшие, более опытные коллеги впрямую не возражали, но в своих предположениях были осторожны, склонялись к тому, что сперва надо изучить все обстоятельства на месте...

К двадцать пятому бараку прибыли под утро. Железнодорожники отцепили пульман, оставили на запасном пути; поезд пошел дальше, в Мурманск. Следственную бригаду встретили сотрудники мурманского транспортного отдела, заранее предупрежденные о приезде товарищей из Ленинграда. Леонид, получивший строгий наказ от Кондратьева, не хотел тратить время попусту. Без долгих разговоров приступили к тщательному осмотру места преступления.

Барак стоял на невысоком пригорке, ниже проходили железнодорожные пути. Под насыпью протекала река Кола, в это время года пока еще подо льдом. Особого беспорядка в бараке не обнаружилось, разве только личные вещи путейцев были разбросаны, да грязная посуда с примерзшими остатками еды грудилась на столе. Печь в бараке, понятное дело, не топили

несколько дней, все помещение выстыло насквозь. Во дворе барака стоял амбар для продуктов, явно наспех разграбленный. И был еще деревянный сарай, где и обнаружили тела. Сарай осматривали последним, когда уже совсем рассвело.

Леонид отворил дощатую дверь, зашел внутрь, огляделся по сторонам. Одна стена поблескивала наледью, где смерзлись потеки крови, фрагменты мозговой ткани, осколки раздробленных черепов... Жуткая макабрическая фреска.

– Тута, значит, их всех и порешили, – проговорил из-за спины Леонида один из мурманских, оперуполномоченный Зуев.

Трупов в сарае не было. Только заледеневшие темные лужицы в углу, возле дальней стены.

– А тела где? – спросил Леонид.

– Как где? – удивился вопросу Зуев. – В Мурман свезли, в покойницкую. Третьего дня еще. Как, значит, осмотр закончили, так сразу и свезли.

– Осмотр был тщательный, по протоколу? – уточнил Крутов, стоявший у порога. В открытую дверь с улицы заглядывал Вадимов, но в сарай не заходил, вчетвером внутри было не повернуться. – Фотоснимки сделаны? Описание подробное, во всех деталях?

– А то как же. Все, как полагается.

Леонид вздохнул, унимая раздражение. С уездными пинкертонами всегда одно и то же: усердие преодолагает рассудительность.

– Как были расположены тела?

– Вот тута они лежали, – показал рукой Зуев. – В уголку, вдоль стеночки. Один на другом, все осьмеро. Как дрова, значит.

Леонид посмотрел в угол, перевел взгляд на забрызганную стену, потом встретился глазами с Крутовым. Кажется, думали они сходным образом.

– Приводили их сюда поодиночке.

Леонид кивнул.

– Как на бойню.

– Да, на ссору среди своих не похоже, – сказал Крутов. – Тут все было размеренно, без аффектации. К тому же возникает вопрос: как трое рабочих смогли бы принудить восьмерых?.. Нет, вряд ли.

– Но пропавших надо искать в любом случае, – прибавил Вадимов снаружи. – Пока нам ничего не известно о степени их вовлеченности. Мы не знаем, куда они делись. Мы даже не знаем, живы они или нет.

– Верно, – сказал Леонид. Опять скопился на окровавленную стену, взгляд словно против воли туда возвращался. Вот же мерзость какая. Леонид передернул плечами и вышел из сумрачного, страшного сарая.

Солнце уже поднялось, светило ярко, по-весеннему. Голубоватый крупитчатый снег сверкал в солнечных лучах, слепил глаза. Леонид достал из кармана пальто очки с особыми, синими стеклами, надел.

– А вы предусмотрительны, – завистливо проговорил Крутов, прикрывая глаза обеими ладонями, сложенными в козырек. – Бывали уже на северах?

– Нет, – ответил Леонид. – В первый раз.

– Кто же вас насчет очков надоумил?

Леонид пожал плечами.

– Сам сообразил.

– А я вот не сообразил, – вздохнул Крутов.

Позади барака расстилалась бескрайняя снежная равнина. Огромное белое поле до самого горизонта, совершенно пустое, глазу не за что зацепиться. Дикий северный простор.

В тундру уходил санный след.

– А это что такое? – спросил Леонид.

– Видать, лопари приезжали, – пояснил Зуев. – За водкой, значит. В городе-то им водку не продают. Запрещено.

Леонид был неприятно удивлен его пренебрежительным отношением.

– Разве эти самые лопари не могут оказаться причастны к преступлению?

– Нет, – уверенно ответил Зуев, – лопари так себя не ведут. Не способные они на лютное зверство. Мягкий народ, приветливый.

– Все равно, – сказал Леонид. – Надо бы разыскать тех, кто сюда заезжал, и расспросить подробно.

Зуев только махнул рукой.

– Да где их искать-то? Тундра большая. Кто тут был, когда? Как приехали, так и уехали. Может, еще сами опять объявятся, тогда и расспросим...

Послышался хруст снега под торопливыми шагами, из-за угла барака показался Шелестов. Был он без шапки, в расстегнутой тужурке, раздумываясь от быстрого шага. Подойдя ближе, возбужденно выпалил:

– Товарищи, пойдемте к реке. Иван Николаевич там что-то обнаружил.

На первый взгляд ничего особенного на реке не было видно. Утоптанная, обледенелая тропка спускалась к замерзшей полынье, откуда, очевидно, рабочие раньше брали воду. Возле полыньи стоял Пряхин, жмурился на солнце, чему-то довольно улыбался. Коллеги-расследователи сгрудились вокруг.

– Не томите, Иван Николаевич, – сказал Крутов. – Поделитесь своей догадкой с товарищами.

– Лед на полынье отличается, – обронил Пряхин многозначительно.

– Конечно, отличается, – вполголоса буркнул Вадимов. – На полынье лед тоньше. Тоже мне открытие.

– Нет-нет, – возразил Крутов, на лету уловивший подсказку. – Смотрите сами, полынью нарочно забросали снегом, чтобы лед скорее схватился.

И верно, Леонид теперь тоже обратил на это внимание.

– Выходит, кто-то пытался скрыть полынью, – сказал он. – Но зачем?

– А вот это, как говорится, интересный вопрос, – сказал Пряхин.

Леонид повернулся к оперуполномоченному Зуеву.

– Нужны водолазы из Мурманска. Срочно.

Водолазная бригада работала сноровисто. Видно было, что люди опытные, и дело свое знают хорошо, как сыскари знают свое. Следователи наблюдали за погружением издали, с берега. Солнце уже склонилось за пригорок, и на затененном берегу стало по-зимнему холодно. А водолазной бригаде хоть бы что. Неужели они и в ледяной воде не мерзнут? Леонид представил, как погружается в темную полынью и вода смыкается над головой, содрогнулся. Вдруг задержалась сигнальная веревка. Водолаза спешно вытянули из реки, открыли шлем. Лицо у водолаза было бледное, мокрое от пота. И дышал он тяжело и громко, как после бега или трудной работы.

Леонид подошел ближе.

– Ну, что там?

– Нашел, – сказал водолаз сиплым голосом. – Все трое там, на дне. К ногам рельса привязана, и мешки на головах.

– Итить! – вырвалось у кого-то из водолазной бригады.

– Надо их поднимать, – сказал Леонид.

– Ага, – сказал водолаз. – Сейчас. Отдышусь только.

– Справишься? – спросил бригадир. – Или сменить тебя?

– Не надо, переодеваться долго, я уж сам. Нормально я уже, просто не ожидал...

Одного за другим мертвецов доставали из реки, относили к берегу и укладывали на расстеленный брезент. Как и сказал водолаз, головы убитых были обмотаны мешковиной, вокруг шеи завязаны веревки.

Леонид ослабил на шее шарф, шумно выдохнул сквозь стиснутые зубы. Его била дрожь.

– Зачем с ними так? – спросил Шелестов странно тонким голосом.

– Полагаю, чтобы не оставлять на тропинке кровавых следов, – ответил Пряхин. – Иначе трупы обнаружили бы сразу.

Он присел на корточки возле одного из мертвецов, долго возился с задубевшей веревкой, распутывая узел, затем стащил с головы убитого мокрый мешок.

Мертвец выглядел жутко. Его опухшее лицо было синюшного цвета, череп смят чудовищным ударом, от которого один глаз выскочил из глазницы и заledenел на щеке серым комом, другой глаз, налитый кровью, был страшно выпучен...

У Шелестова заклокотало в горле; он сделал несколько быстрых шагов в сторону, согнулся, и его стошнило.

– Однако слабоват боец, – неодобрительно проронил оперуполномоченный Зуев.

– Вполне естественная реакция нормального человека, – возразил Крутов. – Наоборот, это мы очерствели на нашей работе.

– Извините, – проговорил Шелестов, вытирая рот. – Просто я такого еще не видал.

– Ничего-ничего, Витя, – сказал ему Пряхин. – Ты лучше в сторонке постой пока.

– Вот и нашли мы пропавших рабочих, – сказал Вадимов.

– Нашли, – согласился Леонид. – Но дело яснее не стало. Теперь надо искать, кто их всех убил.

– Водолазы еще что-то со дна подняли, – заметил Крутов. – Какой-то сверток.

Это оказались смотанные в скатку два серых бушлата и замызганная зимняя шинель, продранная на спине. В середину перевязанного веревкой свертка был положен тяжелый зазубренный колун.

– Орудие убийства, полагаю, – сказал Крутов.

Пряхин заинтересовался одеждой. Тщательно, методически осмотрел шинель – снаружи и изнутри, затем оба бушлата.

– Что скажете, Иван Николаевич? – спросил Леонид.

– Бушлаты не рабочих, – сказал Пряхин, – зэковские. А шинель – еще приметнее. В прежние времена офицеры в таких ходили. У этой погоны только спороты.

– И какой вывод?

– Думаю, надо по здешним лагерям проехаться с этой одежкой, поспрашивать контингент. Шинелек таких нынче не так много осталось.

– Вот и поезжайте, – согласился Леонид. – А мы в Мурманске продолжим. Нужно изучить сводки происшествий. Кажется, мы что-то упускаем...

В Мурманске было пасмурно и тоскливо. Солнце почти не показывалось; с залива то и дело напоздали клочья осклизлого, воняющего рыбой тумана. На каменистых склонах фигуры в серых бушлатах тяжелыми кувалдами крушили серые валуны. Неподалеку от вокзального перрона лязгал цепями экскаватор, выгрызал железной челюстью большие куски промерзлого грунта. На перроне стояла богатырских статей бабища, одетая в синий ватник. Нимало не смущаясь ни погоды, ни окружающих, кормила грудью завернутого в одеяло младенца. Ее круглое лицо было совершенно безмятежно.

Леонид докурил папиросу, вернулся в вагон. Голова пухла от прочитанных криминальных сводок и от недосыпа. Накануне он засиделся допоздна. Сон никак не шел: то ли оттого, что вместо правильной ночной темноты за окном плавали невнятные сумерки, то ли оттого,

что и ночью со всей округи продолжало доноситься гроыхание составов, звяканье сцепок, свистки локомотивов... Теперь ломило виски, и в глаза словно песку насыпали.

Крутов дремал в уголке, сидя, сцепив на животе пухлые ладошки. Вадимова Леонид отослал на телеграф с обязательным ежедневным отчетом для областного прокурора.

На краю стола лежала телеграмма, полученная нынче от Пряхина из Пулозера, где располагался один из исправительно-трудовых лагерей Мурлага.

«Шинель уверенно опознана. Принадлежит з/к Глухову, осужденному 10 лет за бандитизм. Глухов бежал 19-го совместно с другими з/к – Бадаевым Свищовым Тарасенко. Выезжаю Мурманск личными делами фотографиями всех».

Леонид посмотрел на карту Мурманского округа. В двадцати километрах вверх от Пулозера была станция Лопарская, неподалеку от которой двадцатого числа сгорел дом, а позже на пепелище были обнаружены спиленные стволы трех ружей. Еще дальше был перегон Шонгуй – Кола, приблизительно посередине которого находился злосчастный двадцать пятый барак. Получалось, что убийцы шли на север, в сторону Мурманска. Прокурор Кондратьев словно в воду глядел.

В дверь вагона отрывисто постучали; Крутов встрепенулся.

– Что такое?

В салон пульмана ввалился оперуполномоченный Зуев.

– Товарищ Шанцев, помните, вы про лопарей интересовались? – спросил он.

– Разумеется, – ответил Леонид.

– Ну так пожаловали голубчики. Значит, сами, как я и говорил.

– Где они?

– Так здесь, обоих с собой привел. Снаружи стоят, подле вагона.

– Веди их сюда.

Зуев хитро ухмыльнулся, покачал головой.

– Лучше не надо их в помещение заводить. Они, значит, шибко духовитые. Вы лучше сами пальтишко накиньте да выходите.

Одевшись, следователи вслед за Зуевым вышли из пульмана. Возле путей стояли два невысоких узкоглазых человечка с темными лицами. От их меховых песок сильно шибало псиной и чем-то еще, более гадким.

– Тот, что постарше, – Ванюто. Он по-нашему совсем не понимает, – сказал Зуев. – Дмитриев помоложе, он немного балакает.

Кто из лопарей был старше, а кто – моложе, Леонид не смог бы отличить. На его взгляд, оба выглядели одинаково.

– Когда были у барака, в какой день? – спросил Леонид. – Кого там видели?

Лопари непонимающе переглянулись, один другому что-то сказал по-своему.

– Не были они у барака, – сказал Зуев с досадой. – Ну, может, и были, но не тогда.

Леонид и без того был в дурном настроении, а тут и вовсе вскипел.

– Так какого... – начал было он взвинченным тоном, но тут экскаватор вдруг громко лязгнул по камням стальными зубами. Леонид вздрогнул, осекся.

Крутов деликатно прикоснулся к его руке.

– Погодите, коллега, не горячитесь. По-моему, местные товарищи хотят нам что-то сообщить.

– Так точно, – кивнул Зуев. – Дмитриев, расскажи товарищу следователю, что мне рассказывал.

Один из лопарей заговорил по-русски. Медленно, с трудом подбирая слова, он поведал, что на днях они вдвоем ехали по тундре на упряжках в сторону Кильдинского погоста. Вдруг заметили в отдалении дым, повернули туда, где горел костер. Когда подъехали к костру, увидели трех человек, которые жарили на огне мясо. Лопари подошли поздороваться и спросить,

нет ли у тех людей водки. А те вдруг выхватили обрезы, но стрелять не стали, только обоих связали. Потом велели везти их в Мурманск. Сами, однако, до Мурманска не доехали, велели остановиться неподалеку от Колы. Дальше они пошли пешком. А тот, что у них главный, сказал лопарям ехать обратно в тундру и о том, что было, помалкивать. Страшный очень, как бы и не человек. Его куйва пометил, сердце забрал, дал взамен звериное. Теперь он тоже как куйва.

– Куйва? – непонимающе переспросил Леонид. – Кто такой куйва?

– Это, значит, ихний злой дух, – пояснил Зуев. – Не то леший, не то упырь.

– Да-да, – подхватил Крутов, с большим интересом слушавший рассказ лопаря. – Припоминаю, я что-то такое читал у Чарнолусского.

– Только сказок народов Севера нам тут еще не хватало, – сказал Леонид, нахмурившись. Происходящее все больше напоминало ему скверный готический роман, какие он читывал в бытность реалистом. – Отчего вдруг лопари этого лешего бояться перестали?

– Тогда не знали, что он людей убил, – сказал лопарь. – Когда узнали – приехали. Остановить его надо, иначе еще убьет. Потом сердце станет есть, печень...

Другой лопарь что-то прибавил, опять по-своему.

– Ванюто говорит, куйва от простой пули не умрет, – перетолмачил Дмитриев слова соплеменника. – Надо голову отрубить, иначе снова встанет. Потом тело сжечь, а пепел перемешать с солью. Ванюто знает, его дед нойдой был...

– Нойда – это лопарский колдун, – сказал Зуев. – Колдунов они и опасаются, и уважают.

«Ну нет, – подумал Леонид. – Это уже чересчур».

Какой там роман, просто дурной сон. Голова плыла, словно у пьяного. Хотелось прилечь, смежить веки. Уснуть. Лишь бы без сновидений...

Он снова вздрогнул, когда Крутов подергал его за рукав.

– Что?

– Так отпускаем лопарей-то, или как? – спросил Зуев.

– Да-да, конечно, пускай идут, – проговорил Леонид. – Спасибо им за информацию.

Лопари побрели прочь. Леонид проводил их задумчивым взглядом, затем высказал мысль, беспокоившую его во время разговора:

– Странно, что беглые не убили и их тоже.

– Лопарей здесь не обижают, – сказал Зуев. – На мене-то обмануть могут, конечно. Это, значит, как водится. А лютовать – нет, нельзя. Иначе в тундру ходу не будет. Все местные знают.

– Так то местные. Беглым откуда это знать?

Зуев не ответил, только пожал плечами. Крутов же покивал, подтверждая, что уловил догадку.

– Как сказал бы товарищ Пряхин – «интересный вопрос».

В пульмане было накурено, хоть колун вешай. Тот самый, из вещдоков. Погода к вечеру испортилась вконец: по окнам хлестал дождь вперемишку с мокрым снегом.

Вся междуведомственная следственная бригада снова была в сборе. И оперуполномоченный Зуев вдобавок, без него совсем невозможно стало обходиться.

Пряхин расстегнул замки на потертом кожаном портфеле, выложил на стол привезенные из Пулозера личные дела беглецов. Четыре папки из грубого серого картона. Одна была заметно тоньше других.

«Глухов Егор Васильевич, 1903 года рождения, осужден за вооруженное ограбление к расстрелу с заменой 10 годами.

Бадаев Михаил Григорьевич, 1904 года рождения, осужден за вооруженное ограбление к 10 годам.

Свищов Григорий Федорович, 1904 года рождения, осужден за вооруженное ограбление к 10 годам.

Тарасенко Захар Иванович, 1906 года рождения, осужден за порчу социалистического имущества и поджог к 7 годам».

– Какие гнусные рожи, – промолвил Крутов, рассматривая фотографии беглых уголовников. – Хотя сейчас в картотеку синьора Ломброзо в качестве иллюстрации преступного типа «душегуб». Вот этот рязанский только не вписывается. – Он постучал ногтем по снимку Тарасенко.

– Да, явно не из их компании, – согласился Вадимов. – Простоват, по лицу видно. Потому его с собой и взяли.

– Зачем бандитам брать с собой простого деревенского парня? – заинтересованно спросил Леонид.

– При старом режиме довелось мне зимовать в Туруханске, – сказал Вадимов. – Глухие места, тайга на сотни верст. Слышал я там разные истории, про то, как бывалые с каторги бегут. Выбирают мужика покрупней да умом попроще, подговаривают бежать с собой...

Он замолчал, раскурил папиросу.

– Зачем? – повторил вопрос Леонид.

Вадимов криво усмехнулся.

– Путь долгий, а есть чего-то надо.

– Неужели они человечину ели? – дрогнувшим голосом спросил Шелестов.

– Бывает такое, – подал голос Зуев. – Здесь тоже, когда железку тянули, среди строителей голод был страшный. И мертвечиной не брезговали, и людоедство случалось.

Шелестов побелел, как тогда, возле полыньи. Впечатлительный юноша. Леонид подумал, что тоже когда-то был таким. Давно, до войны...

Он рассказал про встречу с лопарями, упомянул и про зловещего куйву. Но теперь, после слов Вадимова, история про самоедского упыря воспринималась по-другому.

Пряхин вдруг взялся перелистывать бумаги в папках.

– Где же я это видел?.. А, точно, – сказал он, ткнув пальцем в личное дело Глухова. – Этот вот – из мурманских, местом рождения Горелая Горка записана. Все сходится.

– Та Горка отсюда на полдороге в сторону Колы, – заметил Зуев.

– Большая она? – спросил Леонид. – Людей там много живет?

– Да кто ж знает? – пожал плечами Зуев. – Там и раньше-то никто народ не считал. Теперь еще и понаехали со всей страны. На стройку, значит. Кто в старых вагонах живет, кто в бараках, а другие – и вовсе в землянках. Закопается этот Глухов – хрен когда найдешь.

– Нужно достать беглых хоть из-под земли, – твердо сказал Леонид. – На днях товарищ Киров в Мурманск приезжает. Случись чего – с нас первых спросят.

– Понятно.

– А если облаву устроить? – предложил Шелестов.

– Где, на Горелой Горке? – Зуев хмыкнул. – Тут вам, товарищ следователь, не Ленинград. Тут десятком оперов не обойдешься.

– Может, народ тамошний порасспрашивать? – спросил Леонид.

– Всех подряд спрашивать не стоит, – покачал головой Крутов. – Беглых запросто можно спугнуть.

– Верно, знать нужно, кого спрашивать, – согласился Зуев. Помолчал, затем, ухмыльнувшись, прибавил: – Знаю я в тех местах одну веселую вдову, никому ни в чем не отказывает. А главное – всегда в курсе тамошних дел...

Полустанок тонул в предрассветной мгле. Все вокруг виделось одноцветным. Серым, призрачным.

У человеческих фигур невозможно было различить лиц. Да и все равно никого из зуевских сослуживцев Леонид не знал.

Шли, забирая в сторону от полустанка. Зуев вел уверенно, словно не раз здесь хаживал. Пересекли одни пути, другие... В тупике громоздились темные вагоны, от которых нестерпимо несло испражнениями.

Спустились с насыпи. Тут стояли сонные бараки без единого проблеска света в окнах. Пахло печным дымом, щами... Под ногами чавкала жидкая грязь, сапоги тонули в жиже по щиколотку.

Затем полезли куда-то вверх по скользкому косоугору. В тумане корчились уродливые кривые деревья, похожие на оголодавших чудовищ. Тянули скрюченные лапы, словно хотели утащить вглубь чащи и там сотворить страшное. Разодрать на куски, сожрать...

Наконец выбрались на ровное место. Здесь стоял кривоватый приземистый дом. В маленьком окошке мерцал огонек керосиновой лампы.

- Неужто не спят? – Зуев зло сплюнул.
- Вон с того угла зайти можно, из окна не увидят, – сказал Пряхин.
- Надо с другой стороны хоть пару человек поставить, – сказал Леонид.
- Я пойду, – вызвался Вадимов.
- Шубин, Мальцев, вы тоже, – распорядился Зуев.

Отряд разделился.

Держась за деревьями, подобрались почти к самой двери. Леонид вдруг обратил внимание, что Зуев держит в руке наган. И остальные тоже вооружены. Он достал из кармана браунинг, снял предохранитель. Зуев покосился на маленький пистолетик, ничего не сказал. Повернулся к своим.

- Дверь проверьте.
- Один из милиционеров взялся за скобу, потянул. Дверь не шелухнулась.
- Видать, на засов заложено.
- Ч-черт.
- Огонек в окне вдруг погас.
- Заметили, – сказал Крутов.
- Зуев бухнул в дверь кулаком.
- Открывай!
- После паузы из-за двери донеслось:
- Что надо?
- Открывай, милиция!
- «Как глупо», – подумал Леонид.

Звякнуло стекло в окне, грянул выстрел. По деревьям хлестнул заряд картечи. Кто-то взвыл, выматерился. Начали палить в ответ. Вразнобой, куда попало.

- Навались! – рывкнул Зуев, ударяя в дверь плечом.

Подскочил другой милиционер. И еще один. Затрещали подгнившие доски, дверь не выдержала. Зуев ввалился внутрь, не удержавшись на ногах.

Навстречу жажнули сразу из двух стволов. Милиционер, что замешкался на пороге, опрокинулся с развороченной грудью.

Те, что стояли возле входа, принялись палить в темноту дома, наугад. Зуев, не поднимаясь с пола, тоже выстрелил несколько раз.

- Суки! – проорал кто-то из дома. – Убью!
- Шелестов, пригибаясь, кинулся в дом.
- Куда? – охнул Пряхин. И бросился следом.

Внутри опять началась пальба.

Леонид вбежал в дом одним из последних. Где-то за спиной остался Крутов.

Лампа, подвешенная к потолку, моталась из стороны в сторону. По стенам прыгали тени, сложно было разобрать, что происходит. Леонид едва не упал, запнувшись о лежавшее на полу

тело. Кто-то сидел, привалившись к стене. Кажется, Шелестов, все его лицо было в крови. Еще кто-то скорчился в углу...

Посреди комнаты сразу трое боролись с долговязым бандитом. Пряхин висел у него на спине, захватив шею и левую руку в замок. Зуев, измочаленный в мясо, цепко оплелся у бандита вокруг ноги, не давал двинуться с места. И еще один милиционер пытался заломить его правую руку.

Долговязый хрипел, не поддавался. Подтащил милиционера поближе к себе, вцепился зубами ему в нос. С хрустом сомкнул челюсти, дернул головой. Брызнула кровь. Милиционер пронзительно завизжал, выпустил бандита, схватился за лицо обеими руками. Сквозь пальцы бежало ручьем. Леонид содрогнулся, он и представить не мог, что взрослый мужик способен так голосить.

Бандит ссутулил плечи, ухватил Пряхина свободной рукой за шиворот и перекинул через голову, прямо на стол. С треском подломились ножки. Пряхин тяжело грянулся на пол и уже не поднялся.

Долговязый шарахнул Зуева кулаком по темечку и, как тряпку, отшвырнул ногой в угол.

Распрямился, глянул на оцепеневшего Леонида. Оскалился окровавленным ртом. Усмешка была волчья, в глотке рокотало рычание.

Шагнул навстречу.

Леонид вскинул браунинг, почти коснувшись стволом лба долговязого. Выстрелил в упор.

Он мог поклясться, будто слышит, как пуля с хрустом вонзается в череп.

Долговязый рухнул. Но скалиться не перестал.

В этот раз телеграмму для облпрокурора Леонид отправлял сам. Был предельно лаконичен.

«Банда беглых з/к уничтожена. Глухов Бадаев убиты. Свищов арестован. При задержании погиб старший помощник прокурора Вадимов».

Вадимова пырнул ножом Свищов, во время суматохи выбравшийся через окошко в задней части дома. Нож угодил точно в сердце; Вадимов умер на месте. Свищова скрутили мурманские сотрудники ГПУ.

В то утро в больницу на Милицейской улице разом прибыло столько раненых, сколько не бывало, наверное, с самой войны. Шелестову проломили голову, он был без сознания. Врачи о его состоянии отвечали уклончиво, и становилось понятно, что пациент тяжелый. Пряхин от него не отходил, хотя у самого была сломана ключица и три ребра.

– Не уберег парня, – сокрушенно сказал Пряхин Леониду. – Я обещание его отцу давал. В девятнадцатом, когда Юденич на Питер наступал, мы воевали вместе. Под Ямбургом он меня спас, раненого на себе вытащил. Потом его в продотряд определили, и он в засаду попал с хлебным обозом. Кулаки их всех убили, вспороли животы да набили зерном... А Витюшка его у меня на глазах рос, почти как сын.

У Пряхина затряслись губы, лицо исказилось. Смотреть на это было почти невыносимо, Леонид отвернулся.

– Не упusti его, зверя этого, – горячо прошептал Пряхин, придвинувшись к Леониду почти вплотную. – Слышишь? Не упusti!

– Да, – сказал Леонид. – Конечно. Никуда не денется.

Он был уверен, что Пряхин говорит про Свищова. Трупы двоих застреленных бандитов, Глухова и Бадаева, лежали в больничном морге.

Свищов содержался в КПЗ линейного отделения. В больницу бандита не повезли, хотя при задержании его отделали так, что страшно было смотреть. Левая половина лица была черно-фиолетовая, как баклажан; один глаз заплыл, не открывался; правая рука сломана.

Вызвали в отделение фельдшера, который сделал Свищову перевязку и наложил лубки на перелом. Затем приступили к допросу.

Допрос вел Крутов. Леонид вопросов почти не задавал. Да это и не требовалось: Свищов был на удивление разговорчив. Видать, понимал, что ничего хорошего ему не светит. Рассказал и про женщину с детьми, убитую возле станции Лопарской, и про рабочих двадцать пятого барака. Зашла речь про четвертого беглеца, Тарасенко.

– Из него бандит, как из говна пуля, – сказал Свищов презрительно. – Он после барака совсем разнюнился, даже слезу пустил. Ну и кончили его. Там где-то, посреди тундры.

– И съели? – спросил Леонид.

Свищов ощерил острые осколки зубов.

– Ну а что? Хоть какой с него прок. На вкус был не хуже оленины.

Секретарь, который вел протокол допроса, посадил еще одну чернильную кляксу и даже прорвал пером бумагу, так сильно у него тряслись руки.

Снова приснилась жуткая темная фигура. Наполовину человеческая, наполовину звериная. Горящие глаза, острые зубы, длинные когтистые лапы...

Леонид пробудился со стоном. Кто-то тарабанил в дверь пульмана. За окном была белесая муть, часы показывали четверть первого ночи. Или уже день?..

Нет, не может быть.

Снова слышался стук в дверь. Тяжелый, отдающийся звоном в больной голове.

Так судьба стучится в дверь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.